

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ (НПИ) ИМЕНИ М. И. ПЛАТОВА»

На правах рукописи

Сикилинда Станислав Владимирович

**СПЕЦИФИКА И РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА**

5.7.7. Социальная и политическая философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук, доцент
Шевченко Ольга Михайловна

Новочеркасск - 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	18
1.1. Гендерная идентичность как предмет научного дискурса.....	18
1.2. Факторы трансформации гендерной идентичности в обществе постмодерна: методология социально-философского исследования.....	39
Глава 2. СОЦИАЛЬНЫЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА КАК ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	61
2.1. Экономические и технологические детерминанты общества постмодерна	61
2.2. Влияние ценностных установок общества постмодерна на трансформацию гендерной идентичности.....	80
Глава 3. ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА	101
3.1. Тенденции трансформации гендерной идентичности в условиях духовного кризиса общества постмодерна.....	101
3.2. Риски трансформации традиционной гендерной идентичности в обществе постмодерна.....	122
Заключение	145
Список литературы	151

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации обусловлена необходимостью исследования трансформации гендерной идентичности, её тенденций в современном обществе, определяемом в научном дискурсе как «общество постмодерна». Современные условия характеризуются состоянием социальной неопределенности, проявлениями которой выступают нестабильность общественной системы и ценностный плюрализм. На этом фоне получает развитие кризис традиционной идентичности, выходом из которого становится пересмотр прежних идентификационных моделей.

Традиционно гендерная идентичность рассматривалась в рамках исторически сложившейся бинарной системы, которая воспроизводилась в культуре посредством соответствующих символических образов с последующим закреплением в человеческом мировоззрении. В настоящее время имеет место переосмысление исторически сложившихся представлений о гендерной идентичности, что, по мнению ученых, обусловлено современными социокультурными трансформациями.

В обществе постмодерна активно формируется принципиально новый гендерный дискурс, сущностью которого является отсутствие корреляции между биологически обусловленной половой принадлежностью субъекта и его гендерной идентичностью. В конце XX века на Западе начинает формироваться гендерная культура, проявлениями которой выступают как феминизация политико-правового дискурса (уравнивание женщин в правах с мужчинами), так и граничащая с волюнтаризмом радикализация свободы в выборе человеком собственной гендерной идентичности.

Активное формирование нового гендерного дискурса в западных странах, по сути, знаменует отказ от её традиционного, биологически обусловленного и культурно закрепленного понимания. Заслуживает внимания факт, что данный процесс, затрагивая различные аспекты социального бытия, целенаправленно

поддерживается правящими кругами западных государств. Движение за гендерное равенство, выступая реализацией идей формально-правового равенства и либеральных ценностей западного мира, привело к переосмыслению исторически сложившихся представлений о гендерных отношениях и социальных ролях. В результате, некогда устойчивые ценности и внятные социальные ориентиры подверглись девальвации, а стремление к равноправию размыло бинарную систему гендерных маркеров, подорвало ощущение стабильности и целостности человеческой жизни. Вышеперечисленные изменения в сфере гендерной идентичности стали закономерным следствием абсолютизации ценности многообразия и плюрализма в обществе постмодерна.

Интенсивно формирующаяся на Западе новая гендерная картина мира ведет к становлению человека нового типа, чья гендерная идентичность становится полностью произвольной. Подобного рода тенденции имеют значимые для общества последствия, в том числе, связанные с его естественным воспроизводством: разрушаются представления об исконных социальных ролях, девальвируются семейные ценности, отношения между мужчинами и женщинами все менее понимаются как необходимые для рождения и воспитания детей.

Подобный гендерный мейнстрим является отражением глубокого духовного кризиса, охватившего западную цивилизацию, поскольку обозначенный вектор развития гендерных отношений и закрепления в массовом сознании произвольных гендерных принципов свидетельствует о моральной деградации общества и его упадке.

Вышесказанное обуславливает необходимость философского осмысления социокультурных оснований общества постмодерна, способствующих разрушению традиционных представлений о гендерной идентичности.

Научная проблема диссертации заключается в том, что гендерная идентичность подвергается серьезным трансформациям, обусловленным спецификой общества постмодерна. Изменения в сфере гендерных отношений отражают

социальные и культурные тенденции общества постмодерна, порождая серьезные риски, ведущие не просто к разрушению традиционных гендерных идентичностей, но и затрагивающие устойчивость формирующейся социальной системы в целом, ставящие под вопрос её дальнейшее существование.

Степень разработанности проблемы исследования. Теоретическое осмысление гендерной проблематики начинается с работ З. Фрейда¹, О. Вейнингера², Э. Эриксон³, К. Томпсона⁴, К. Хорни⁵ и др.

Основоположник психоанализа З. Фрейд усматривал различия между мужчиной и женщиной исключительно в наличии двух биологически обусловленных полов. К. Томпсон и Э. Эриксон отмечали, что значение анатомического пола заключается не в биологических отличиях, а в установках общества, выстраивающих ту или иную модель отношений между мужчиной и женщиной. Заслуживает внимания и тезис, согласно которому разделение видов деятельности обусловлено не анатомически, а культурно, прежде всего, традициями конкретного общества.

Принцип культурного детерминизма в понимании гендерных идентичностей становится приоритетным в работах М. Мид⁶, Ж. Лакана⁷, С. де Бовуар⁸, Дж. Батлер⁹, Дж. Бенджамина¹⁰, Э. Э. Маккоби¹¹ и др. Согласно данному принципу жизненные стратегии мужчин и женщин определяют культурные

---

¹ Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение» 1990. 448 с.

² Вейнингер О. Пол и характер. М.: «Терра», 1992. 480 с.

³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с.

⁴ Thompson C. 'Penis Envy' in Women // Psychiatry. 1943. № 6. P. 23–125.

⁵ Хорни К. Психология женщины. М.: «Эксмо», 2003. 347 с.

⁶ Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004. 412 с.

⁷ Лакан Ж. Изнанка психоанализа. Семинары: Книга XVII (1969–1970). М.: Гнозис, 2008. 272 с.

⁸ Бовуар С. Второй пол: Т. 1. Факты и мифы. Т. 2. Жизнь женщины. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 831 с.

⁹ Butler J. Gender Trouble. New York: Routledge, 1990. URL: <https://nashvillefeministart.wordpress.com/wp-content/uploads.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

¹⁰ Benjamin J. The Bonds of Love: Psychoanalysis, Feminism, and the Problem of Domination. New York: Pantheon Books, 1988. 243 p.

¹¹ Маккоби Э. Э. «Два пола: растем вместе». URL: http://read.newlibrary.ru/read/makkobi_yeleanor/page0/dva_pola_rastem_porozn_zhivem_vmeste.html (дата обращения: 14.06.2024).

нормы. В результате, гендерная идентичность не ограничена биологической принадлежностью, а включает в себя антропологическое измерение культуры. Гендерная самоидентификация человека осуществляется через понимание устройства собственного тела, что в дальнейшем определяет требования общества к выполнению человеком тех или иных социальных функций.

Современная западная психология разграничивает понятия «пол» и «гендер»: под «полом» понимаются биологические характеристики человека, в то время как «гендер» представляет комплекс культурно обусловленных ожиданий, стереотипов поведения, которые общество предписывает мужчинам и женщинам.

Таким образом, в большинстве современных зарубежных подходов к пониманию природы гендера доминирует идеи, утверждающие социально сконструированный характер гендерных ролей.

Проблема отношения полов, любви и творчества получила осмысление в трудах русских философов В. С. Соловьев¹², П. Флоренский¹³, Н. Бердяев¹⁴, В. Розанов¹⁵ и др. Размышляя о мужском и женском началах, отечественные мыслители выработали уникальный взгляд на природу пола. Поскольку «пол» человека рассматривался как его «половинность», проявление раздробленности существования, утраченность изначальной целостности, русские мыслители сосредоточились на пути преодоления данной неполноты и восстановления целостности посредством любви и творчества. В результате, любовь и пол рассматривались мыслителями как универсальные начала, способные интегрировать различные уровни бытия, восстановить утраченную гармонию.

В рамках отечественной психологической науки гендерные различия начинают изучаться в работах И. С. Кон¹⁶, В. Е. Каган¹⁷, И. С. Клецина¹⁸,

---

¹² Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991. 525 с.

¹³ Флоренский П. А. Столп и Утверждение Истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Лепта, 2002. 812 с.

¹⁴ Бердяев Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. 383 с.

¹⁵ Розанов В. В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. 875 с.

¹⁶ Кон И. С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. №2. С. 47-58; Кон И. С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности. СПб.: Дмитрий Буланин. 2002. С. 24-46.

В. С. Мухина¹⁹ и др. По мнению ученых, гендерная идентичность - это неотъемлемое свойство человеческого самосознания, которое связано с его именем, социальными стремлениями, ощущением времени, моральными ориентирами, всем тем, что он усваивает из опыта социального взаимодействия.

Гендерная проблематика входит в предметное поле, не только психологических, но и социологических исследований. Различные аспекты гендера анализируются в работах А. А. Безруковой²⁰, Е. А. Здравомысловой²¹, Л. В. Клименко²², Г. Г. Силласте²³, А. А. Темкиной²⁴, В. Г. Ушаковой²⁵, О. В. Фетисовой²⁶ и др. Социологи акцентируют внимание на роли социальных факторов и специфике процесса социализации в обретении устойчивой гендерной идентичности.

В настоящее время гендерная проблематика анализируется в политологических исследованиях. Она рассматривается в контексте проблемы влияния гендера на политику, включая сферу власти. В данном контексте можно выделить работы С. Г. Айвазовой²⁷, С. М. Виноградовой²⁸, К. С. Гаврилиной²⁹,

---

¹⁷ Каган В. Е. Половые аспекты индивидуальности // Психологические проблемы индивидуальности. 1984. Вып. 2. С. 109-112.

¹⁸ Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017. 144 с.

¹⁹ Мухина В. С. Феноменология развития и бытия личности: Избранные психологические труд. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. 640 с.

²⁰ Безрукова А. А. Гендерные исследования в России: проблемы становления и развития // Новые технологии. 2011. № 1. С. 203-206.

²¹ Здравомыслова Е. А. Позднесоветский дискурсивный кризис маскулинности — наше наследие? // Мужское измерение работы и семьи в современном мире: государственная политика и практики повседневности. Уфа: Изд-во Инеш, 2020. С. 8-15.

²² Клименко Л. В. Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация или архаизация // Женщина в российском обществе. 2013. №1. С. 20-31.

²³ Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2012. 638 с.

²⁴ Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии, 2017. № 20 (5). С. 15–38.

²⁵ Ушакова В. Г. Пол и гендер: социополитические аспекты терминологических дебатов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 352–362.

²⁶ Фетисова О.В. Роль семьи в процессах гендерной социализации молодежи // Гендерный калейдоскоп — 2019. Ростов н/Д: ООО «Фонд науки и образования», 2020. С. 73-77.

²⁷ Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. №4(85). С. 3-13.

²⁸ Виноградова С. М., Панцеров К. А. Гендерный мировой порядок: проблемы и перспективы формирования // Гуманитарный вектор. 2015. № 3 (43). С. 90-97.

С. А. Листиковой³⁰, П. П. Репиной³¹, Т. Б. Рябовой³², Ю. Л. Шепелевой³³, Л. Г. Швец³⁴, И. И. Юркиной³⁵ и др. Политологи рассматривают гендерную политику как государственную и общественную деятельность, направленную на установление равноправия мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности.

В философско-культурологическом аспекте проблема гендерной идентичности нашла отражение в работах Н. И. Андреевой³⁶, В. К. Барашян³⁷, М. Н. Бондаревой³⁸, М. Л. Бутовской³⁹, О. А. Ворониной⁴⁰, Н. А. Востровой⁴¹, Г. К. Гульбина⁴², О. Р. Демидовой⁴³, А. Д. Немеровской⁴⁴, Е. А. Потехиной⁴⁵, Е. А. Соболевой⁴⁶, О. Н. Шлычковой⁴⁷, К. Е. Шуршина⁴⁸ и др. Культурологи

---

²⁹ Гаврилина К. С. Проблема гендерной асимметрии во власти // Социально-гуманитарные знания. 2012. №1. С. 297-302.

³⁰ Листикова С. А. Гендерный фактор в современной политике: дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2002. 137 с.

³¹ Репина Л. П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к тендерной истории // Общественные науки и современность. 2000. №4. С. 123-137.

³² Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.

³³ Шепелева Ю. Л. Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 3. С. 240-245.

³⁴ Швец Л. Г., Шепелева Ю. Л. Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития. М.: КРЕДО, 2015. 148 с.

³⁵ Юкина И.И. Двудликий Янус гендерной политики в России // Женщина в российском обществе. 2011. №3(60). С. 30-38.

³⁶ Андреева Н. Н. Формирование гендерной культуры в современном обществе: философско-культурологический анализ: дисс. ... докт. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 285 с.

³⁷ Барашян В. К. Гендерная система в социально-философской рефлексии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 5 (165). С. 5-9.

³⁸ Бондарева М. Н. Гендер и стереотипы: философский подход // Социально-гуманитарные знания. 2025. №7. С. 170-174.

³⁹ Бутовская М. Л. Антропология пола. Фрязино: Век, 2013. 254 с.

⁴⁰ Воронина О. А. Гендерная культура в России: Традиции и новации. М.: ИФ РАН, 2018. 111 с.

⁴¹ Вострова Н. А. Философско-культурологическое осмысление гендера и гендерных отношений в отечественном научном знании // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. №4. С. 5-9.

⁴² Гульбин Г. К. Философия гендерологии и методологии // Современные проблемы науки и образования. 2012 № 6. URL: www.science-education.ru/106-7895 (дата обращения: 17.10.2024).

⁴³ Демидова О. Р., Потехина Е. А. Гендерные модели в культуре, или О философии мужского и женского. СПб.: «Русская культура», 2022. 174 с.

⁴⁴ Немеровская А. Д. Исследование гендерной идентичности в философско-антропологической перспективе: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2015. 168 с.

⁴⁵ Потехина Е. А. Эволюция гендерных образов в философско-антропологической мысли Нового времени // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. №3. С. 275-286.

⁴⁶ Соболева Е. А. Гендерные взаимоотношения в современной культуре: дисс. ... канд. философ. наук. Астрахань, 2005. 151 с.

отмечают, что гендерные категории позволяют поддерживать определенный культурный порядок в обществе посредством символов, которые оформляют систему отношений между мужчинами и женщинами. По сути, гендер выступает универсальным кодом, пронизывающим все аспекты социальной жизни.

Концептуальными для исследования социокультурной динамики общества и поливариантности цивилизационного развития выступают труды ученых ростовской культурологической школы: М. К. Петрова⁴⁹, Ю. А. Жданова⁵⁰, В. Е. Давидовича⁵¹, Г. В. Драча⁵², Е. В. Золотухиной-Аболиной⁵³, Т. Г. Лешкевич⁵⁴ и др. Поскольку данные авторы анализировали специфику цивилизационного развития России и Запада, их идеи имеют важное методологическое значение для исследования мировоззрение различных культурных миров.

Различные аспекты трансформации гендерной идентичности в современном обществе анализируются в работах А. С. Армен⁵⁵, О. А. Баклановой⁵⁶, Н. Е. Захаровой⁵⁷, О. И. Ключко⁵⁸, И. С. Кон⁵⁹,

---

⁴⁷ Шлычкова О. Н. Социокультурный анализ гендерной картины мира: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2000. 170 с.

⁴⁸ Шуршин К. Е. Гендер как предмет социально-философского анализа // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: материалы третьего Рос. филос. конгресса (16-20 сентября 2002 г.): в 3 т. Т. 3. Ростов н/Д, 2000. 304 с.

⁴⁹ Петров М. К. Универсалии и типы культуры // Исторические основания взаимодействия культур. Вып. 1. Общецивилизационные основы взаимодействия культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1991.

⁵⁰ Жданов Ю. А. Проблемы теории и истории культуры / Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. Ростов-на-Дону: Наука-пресс, 2005. 428 с.

⁵¹ Давидович В. Е. Общество и личность. М.: Высшая школа, 1962. 52 с.

⁵² Драч Г. В., Эфендиев Ф. С. Типология культуры как основа социокультурного познания: принципы и критерии // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Геленджик: Изд-во Родные традиции, 2017. С. 81-91; Драч Г. В. Культурное многообразие и современный мир // Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации: Материалы VI Российского культурологического конгресса с международным участием (г. Москва, 30 октября-01 ноября 2024). М.: Изд-во «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева», 2024.

⁵³ Золотухина-Аболина Е. В. Современное общество: проблема утраты парадигмальных ориентиров // Социум и власть. 2016. № 2 (58). С. 7-11.

⁵⁴ Лешкевич Т. Г. «Сознание, творящее реальность». Есть ли выход из словесного лабиринта // Эпистемология и философия науки 2018. Т. 55. № 2. С. 220–227.

⁵⁵ Армен А. С. Деконструкция гендерной идентичности и ее отражение в культурном пространстве постмодернистского общества // Культура и цивилизация. 2019. №1 (9). С. 55-60.

⁵⁶ Бакланова О. А., Демченко Н. А. Гендерные трансформации в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2015. №12. С. 323-325.

А. В. Чернышева⁶⁰, Н. А. Чуркиной⁶¹ и др. Исследователи акцентируют внимание на серьезных изменениях гендерных ролей в современном обществе, прежде всего, в молодежной среде. Молодые люди демонстрируют черты поведения и стиль одежды, которые традиционно предписывались полам. Специалисты связывают это с размыванием гендерных границ в наиболее значимых социальных сферах (профессиональной и брачно-семейной).

Анализ теоретических подходов к пониманию специфики гендерной идентичности позволяет констатировать, что данная проблема входит в предметное поле различных направлений современных исследований, свидетельствуя о ее междисциплинарности.

Несмотря на значимость вклада психологии, культурологии, социологии в осмыслении проблемы гендера, изменения в области гендерных отношений, происходящие в современном мире, требуют проведения философского исследования специфики и рисков трансформации гендерной идентичности в постмодернистском типе общества.

Объект исследования – гендерная идентичность как социальный конструкт.

Предмет исследования – факторы и векторы изменений представлений о гендерной идентичности в обществе постмодерна.

Цель исследования – выявить особенности процесса изменения гендерной идентичности в обществе постмодернистского типа.

Поставленная цель достигается путем решения **следующих задач:**

---

⁵⁷ Захарова Н. Е. Трансформация гендерных ролей в семье как фактор социогенеза // Актуальные вопросы антропологии. 2018. № 13. С. 47-62.

⁵⁸ Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи: сборник научных статей / под науч. ред. И. И. Ключко. Санкт-Петербург: НИЦ АРТ, 2020. 143 с.

⁵⁹ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 494 с.

⁶⁰ Чернышева А. В., Спириугова А. Г. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации // Гуманитарный вестник. 2021. № 6 (92). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/socio/754.html> (дата обращения: 11.06.2024).

⁶¹ Чуркина Н. А. Гендерная идентичность в аспекте трансформации гендерной ментальности // Социодинамика. 2018. № 9. С. 98-104.

- рассмотреть теоретические концепции гендерной идентичности, сложившиеся в научном дискурсе;
- определить методологические подходы для философского анализа особенностей и последствий процесса трансформации гендерной идентичности в обществе постмодерна;
- охарактеризовать экономические и технологические факторы, определяющие особенности общества постмодерна;
- показать влияние ценностных установок общества постмодерна на трансформацию гендерной идентичности;
- раскрыть направления трансформации гендерной идентичности в условиях духовного кризиса общества постмодерна;
- обозначить и описать социальные риски, сопровождающие процесс трансформации традиционной гендерной идентичности.

Гипотеза диссертационного исследования. Есть основания полагать, что в постмодернистском типе общества складываются социальные и ценностные предпосылки, которые детерминируют трансформацию гендерной идентичности. С одной стороны, эти изменения отражают эволюцию гендерных отношений и общественных представлений о «мужском» и «женском»; с другой, - они могут принимать формы, несущие социальные риски, связанные с деконструкцией исторически сложившейся бинарной системы.

В основе **теоретико-методологической базы исследования** лежит междисциплинарный подход, благодаря которому возможно комплексное изучение гендерной идентичности.

Методологическую базу социально-философского анализа гендерной идентичности образуют: конструктивистский подход, раскрывающий механизм социального конструирования действительности (П. Бергер, Т. Лукман); социокультурный подход (П. Сорокин), позволяющий исследовать культурный контекст, определяющий представления о гендерной идентичности в конкретном типе общества; символический подход (Ч. Кули, Дж. Мид) открывает возможность

осмыслить влияние различных культурных символов (языка, мифа, религии, идей, идеалов, традиций) на формирование идентичности; рискологический подход (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман) позволяет понять риски разрушения традиционной гендерной идентичности в современном обществе.

Методологически важными для исследования специфики общества постмодерна являются работы М. Фуко, Ж. Ф. Лиотара, Ж. Дерриды, Ж. Бодрийяра, Э. Ги Дебора, Ж. Делёза и Ф. Гваттари.

Концептуальными для исследования являются положения теории кризиса идентичности, теории информационного общества, концепции массовой культуры и общества потребления.

Решение исследовательских задач потребовало применения следующих общенаучных методов: анализ, синтез, обобщение, интерпретация, классификация и др.

Научная новизна исследования, полученная в результате решения поставленных задач, заключается в следующем:

- сформирована методологическая стратегия исследования, которая опирается на междисциплинарный, конструктивистский, социокультурный, символический, рискологический подходы, позволяющие провести философский анализ тенденций трансформации гендерной идентичности в обществе постмодерна;
- охарактеризованы экономические и технологические детерминанты общества постмодерна, которые создают условия трансформации гендерной идентичности;
- обозначены основные ценностные ориентации общества постмодерна, определяющие процесс изменения гендерной идентичности;
- выявлены и проанализированы основные направления трансформации гендерной идентичности в условиях духовного кризиса общества постмодерна;
- установлены основные риски трансформации традиционной гендерной идентичности в обществе постмодерна.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Исследование трансформации гендерной идентичности в обществе постмодерна с позиций социальной философии строится на комплексе подходов: междисциплинарном, конструктивистском, социокультурном, символическом и рискологическом. Их совокупность позволяет трактовать гендерную идентичность как социальный конструкт, посредством которого формируются представления о мужчине и женщине, их культурные образы и обусловленные ими модели поведения в социуме. Опираясь на категории «маскулинность/фемининность», гендерная идентичность конструирует картину мира, задающую нормы, правила и иерархию в отношениях между полами. В структуре гендерной идентичности можно выделить следующие компоненты: когнитивный, аффективный, поведенческий. Когнитивный компонент включает знания о гендерных различиях, понимание своей принадлежности в категориях «маскулинность/фемининность»; аффективный компонент охватывает совокупность чувств, оценок, переживаний, сопровождающих отношение человека к своей гендерной принадлежности; поведенческий компонент затрагивает внешние формы позиционирования человеком себя как представителя гендерной группы. Совокупность вышеперечисленных компонентов лежит в основе осознания человеком своей гендерной группы (когнитивный аспект), ощущений и оценок своих гендерных характеристик (аффективный аспект), а также демонстрации своей гендерной принадлежности через осуществление соответствующих социальных ролей (поведенческий аспект).

2. Специфика общества постмодерна обусловлена развитием посткапитализма, появлением новых информационно-коммуникационных технологий, интенсификацией глобализационных процессов, распространением модели «общества потребления». Все это принципиально меняет общественные отношения, характерные для предшествующих типов общества (традиционное общество, общество модерна). Данные тенденции влекут за собой значимые

трансформации в сфере гендерной идентичности. Интернет и цифровые технологии, действуя по ризоматическому принципу, предоставляют человеку возможность конструировать множественные, ситуативные идентичности, включая гендерные. Это становится возможным благодаря анонимности, дистантности и отсутствию жесткой «привязки» к телесности человека, обусловленных появлением виртуальной реальности. «Общество потребления» способствует девальвации подлинных ценностей и замещению самопознания внешними репрезентациями. В данной модели общества идентичность формируется через обладание вещами, следованию стандартам, навязываемым рекламой. В результате тело человека становится проектом, а его «Я» - исполнителем множества ролей. Это приводит к нарастанию неопределенности в понимании гендерной идентичности, аморфности её структуры. Универсальные принципы, бывшие ранее «каркасом» организации гендерных отношений, в новых социальных условиях утрачивают свою значимость, что создает предпосылки для нарастания хаоса, перехода общества к состоянию, лишённому четких ориентиров. Результатом становится тотальная неопределенность, в том числе, и в гендерной сфере.

3. Аксиологические установки общества постмодерна - плюрализм, релятивизм, ценности либеральной идеологии, виртуализация бытия - определили значительные трансформации в сфере гендерной идентичности. Последняя становится более пластичной, текучей, ситуативной, множественной. Цифровая реальность открыла беспрецедентные возможности для «игр с идентичностью», способствуя стиранию границ между «мужским» и «женским», превращая гендер в поле свободного конструирования. Виртуальное пространство позволяет пользователям экспериментировать с гендерными ролями, создавать множественные «проектные идентичности», выходить за пределы устойчивых бинарных категорий. Принципом постмодернистской культуры становится игра, в которой симулякры разрушают прежние гендерные модели. Специфика трансформации гендерной идентичности заключается в том,

что традиционная бинарная оппозиция «мужчина - женщина» утрачивает универсальный характер, уступая место гендерной ризоме, в которой допускаются любые комбинации феминных и маскулинных качеств.

4. Социальные и культурные трансформации второй половины XX века привели к появлению нового взгляда на гендерные отношения и гендерную идентичность человека. В настоящее время наблюдается кризис идентичности, который подрывает фундаментальные основы жизни, связанные с гендерной принадлежностью. Установки на трансформацию традиционных гендерных идентичностей, которые активно продвигают западные либеральные круги, меняют устоявшиеся представления о том, что значит быть мужчиной или женщиной. В современном мире гендерная идентичность превратилась в политический инструмент и стала ареной жесткой идеологической борьбы. В ряде стран Запада бинарные оппозиции «мужчина» и «женщина» лишаются своего содержания, становятся гибкими и ситуативными. Западные институты (ЕС, ООН) используют гендерную повестку как критерий «цивилизованности» государств и свободы западного общества. В западном мире дальнейшая трансформация гендерной идентичности будет зависеть не от биологии или психологии, а от того, какая политическая сила окажется у власти, и какую гендерную политику она будет проводить. Легитимация и распространение новой гендерной идеологии свидетельствует о глубоком духовном кризисе западной цивилизации.

5. Радикальная трансформация гендерной идентичности в обществе постмодерна, будучи порождением либеральной идеологии и духовного кризиса западной цивилизации влечет за собой серьёзные риски: кризис маскулинности, маскулинизацию женщин, девальвацию ценности традиционной семьи, демографический спад, геополитическую поляризацию, техногенную дегуманизацию. Серьезным риском становятся эксперименты над собственной телесностью в русле ее гендерной трансформации, что разрушительно не только для физического и психического здоровья человека, но и для его природы в целом.

Искусственная трансформация телесности все активней превращается в неотъемлемую часть успешного позиционирования личности в «обществе потребления». Особенности общества постмодерна привели к фундаментальным сдвигам, связанным с разрушением биологической природы человека, что определило нарастание деструктивных тенденций в сфере гендерной идентичности.

Научно-практическая и теоретическая значимость диссертационной работы продиктована ее нацеленностью на разрешение актуальной социальной проблемы, а именно, осмысление особенностей общества постмодерна, которые влияют на представления о гендерной идентичности и на гендерные отношения в целом. Полученные результаты могут найти применение в работе государственных органов, ответственных за сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как значимого элемента национальной безопасности государства. Помимо этого, материалы исследования могут применяться в образовательном процессе при чтении курсов «Социальная философия», «Основы нравственности», «Философская антропология», а также смежных дисциплин.

Теоретические результаты, полученные в ходе исследования, способствуют расширению концептуальной и методологической базы, позволяющей продолжить исследования специфики общества постмодерна и тенденций трансформации гендерной идентичности.

Достоверность полученных результатов обусловлена применением корректной теоретико-методологической базы, проверенных философских концепций, соблюдением принципов системного анализа и адекватных способов интерпретации данных, внутренней согласованностью текста диссертации.

Апробация работы. По теме диссертации опубликовано 9 научных работ, из которых 5 статей в журналах, включенных в перечень ВАК РФ. Ключевые положения и полученные выводы прошли апробацию на международных и региональных научных конференциях: XXI международная научная конференция

«Лосевские чтения» (г. Новочеркасск, 2024 г.), IX Всероссийская научно-практическая конференция (г. Волгоград, 2024 г.), IX Всероссийский конфликтологический форум «Векторы развития современной конфликтологии» (г. Ростов-на-Дону, 2024 г.).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации определяется связью тематики представленной работы со следующими пунктами паспорта специальности 5.7.7. «Социальная и политическая философия»: 12. Социально-философский анализ культуры как взаимосоотнесенных символических программ мышления, чувствования и поведения людей. Феномен контркультуры; 24. Социальные трансформации в современном мире; 31. Источники и механизмы социокультурного изменения; 48. Социально-философское изучение модернизаций, модерна и постмодерна. Типологии общественно-исторических процессов.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка литературы.

Глава 1. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Гендерная идентичность как предмет научного дискурса

Актуализация проблемы гендерной идентичности обусловлена развитием в XX веке научного интереса к идентичности человека в целом. Начало исследований в области идентичности традиционно связывают с работами Э. Эриксона⁶², который анализируя состояния страха и тревоги, пришел к выводу, что спецификой человека является его стремление к обретению психоэмоционального равновесия и социальной устойчивости.

Ученый понимает идентичность как «субъективное чувство и наблюдаемое качество личной самоидентичности и непрерывности (постоянства), соединённое с определённой верой в тождественность и непрерывность некоторой картины мира, разделяемой с другими людьми»⁶³. Тем самым, идентичность закладывает фундамент личности, делая ее целостной и уверенной в себе. По сути, идентичность представляет собой глубокое понимание и принятие себя, своего «Я», которое обеспечивает стабильность существования человека.

Психолог отмечает, что в идентичности человека объединяется его личный опыт с социальным, позволяющий ориентироваться, адаптироваться к новым обстоятельствам, упорядочивать знания о себе и окружающем мире, находить свое место в обществе. В этом смысле осознание человеком своей идентичности выступает опорой в постоянно меняющемся мире.

---

⁶² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с.

⁶³ Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things. Selected Papers / Ed. By S. Schlein. N.Y., 1995. P. 749-755.

Исследования Э. Эриксона в области идентичности инициировали начало дальнейшего изучения проблемы.

Основоположниками теории социальной идентичности считаются Г. Тэджфел и Дж. Тернер⁶⁴, которые утверждают, что представление человека о своей групповой принадлежности является результатом сравнения и категоризации. Так Г. Тэджфел под социальной идентичностью понимает осознание человеком своей принадлежности к социальным группам, подкрепленное эмоциональными переживаниями и ценностной значимостью⁶⁵.

Согласно подходу Г. Тэджфела и Дж. Тернера, социальная идентичность играет ключевую роль в самовосприятии человека и организации окружающего его мира. Принадлежность к группе обеспечивает человеку понимание своего места в мире и позволяет чувствовать себя частью группы, что дает ощущение безопасности.

В психологическом ключе проблема идентичности рассматривается такими авторами, как Дж. Марсиа и М. Фридман⁶⁶, А. Уотерман⁶⁷ и др. Ученые рассматривают идентичность не как статичное состояние, а как активный процесс решения человеком жизненных задач. Идентичность формируется в процессе выбора, который оказывает влияние на структуры личности, укрепляя образ своего «Я». Дж. Марсиа и М. Фридман разрабатывают статусную модель идентичности, суть которой заключается в том, что именно решение сложных жизненных проблем позволяет человеку развиваться и, тем самым, обрести более высокий статус. То есть преодоление трудностей является мощным стимулом для самосовершенствования личности.

---

⁶⁴ Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // The Psychology of Intergroup Relations. Chicago, 1986. P. 162-171.

⁶⁵ Tajfel H. Social categorization // Introduction à la psychologie sociale / Ed. S. Moscovici. Paris: Larousse, 1972. № 1. P. 272–302.

⁶⁶ Marcia J. E. Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology / ed. by J. Adelson. N. Y., 1980. P. 159–187.

⁶⁷ Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // Devel. Psychol. 1982. V.18. № 3. P. 341–358.

Американский ученый А. Уотерман разработал ценностно-волевую концепцию идентичности. Он полагает, что в основе формирования социальной идентичности лежат цели, ценности, убеждения, которые определяют выбор человека. Эти структурные элементы идентичности, по мнению А. Уотермана, возникают в результате осознанного выбора, который человек постоянно осуществляет в своей жизни. Особенно важен этот выбор в периоды личностных кризисов, являющихся неотъемлемым спутником процесса формирования социальной идентичности.

Согласно концепции А. Уотермана, процесс становления идентичности разворачивается в следующих сферах жизнедеятельности человека:

- а) профессиональная (выбор профессиональной деятельности);
- б) идеологическая (принятие или пересмотр моральных норм и религиозных убеждений);
- в) политическая (выбор политических ценностей, взгляд на политическое устройство общества);
- г) социально-ролевая (освоение человеком социальных ролей, включая гендерные).

По мнению ученого, в становлении идентичности играют роль два ключевых процесса — ее формирование и ее содержание. Только в их неразрывной связи можно понять, почему тот или иной выбор человека оказывается значимым для его идентичности.

В дальнейшем развитие теории идентичности продолжают Ч. Кули⁶⁸, Дж. Г. Мид⁶⁹, И. Гоффман⁷⁰, Ю. Хабермас⁷¹ и др. Создатель теории «Я-концепции» Ч. Кули подчеркивает роль «других» в формировании представлений о самом себе. В этом смысле осознание своей принадлежности определенной

---

⁶⁸ Cooley С.Н. Social Process. Charleston, SC: Bibliolife, 2009. 430 p.

⁶⁹ Мид Дж. Г. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 224–227.

⁷⁰ Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 302 с.

⁷¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политических идей. СПб., 2008. 417 с.

социальной группе становится важной составляющей идентичности человека, определяющей его место в обществе и понимание самого себя.

Согласно теории Дж. Г. Мида, идентичность формируется через способность видеть себя глазами «другого». Личность формируется под влиянием социального взаимодействия, в результате которого происходит усвоение норм, ценностей, традиций, транслируемых «другими» в обществе. Только через «других», с точки зрения психолога, формируется наше представление о себе: человек формируется только в результате диалога с обществом. Инструментами этого взаимодействия выступают язык и система символов, посредством которых осуществляется общение.

Аналогичную позицию занимает И. Гоффман, который считает идентичность результатом социального взаимодействия. Для характеристики последнего он использует понятие «знак». Мир человека имеет знаковую природу, поскольку любое действие человека направлено на демонстрацию себе. Знаком, несущим определенную информацию, может быть одежда, манера общения, жесты, предметы личного назначения, жилище и т. д. По мнению ученого, с помощью этих знаков мы подчеркиваем определенные качества своей личности, свои ценностные установки. Тем самым, мы сигнализируем окружающим о том, какие мы есть, и чем отличаемся от них.

В свою очередь Ю. Хабермас пытается синтезировать личную и социальную идентичность. В этой связи полагает, что идентичность человека состоит из двух ключевых измерений — вертикального и горизонтального. Первое — личностное, что делает нас уникальными (ценности, убеждения, личная история и пр.); второе - социальное, то есть это отражение наших контактов с другими людьми и наши социальные роли. В данном подходе отражается субъектно-объектный характер идентичности, проявляющийся в том, что человек одновременно является и творцом своей жизни, и объектом влияния общества.

Вышеизложенные подходы являются концептуальными для исследования специфики гендерной идентичности как одной из форм социальной идентичности человека.

В научном дискурсе проблема гендерной идентичности рассматривается в контексте проблематики гендерных отношений, гендерной идеологии, гендерных ролей, гендерной политики.

Надо сказать, что понятие «гендер» было введено в научный дискурс в 1956 году американским психоаналитиком Р. Столлером, который подчеркивал многогранность категории «пол», включая в нее не столько анатомический смысл, сколько социальные и культурные аспекты.

Но теоретическое осмысление гендерной проблематики начинается с работ З. Фрейда⁷², О. Вейнингера⁷³, Э. Эриксона⁷⁴, К. Томпсона⁷⁵, К. Хорни⁷⁶ и др. З. Фрейд, как основоположник психоанализа, видел различия между мужчиной и женщиной исключительно в наличии двух биологических полов. Он полагает, что гендерная идентичность (ощущение себя мужчиной или женщиной) формируется в процессе психосексуального развития личности. Анатомические различия здесь - не просто физиология, а символы, олицетворяющие мужественность или женственность.

В свою очередь О. Вейнингер считал, что в реальности физические черты, характерные для определенного пола носят размытый характер, поскольку в обществе наблюдается наличие женских форм у мужчин и мужских у женщин. Это касается не только внешности, но и психики человека. То есть в каждом человеке присутствуют оба начала, как в явном, так и латентном виде.

Ученики З. Фрейда не принимали его сугубо биологический подход к пониманию гендерных различий. Психологи К. Томпсон и Э. Эриксон указывали

---

⁷² Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение» 1990. 448 с.

⁷³ Вейнингер О. Пол и характер. М.: «Терра», 1992. 480 с.

⁷⁴ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с.

⁷⁵ Thompson C. 'Penis Envy' in Women // Psychiatry. 1943. № 6. P. 23–125.

⁷⁶ Хорни К. Психология женщины. М.: «Эксмо», 2003. 347 с.

на то, что значение анатомического пола кроется не столько в биологических отличиях, сколько в том, как общество выстраивает модель отношений между мужчиной и женщиной. Кроме того, ученые отмечали, что разделение видов деятельности на мужские и женские определяется не анатомией их тела, а традициями общества.

Критикуя позицию З. Фрейда, американский психоаналитик К. Хорни, реабилитирует значимость женской идентичности в обществе. Она подчеркивает, что путь развития женской гендерной идентичности не сводится исключительно к переживаниям, связанным с Эдиповым комплексом, которым Фрейд объяснял отношения в социуме. Согласно ее позиции, женская идентичность является даже более полноценной, чем мужская. Это связано с возможностью женщины продолжать род, рожать новую жизнь. По мнению К. Хорни, это свидетельствует о фундаментальном превосходстве женщины в обществе, что заставляет мужчин компенсировать свою несостоятельность в этой области через достижения в других сферах жизни (бизнес, политика, творчество и пр.).

Принцип культурного детерминизма в понимании гендерных идентичностей отстаивается в работах М. Мид⁷⁷, Ж. Лакана⁷⁸, С. де Бовуар⁷⁹, Дж. Батлер⁸⁰, Дж. Бенджамин⁸¹, Э. Э. Маккоби⁸² и др.

Изучая специфику культуры племен в новой Гвинее, М. Мид установила влияние культурных норм на особенности гендерного поведения. То есть поведение мужчин и женщин обусловлено не биологическими различиями, а социокультурными факторами. Кроме того, она зафиксировала тот факт, что в

---

⁷⁷ Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004. 412 с.

⁷⁸ Лакан Ж. Изнанка психоанализа. Семинары: Книга XVII (1969–1970). М.: Гнозис, 2008. 272 с.

⁷⁹ Бовуар С. Второй пол: Т. 1. Факты и мифы. Т. 2. Жизнь женщины. М.: Прогресс; СПб. : Алетейя, 1997. 831 с.

⁸⁰ Butler J. Gender Trouble. New York: Routledge, 1990. URL: <https://nashvillefeministart.wordpress.com/wp-content/uploads.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

⁸¹ Benjamin J. The Bonds of Love: Psychoanalysis, Feminism, and the Problem of Domination. New York: Pantheon Books, 1988. 243 p.

⁸² Маккоби Э. Э. «Два пола: растем вместе». URL: http://read.newlibrary.ru/read/makkobi_yeleonor/page0/dva_pola_rastem_porozn_zhivem_vmeste.html (дата обращения: 14.06.2024).

традиционных культурах гендерные отношения кардинально отличаются от того, как они строятся в культуре Запада. Культурные нормы общества определяют жизненные стратегии мужчин и женщин. Но надо отметить, что М. Мид, в своих более поздних трудах, подчеркивала, что гендерные роли это не только отражение культурных и социальных норм, это воплощение антропологических характеристик (телесности) в культуре. По сути, гендерная идентичность включает в себя антропологическое измерение культуры. Гендерная самоидентификация человека происходит в результате понимания устройства своего тела, которое и определяет социальные требования к выполнению человеком определенных функций в обществе.

Французский философ, психолог Ж. Лакан не принимает биологизаторский подход З. Фрейда в понимании гендерных различий. По его мнению, понятия «мужчина» и «женщина» являются лишь вербальными конструктами, смысл и содержание которых определяются природой самого языка как явления культуры. Иными словами, ученый полагает, что в природе нет изначально заданных форм — мужчины и женщины. Эти понятия обретают свое уникальное значение только в рамках конкретных культур. Эти категории регулируют социальные отношения и конструируют гендерные характеристики.

Таким образом Ж. Лакан внес значительный вклад в понимание того, как культура влияет на представления о мужчине и женщине, на восприятие их особых качеств. В этом плане, эти образы являются своего рода культурными архетипами, оказывающими влияние на формирование представлений о мужественности и женственности.

Известный французский мыслитель-экзистенциалист Симона де Бовуар отмечает, что существующие биологические различия между мужчинами и женщинами на более глубоком, экзистенциальном уровне бытия человека становятся мало значимыми. Де Бовуар утверждает, что то, что мы воспринимаем в категориях «женское» и «мужское», на самом деле, является искусственно созданным конструктом. Эти представления навязаны обществом под влиянием

многовекового патриархального уклада, в рамках которого сформировались устойчивые нормы и стереотипы относительно статуса мужчины и женщины в социуме: мужчине традиционно отводилась главенствующая роль, а женщина занимала подчиненное положение. По мнению ученого, это было обусловлено тем, что на ранних этапах развития человечества произошло разделение функций и сфер деятельности, в результате мужчинам была отведена роль творцов культуры и социальной жизни, а женщинам — роль хранительниц и продолжательниц жизни.

Американский философ Дж. Батлер разработала теорию, согласно которой гендер является не биологическим маркером, а результатом представлений о различиях между мужчиной и женщиной. В рамках данного подхода, наше понимание половой принадлежности человека формируется под влиянием общепринятых представлений о «гендерной полярности»⁸³. Исторически сложилось так, что в большинстве культур гендерные категории рассматриваются как абсолютные противоположности. В этой связи Дж. Батлер подчеркивает, что именно гендерная идентификация является фундаментальным элементом социализации индивида, поскольку «личность становится понятной для понимания только после того, как она обретает гендер»⁸⁴.

Дж. Бенжамин подчеркивает фактор семейного воспитания в восприятии гендерных ролей и отношений. В его подходе акцентируется внимание на социальных ролях, характерных для отцовства и материнства, которые закреплены в культуре общества.

В своей известной работе «Два пола: растем вместе» американский психолог Э. Маккоби отмечает тот факт, что различия, связанные с гендером, наиболее ярко проявляются в условиях взаимодействия людей, в рамках социальных групп. По мнению ее мнению, гендер влияет на становление

---

⁸³ Butler J. Gender Trouble. New York: Routledge, 1990. URL: <https://nashvillefeministart.wordpress.com/wp-content/uploads.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

⁸⁴ Butler J. Gender Trouble. New York: Routledge, 1990. URL: <https://nashvillefeministart.wordpress.com/wp-content/uploads.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

личности на протяжении всей жизни, начиная с ранних лет и заканчивая зрелостью.

Современная западная психология проводит разграничения между понятиями «пол» и «гендер»: под «полом» понимаются биологические характеристики человека, а «гендер» представляет собой комплекс культурно обусловленных ожиданий, стереотипов поведения, которые общество предписывает мужчинам и женщинам. Таким образом, в большинстве современных зарубежных подходов к пониманию природы гендера доминирует идея о том, что гендерные роли социально сконструированы.

Следует отметить, что проблема отношения полов, любви и творчества находила осмысление в трудах таких русских философов, как В. С. Соловьев⁸⁵, П. Флоренский⁸⁶, Н. Бердяев⁸⁷, В. Розанов⁸⁸ и др.

В философии В. С. Соловьева женское начало рассматривается как всеобъемлющее, пронизывающее все уровни бытия — от метафизической сферы до повседневной жизни. Мыслитель указывал на превосходство женской природы над мужской, поскольку, по его мнению, женщина была создана из более совершенного материала и ее устройство значительно сложнее, чем мужское. Философ отождествлял женщину с Божественной Софией (в понимании ее в учении Платона), но в то же время уделял внимание и земным проявлениям женской природы. В этом воплощается его принцип соборности, целостности в понимании сущности женского начала.

Н. Бердяев указывает на андрогинную природу любви, подчеркивая ее трагический характер. Последний проявляется в непреодолимой отчужденности мужчины и женщины, их изначальной разделенности.

В учении П. Флоренского присутствует глубокий анализ такого чувства, как любовь. Рассматривая различные проявления любви и устанавливая между ними

---

⁸⁵ Соловьев В. С. Смысл любви: Избр. произведения. М.: Современник, 1991. 525 с.

⁸⁶ Флоренский П. А. Столп и Утверждение Истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Лепта, 2002. 812 с.

⁸⁷ Бердяев Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. 383 с.

⁸⁸ Розанов В. В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. 875 с.

иерархию, философ приходит к выводу, что «любовь вне Бога есть не любовь, а лишь естественное космическое явление, столь же мало подходящее христианской абсолютной оценке, как физиологические функции желудка»⁸⁹. Смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы смотреть на окружающий мир через призму Божественной любви.

В. Розанов видел суть взаимоотношений между мужчиной и женщиной в единстве телесного и духовного. Семью он называет «малым храмом бытия», в котором происходит рождение новой жизни. Акт появления на свет ребенка мыслитель рассматривает как мост между земным миром и высшим бытием. Подлинный смысл человеческого существования, по его мнению, заключается в семье, любви, детях.

Русские философы, размышляя о мужском и женском началах, выработали уникальный взгляд на природу пола и любви. Если традиционно «пол» человека рассматривался как его «половина», подчеркивая тем самым его неполноценное, раздробленное существование, то русские мыслители видели путь преодоления этой неполноты в восстановлении целостности, которую можно обрести только через любовь и творчество. Любовь и пол рассматриваются мыслителями как универсальные начала, способные интегрировать различные уровни бытия, восстанавливая тем самым утраченную гармонию.

В современном научном знании проблема гендерной идентичности начинает входить в предметное пространство различных направлений исследований — психологии, социологии, политологии, культурологии.

В рамках отечественной психологической науки гендерные различия начинают изучаться в работах таких психологов, как И. С. Кон⁹⁰, В. Е. Каган⁹¹, И. С. Клецина⁹², В. С. Мухина⁹³ и др.

---

⁸⁹ Флоренский П. А. Столп и Утверждение Истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Лепта, 2002. С. 90.

⁹⁰ Кон И. С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. №2. С. 47-58; Кон И. С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности. СПб.: Дмитрий Буланин. 2002. С. 24-46.

По мнению И. С. Кона, современные гендерные отношения претерпевают значительные изменения, которые обусловлены тенденцией индивидуализации и многообразием образов жизни. Ключевым фактором этих изменений являются трансформации гендерного порядка, связанные с изменением положения женщин в обществе. Повышение экономической независимости женщин, их активное участие во всех сферах общественной жизни неизбежно привели к размыванию традиционных гендерных различий и связанной с ними социальной иерархией. Кардинальные изменения в положении женщины свидетельствуют о социальной обусловленности представлений о гендерных различиях в обществе.

В. Е. Каган предлагает свою модель гендерной идентичности, в которой выделяет следующие уровни — биологический, социальный и личностный:

1. Базовая идентичность. Этот уровень отражает биологическую основу нашей половой принадлежности, которая определяется физиологическими особенностями, которые эволюционно заложены в человеке. По сути, это биологические маркеры, которые обусловлены природой.

2. Ролевая идентичность. Этот уровень формируется под влиянием социальной среды, которая детерминирует определенные модели поведения, которые считаются «мужскими» или «женскими» в конкретной культуре. Это те социальные ожидания, которые предъявляются к мужчинам и женщинам в разных ситуациях, а также в выборе профессиональной деятельности. Данный уровень представляет своего рода социальный сценарий половой принадлежности человека.

3. Персональная идентичность. Это уровень, который объединяет в себе биологическую основу (базовую врожденную идентичность) и социальные роли (ролевую идентичность), формируемые в процессе социализации индивида.

---

⁹¹ Каган В. Е. Половые аспекты индивидуальности // Психологические проблемы индивидуальности. 1984. Вып. 2. С. 109-112.

⁹² Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017. 144 с.

⁹³ Мухина В. С. Феноменология развития и бытия личности: Избранные психологические труд. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. 640 с.

Персональная идентичность представляет собой восприятие человеком самого себя в контексте дифференциации маскулинной и феминной принадлежности, которые проявляются в социальном взаимодействии.

Таким образом, психолог показывает, что половая принадлежность есть сложное переплетение биологии, общества и личного самоощущения.

Отечественный психолог И. С. Клецина подчеркивает, что формирование идентичности у мужчин и женщин — это динамический процесс, идущий на протяжении всей жизни. Если в детстве ключевую роль играет самокатегоризация, то есть отнесение себя к определенным группам, то в молодости и зрелости на первый план выходит процесс социальной рефлексии (осмысление своей идентичности в обществе), а также умение конструктивно справляться с кризисами идентичности, которые возникают в различные периоды взросления. Другими словами, то, как мы определяем себя в детстве, отличается от того, как мы идентифицируем себя во взрослой жизни

Согласно позиции В. С. Мухиной, гендерная идентификация, формируемая с детства, определяет специфику самосознания личности. По ее мнению, именно осознание и принятие человеком своей половой принадлежности имеет «наиважнейшее значение для развития личности: чувство тождественности со своим полом, стремление поддержать «престиж» своего пола в рамках социальных ожиданий определяют основополагающие позитивные достижения в развитии личности»⁹⁴. В этом значении гендерная идентичность - это неотъемлемое свойство самосознания человека, которое связано с его именем, социальными стремлениями, ощущением времени и моральными ориентирами, которые он усваивает из социальной среды.

В целом работы вышеназванных автор заложили основу развития психологии гендерных отношений.

---

⁹⁴ Мухина В. С. Феноменология развития и бытия личности: Избранные психологические труд. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. С. 56.

Гендерная проблематика входит в предметное поле и социологических исследований. Различные аспекты гендера анализируются в работах А. А. Безруковой⁹⁵, Е. А. Здравомысловой⁹⁶, Л. В. Клименко⁹⁷, Г. Г. Силласте⁹⁸, А. А. Темкиной⁹⁹, В. Г. Ушаковой¹⁰⁰, О. В. Фетисовой¹⁰¹ и др.

Социологи акцентируют внимание на роли социальных факторов и специфике процесса социализации в обретении устойчивой гендерной идентичности.

Социологи выделяют два фактора, участвующих в формировании гендерной идентичности — объективный и субъективный.

Объективный фактор охватывает процессы воспитания и обучения, сложившееся в обществе гендерное разделение труда, а также фиксируемая система гендерных ролей, система массовой информации (трансляция мужских и женских образов). Г. Силласте подчеркивает влияние социально-экономических факторов на формирование групповой идентичности, в том числе и гендерной. В этом смысле гендер — это не врожденная характеристика, а то, что индивид приобретает в процессе социальной жизни.

Исследователи отмечают, что «человек осознает себя связанным с определениями мужественности и женственности, действующими в данной культуре и принимает мужские или женские черты, то есть наделяется

---

⁹⁵ Безрукова А. А. Гендерные исследования в России: проблемы становления и развития // Новые технологии. 2011. № 1. С.203-206.

⁹⁶ Здравомыслова Е. А. Позднесоветский дискурсивный кризис маскулинности — наше наследие? // Мужское измерение работы и семьи в современном мире: государственная политика и практики повседневности. Уфа: Изд-во Инеш, 2020. С. 8-15.

⁹⁷ Клименко Л. В. Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация или архаизация // Женщина в российском обществе. 2013. №1. С. 20-31.

⁹⁸ Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2012. 638 с.

⁹⁹ Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии, 2017. № 20 (5). С. 15–38.

¹⁰⁰ Ушакова В. Г. Пол и гендер: социополитические аспекты терминологических дебатов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 352–362.

¹⁰¹ Фетисова О.В. Роль семьи в процессах гендерной социализации молодежи // Гендерный калейдоскоп — 2019. Ростов н/Д: ООО «Фонд науки и образования», 2020. С. 73-77.

психологическими качествами и моделями поведения, которые данное общество приписывает людям в зависимости от их биологического пола»¹⁰².

Субъективный фактор отражает личное осознание и выбор гендерной идентичности, который основывается самоощущении своей гендерной уникальности, ее принятии и адаптации к ней. Это внутреннее понимание человеком самого себя, которое может отличаться от того, что ожидает общество. В этом плане, человек может сознательно принимать или отвергать те нормы и роли, которые предлагает ему общество. Здесь социологи указывают на активность индивида в формировании своего гендера.

Очевидно, что интеграция этих факторов дает более полное понимание специфики процесса формирования гендерной идентичности в социуме, а также ее сложности и многогранности.

В настоящее время гендерная проблематика активно анализируется в политологических исследованиях в контексте проблемы влияния гендера на политику и сферу власти в обществе. В этом направлении можно выделить работы таких авторов, как С. Г. Айвазова¹⁰³, С. М. Виноградова¹⁰⁴, К. С. Гаврилина¹⁰⁵, С. А. Листикова¹⁰⁶, П. П. Репина¹⁰⁷, Т. Б. Рябова¹⁰⁸, Ю. Л. Шепелева¹⁰⁹, Л. Г. Швец¹¹⁰, И. И. Юркина¹¹¹ и др.

---

¹⁰² Здравомыслова Е. А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15-76. С. 21.

¹⁰³ Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. №4(85). С. 3-13.

¹⁰⁴ Виноградова С. М., Панцеров К. А. Гендерный мировой порядок: проблемы и перспективы формирования // Гуманитарный вектор. 2015. № 3 (43). С. 90-97.

¹⁰⁵ Гаврилина К. С. Проблема гендерной асимметрии во власти // Социально-гуманитарные знания. 2012. №1. С. 297-302.

¹⁰⁶ Листикова С. А. Гендерный фактор в современной политике: дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2002. 137 с.

¹⁰⁷ Репина Л. П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к тендерной истории // Общественные науки и современность. 2000. №4. С. 123-137.

¹⁰⁸ Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.

¹⁰⁹ Шепелева Ю. Л. Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 3. С. 240-245.

¹¹⁰ Швец Л. Г., Шепелева Ю. Л. Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития. М.: КРЕДО, 2015. 148 с.

Специалисты рассматривают гендерную политику как «государственную и общественную деятельность, направленную на установление равенства мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности»¹¹².

Ученые указывают на то, что современные общественные трансформации существенно изменили роль женщины в обществе. Так в XIX веке женщины стали активно вовлекаться в производственную сферу, что было продиктовано потребностями экономического развития общества и необходимостью расширения рабочей силы. Этот процесс положил начало постепенному выходу женщин из сферы исключительно домашнего пространства и определил их дальнейшее активное вовлечение в общественную жизнь. Во второй половине XX века женщины начали бороться за свои права, что открыло им доступ в сферу политики. В результате, как отмечают исследователи, женщин стали занимать ведущие позиции в системе политического управления, но данная ситуация неоднородна: она может существенно различаться как на мировом уровне, так и в пределах отдельных регионов.

Анализируя ситуацию в российском обществе, политологи отмечают, что «преодоление гендерной асимметрии в органах власти и управления требует комплексного подхода, включающего в себя и трансформацию общественного мнения, и введение законодательных мер, направленных на повышение политической активности женщин, и активизацию лидерского потенциала женщин, что, в конечном итоге, будет способствовать практической реализации конституционного принципа равноправия, демократизации политических институтов и укреплению социального порядка в нашем государстве»¹¹³.

Многие исследователи солидарны в том, что активное участие женщин в управлении страной ставится залогом ее устойчивого развития и стабильности:

---

¹¹¹ Юкина И.И. Двудликий Янус гендерной политики в России // Женщина в российском обществе. 2011. №3(60). С. 30-38.

¹¹² Юкина И. И. Двудликий Янус гендерной политики в России // Женщина в российском обществе. 2011. №3(60). С. 33.

¹¹³ Шепелева Ю.Л. Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 3. С. 244.

равные гендерные возможности в сфере политики обеспечивают сбалансированное представительство на всех уровнях власти.

В философско-культурологическом аспекте проблема гендерной идентичности рассматривается в работах Н. И. Андреевой¹¹⁴, В. К. Барашян¹¹⁵, М. Н. Бондаревой¹¹⁶, М. Л. Бутовской¹¹⁷, О. А. Ворониной¹¹⁸, Н. А. Востровой¹¹⁹, Г. К. Гульбина¹²⁰, О. Р. Демидовой¹²¹, А. Д. Немеровской¹²², Е. А. Потехиной¹²³, Е. А. Соболевой¹²⁴, О. Н. Шлычковой¹²⁵, К. Е. Шуршина¹²⁶ и др.

Авторы рассматривают культурные детерминанты, определяющие трансформацию гендерных отношений в обществе. Понимание гендера, то есть того как человек воспринимает себя и других посредством категорий «мужчина» и «женщина», не сводится сугубо к биологическим характеристикам. По мнению исследователей, гендерные различия это, в первую очередь, социокультурное явление, которое меняется с изменениями в культуре социума.

---

¹¹⁴ Андреева Н. И. Формирование гендерной культуры в современном обществе: философско-культурологический анализ: дисс. ... докт. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 285 с.

¹¹⁵ Барашян В. К. Гендерная система в социально-философской рефлексии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 5 (165). С. 5-9.

¹¹⁶ Бондарева М. Н. Гендер и стереотипы: философский подход // Социально-гуманитарные знания. 2025. №7. С. 170-174.

¹¹⁷ Бутовская М. Л. Антропология пола. Фрязино: Век, 2013. 254 с.

¹¹⁸ Воронина О. А. Гендерная культура в России: Традиции и новации. М.: ИФ РАН, 2018. 111 с.

¹¹⁹ Вострова Н. А. Философско-культурологическое осмысление гендера и гендерных отношений в отечественном научном знании // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. №4. С. 5-9.

¹²⁰ Гульбин Г. К. Философия гендерологии и методологии // Современные проблемы науки и образования. 2012 № 6. URL: [www.science-education.ru / 106 - 7895](http://www.science-education.ru/106-7895) (дата обращения: 17.10.2024).

¹²¹ Демидова О. Р., Потехина Е. А. Гендерные модели в культуре, или О философии мужского и женского. СПб.: «Русская культура», 2022. 174 с.

¹²² Немеровская А. Д. Исследование гендерной идентичности в философско-антропологической перспективе: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2015. 168 с.

¹²³ Потехина Е. А. Эволюция гендерных образов в философско-антропологической мысли Нового времени // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. № 3. С. 275-286.

¹²⁴ Соболева Е. А. Гендерные взаимоотношения в современной культуре: дисс. ... канд. философ. наук. Астрахань, 2005. 151 с.

¹²⁵ Шлычкова О. Н. Социокультурный анализ гендерной картины мира: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2000. 170 с.

¹²⁶ Шуршин К. Е. Гендер как предмет социально-философского анализа // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: материалы третьего Рос. филос. конгресса (16-20 сентября 2002 г.): в 3 т. Т. 3. Ростов н/Д, 2000. 304 с.

Анализируя гендерные различия, Н. И. Андреева вводит понятие гендерной культуры. Последняя представляет собой набор представлений, правил и моделей поведения, в которых человек осознает себя в качестве представителя определенного пола. Тем самым, именно культурные нормы структурируют отношения между полами. Кроме того, гендерная культура затрагивает все сферы жизни общества — экономику, политику, систему воспитания и образования, область искусства и пр. Гендерная культура общества детерминирует всю систему гендерных отношений, включая гендерные роли, гендерные установки, гендерное разделение труда, организацию брачно-семейной сферы и пр.

О. А. Воронина рассматривает гендерные различия как культурные символы, несущие в себе образы «мужскости» и «феминности», сложившиеся в конкретном социокультурном контексте. В этом плане, как отмечает ученый, «пол и сексуальность – неотъемлемая часть символической культуры человечества»¹²⁷.

На метафоричность гендера в культуре обращает внимание О. Н. Шлычкова, которая отмечает, что именно в мифе уже закладывается представления о мужском и женском. Последнее находит воплощение в таких выражениях, как «земля-матушка», «небо-батюшка». Использование таких метафор свидетельствует о том, что в мифологическом сознании даже природные явления наделяются гендерными качествами. Поэтому представления о гендере закладываются в космогонических воззрениях народов.

С точки зрения Е. А. Соболевой, ключевые характеристики гендера заключаются как в его гибкости, так и устойчивости. Последняя определяется укорененностью в культуре определенных норм, традиций, которые транслируются посредством мифов, религиозных систем, сферы искусства, формируя гендерное самосознание. То есть именно в культуре складываются

---

¹²⁷ Воронина О. А. Феминность и маскулинность в культуре: архетипы, символы, метафоры, стереотипы // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 9. С. 94.

гендерные стереотипы, которые на бессознательном уровне участвуют в процессах гендерной идентификации людей в обществе.

Культурологи отмечают, что посредством гендерных категории поддерживается культурный порядок в обществе, они выступают символами, которые оформляют систему отношений между мужчинами и женщинами. По сути, гендер — это своего рода универсальный код, который пронизывает все аспекты социальной жизни. Как отмечает Н. А. Вострова, гендер есть «своеобразный набор культурных характеристик, в соответствии с которыми определяется социальное поведение мужчин и женщин, их взаимодействие между собой и положение в семье, общине, обществе и в культурном пространстве в целом на протяжении всего его существования»¹²⁸.

В свою очередь К. Е. Шуршин предлагает исследовать гендер как биосоциокультурную систему, которая находится в динамическом развитии. Гендерные характеристики инкорпорированы как в различные культурные явления, так и в социальную структуру общества. Ученый указывает на то, что модель гендерных отношений включена в систему таких культурных символов, как искусство.

Различные аспекты трансформации гендерной идентичности в современном обществе анализируются в работах А. С. Армен¹²⁹,

---

¹²⁸ Вострова Н. А. Философско-культурологическое осмысление гендера и гендерных отношений в отечественном научном знании // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 4. С. 9.

¹²⁹ Армен А. С. Деконструкция гендерной идентичности и ее отражение в культурном пространстве постмодернистского общества // Культура и цивилизация. 2019. №1 (9). С. 55-60.

О. А. Баклановой¹³⁰, Н. Е. Захаровой¹³¹, О. И. Ключко¹³², И. С. Кон¹³³,
А. В. Чернышева¹³⁴, Н. А. Чуркиной¹³⁵ и др.

Исследователи обращают внимание на серьезные изменения гендерных ролей в современном обществе. Особенно это проявляется в молодежной среде: молодые люди демонстрируют черты поведения и стиль одежды, которые традиционно приписывались противоположному полу. Специалисты связывают это с размыванием гендерных границ в сферах профессиональной деятельности и семейных отношениях. Кроме того, ученые отмечают рост терпимости молодежи к гомосексуальным отношениям, что демонстрирует отказ от жестких гендерных стереотипов.

С точки зрения И. С. Кона такого рода изменения в гендерной идентичности обусловлены «кризисом привычного гендерного порядка и традиционной маскулинной идеологии, которая перестала соответствовать изменившимся социально-экономическим условиям и создает социально-психологические трудности как для женщин, так и для самих мужчин»¹³⁶.

В современном научном дискурсе гендер нередко рассматривается как конвенциональная система устоявшихся в социуме стереотипных представлений о том, что:

а) значит быть женщиной и мужчиной¹³⁷;

---

¹³⁰ Бакланова О. А., Демченко Н. А. Гендерные трансформации в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2015. №12. С. 323-325.

¹³¹ Захарова Н. Е. Трансформация гендерных ролей в семье как фактор социогенеза // Актуальные вопросы антропологии. 2018. № 13. С. 47-62.

¹³² Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи: сборник научных статей / под науч. ред. И. И. Ключко. Санкт-Петербург: НИЦ АРТ, 2020. 143 с.

¹³³ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 494 с.

¹³⁴ Чернышева А. В., Спириугова А. Г. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации // Гуманитарный вестник. 2021. № 6 (92). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/socio/754.html> (дата обращения: 11.06.2024).

¹³⁵ Чуркина Н. А. Гендерная идентичность в аспекте трансформации гендерной ментальности // Социодинамика. 2018. № 9. С. 98-104.

¹³⁶ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. С. 443.

¹³⁷ Ашилова М. С., Бегалинов А. С., Бегалинова К. К. Гендер в социально-философском аспекте: сущность и особенности // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. Т. 2. № 80. С. 5–12; Батурина Н. В. Теории конструирования гендера как культурологического явления // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6А. С. 216–221.

б) что является женственностью и мужественностью в аспекте традиций и норм поведения для конкретного общества¹³⁸;

в) является основой демографических процессов общества.

Доминирующие культурно-философские объяснения проблемы гендерной идентичности можно условно разделить на три блока:

1. фокусирование исследовательского внимания на понятии пола и других биологических процессах, определяющих гендерное поведение, роли и стереотипы¹³⁹;

2. роль процессов социализации и обучения¹⁴⁰;

3. рассмотрение динамических взаимодействий биологических и социальных факторов в определении гендерной идентичности и культурно-философских конструкций гендера¹⁴¹.

Трансформации политических режимов и экономического уклада оказывают непосредственное влияние на культуру общества, которая детерминирует понимание гендерных ролей. Ориентация на демократические принципы организации политической сферы общества, а также развитие рыночной экономики способствуют либерализации взглядов на гендерную идентичность, тем самым меняя модель гендерных отношений. Такая ситуация, что по мнению ученых «обеспечивает расширение степеней коммуникативной свободы социального субъекта, предоставляет возможности гендерного маневра и разностороннего гендерного маркирования»¹⁴².

---

¹³⁸ Черных О. Ю. Основные тенденции конструирования гендера в современном мире // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 546–549.

¹³⁹ Костина С.Н., Бритвина И.Б. Теоретические подходы и современные представления исследований феномена гендерной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 3. С. 193–215.

¹⁴⁰ Акисов В.Р. Формирование гендерной идентичности и гендерный подход в современной педагогике: философско-культурологический аспект проблематики // Искусство и образование. 2023. № 6 (146). С. 144–149; Рядинская Е. Н., Волобуев В. В., Богрова К. Б. Связь нормативных установок полоролевого поведения и гендерной идентичности у молодежи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология. 2023. № 4 (55). С. 57–63.

¹⁴¹ Галактионов И. В., Соболевская Т. В. Эволюция взглядов на гендерную идентичность в обществе // Ученые заметки ТОГУ. 2022. Т. 13. № 2. С. 187–191.

¹⁴² Бакланова О. А., Демченко Н. А. Гендерные трансформации в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2015. №12. С. 325.

Очевидно, что такого рода тенденции несут в себе серьезные риски, связанные с разрушением традиционных отношений между мужчиной и женщиной, размыванием четких границ между мужской и женской идентичностью, что ведет к девальвации семейных ценностей, потере глубины общения между полами, необходимого для продолжения рода и воспитания детей.

Анализ теоретических подходов к пониманию специфики гендерной идентичности позволяет сделать вывод о том, что в современном научном дискурсе данная проблема входит в предметное поле различных направлений исследования, что позволяет говорить о ее междисциплинарности. Это указывает на сложность и неоднозначность гендерной идентичности, которая характеризуется как устойчивостью, так и изменчивостью — в зависимости от культурных норм, традиций, принятых в том или ином обществе.

Обобщение теоретических подходов к гендерной идентичности, накопленных в различных областях социально-гуманитарного знания, позволяет выявить существенную трансформацию содержания данного понятия. Если ранее понятие «пол» описывало исключительно физиологические и анатомические различия между людьми, то понятие «гендер» охватывает уже социокультурные характеристики человека. Таким образом, гендер представляет собой культурный конструкт, посредством которого в обществе формируются гендерные стереотипы, посредством которых упорядочиваются отношения между мужчиной и женщиной.

В то же время мы фиксируем серьезные трансформации в области гендерной идентичности, что дает нам основание говорить о том, что современное общество оказалось в ситуации противостояния естественным законам, которые поддерживают его социальное воспроизводство и устойчивое развитие. Новые культурные тенденции нуждаются в осмыслении, что определяет необходимость проведения философского исследования онтологических и ценностных оснований трансформации гендерной идентичности в культуре общества постмодерна.

1.2. Факторы трансформации гендерной идентичности в обществе постмодерна: методология социально-философского исследования

Анализ теоретических подходов к пониманию гендерной идентичности, сложившихся в научном дискурсе, позволяет констатировать сложный характер данного явления, его укорененность в культуре народов, обусловленность мировоззренческими установками общества. Для определения стратегии философского осмысления оснований трансформации гендерной идентичности в культуре общества постмодерна необходимо сформировать методологический конструкт, включающий теоретические подходы и концепции, являющиеся концептуальными для исследования.

Значимым для понимания специфики гендерной идентичности выступает конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана¹⁴³, который раскрывает механизм социального конструирования окружающего мира. С позиций этого подхода критерии групповой идентификации имеют социальный характер. Социальная реальность не является чем-то внешним и независимым от человека. Люди наделяют мир своими смыслами, которые постепенно становятся частью общепринятых норм и правил, превращая их из сугубо индивидуального представления о мироустройстве в объективные структуры, посредством которых упорядочиваются социальные отношения.

Исследователи подчеркивают, что окружающий человека мир во многом определяется тем, как он его воспринимает. Эта способность формировать картину мира не является чем-то врожденным, она опирается на опыт, знания, которые человек получает в процессе социализации, то есть приобщения к нормам, ценностям, установкам, сложившимся в определенном обществе. Данный процесс называется интернализацией — человек усваивает те смыслы и представления, которые уже были созданы другими людьми, живущими ранее.

---

¹⁴³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

Тем самым, мы перенимаем от других уже сконструированный ими мир ценностей, смыслов, значений. Таким образом, человек одновременно и создает социальный мир, и сам становится его частью, воспринимая его как данность.

Опираясь на данный подход можно определить гендерную идентичность как социальный конструкт, посредством которого формируются культурные образы мужчины и женщины, а также связанные с ними социальные роли и формы поведения в обществе. Опираясь категориями «маскулинности/фемининности», гендерная идентичность создает мировоззренческую модель, которая объясняет каковы нормы и правила во взаимоотношения полов. В этом смысле можно говорить о том, что гендерная идентичность - это совокупность представлений, эмоций и стереотипов, определяющая систему гендерных отношений в обществе

В структуре гендерной идентичности можно выделить следующие компоненты — когнитивный, аффективный, поведенческий:

а) когнитивный, включающий знания о гендерных различиях, понимание своей принадлежности в категориях «маскулинности/фемининности»;

б) аффективный охватывает совокупность чувств, оценок переживаний, сопровождающих отношение человека к своей гендерной принадлежности;

в) поведенческий затрагивает внешние формы позиционирования человеком себя как представителя гендерной группы, осуществляющего определенные гендерные роли.

Совокупность этих компонентов лежит в основе осознания человеком своей гендерной группы (когнитивный аспект), ощущениями и оценками своих гендерных характеристик (аффективный аспект), а также демонстрации своей гендерной принадлежности через осуществление соответствующих ей социальных ролей (поведенческий аспект).

Важным для исследования сущности гендерной идентичности является социокультурный подход, разработанный П. Сорокиным¹⁴⁴. Философ предлагает рассматривать любое общество как динамично развивающуюся культурную систему, в которой интегративно присутствуют как постоянные установки, так и переменные составляющие.

Социокультурное взаимодействие, по мнению ученого, представляет собой сложную систему, состоящую из трех ключевых элементов¹⁴⁵:

Во-первых, личность, которая выступает в качестве активного субъекта социокультурных взаимодействий;

Во-вторых, общество как результат взаимодействия социальных субъектов, которые вступают в отношения с друг другом, оказывая взаимное влияние;

В третьих, культура, которая представляет собой совокупность значений, смыслов, ценностей и норм, которыми руководствуются участники социальных отношений.

Согласно П. Сорокину, ни один из этих элементов — личность, общество, культура — не может существовать автономно. Именно их триада и является основой социокультурного взаимодействия.

По мнению П. Сорокина социокультурные явления существуют на основе причинно-следственных связей, что делает их осмысленными для человека. То есть любое явление культуры объяснимо с точки зрения причин, его породивших и наполнено смыслом, понятным для людей. Согласно мыслителю, социокультурные системы характеризуются следующими свойствами:

- а) смысловым единством (наличием общей ценности или идеи);
- б) каузальным единством (наличием причинно-следственных связей);
- в) наличием человека как творца, носителя и транслятора культурных смыслов.

---

¹⁴⁴ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

¹⁴⁵ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с. С. 218.

Таким образом, социокультурный подход позволяет понять культурную динамику общественного развития, связанную со сменой культурных норм и смыслов. Данный подход позволяет осмыслить общие законы тенденции, которые лежат в основе всех социокультурных преобразований. Рассматривая гендерную идентичность как социокультурный конструкт, отражающий набор культурных характеристик на основе которых строятся формы социального поведения мужчин и женщин в обществе.

Концептуальным для исследования гендерной идентичности является символический подход, представителями которого считаются Ч. Кули¹⁴⁶ и Дж. Мид¹⁴⁷.

Американский психолог Ч. Кули создал теорию зеркального «Я», согласно которой наши представления о себе формируются благодаря тому, как нас видят другие. Через их взгляды, оценки и реакции мы начинаем понимать кто мы есть, какими качествами обладаем, как выглядим в глазах других людей. Иными словами, человек, чтобы увидеть самого себя смотрит на других как в зеркало. Самовосприятие человека складывается из трех этапов:

Во-первых, человек пытается представить, как его воспринимают другие, тем самым моделируя в представлениях других свои личные качества.

Во-вторых, человек обращает внимание на то, как на него реагируют другие люди. Это может быть похвала, безразличие, критика и пр.

В третьих, реакции других людей влияют на самооценку человека: положительные реакции способствуют росту уверенности в себе, негативные, напротив, порождают сомнения, мнительность.

Согласно подходу Ч. Кули, отношения к нам других людей проявляются в символических формах — словах, жестах, интонации, поступках и пр. Поэтому отношения между людьми осуществляются посредством символов, несущих

---

¹⁴⁶ Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.

¹⁴⁷ Мид Дж. Г. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 224–227.

определенную информацию. В свете этого он пишет о том, что «не существует чувства Я ... без соответствующего ему чувства Мы, или Он, или Они»¹⁴⁸.

По мнению ученого, любое действие человека имеет социальную природу, так как жить в обществе — это значит постоянно сверять свои поступки с тем, как нас видят другие, с теми представлениями о нашем «Я», которые мы считываем в их глазах и действиях.

В этой связи интересным представляется обращение Ч. Кули к анализу такого явления, как конформизм. Последний является важным фактором в формировании и фиксации социальной идентичности человека, в том числе и гендерной.

Ч. Кули рассматривает конформизм как один из способов, которым люди подражают другим, приобщаясь к общепринятым в конкретном обществе нормам, ценностям и формам поведения. Ученый не считает, что конформизм есть форма давления группы на человека, напротив, это «добровольное копирование общепринятых способов деятельности»¹⁴⁹, причиной которого является желание не выделяться, а «быть как все».

В тоже время исследователь анализирует и такое явление, как нонконформизм, то есть отказ от соблюдения норм и правил, принятых в обществе. Ч. Кули выделяет две его формы:

1) импульсивный протест, «действие назло», когда человек отвергает установленные правила в силу «бунтарства», просто из желания действовать вопреки;

2) сознательный отказ от привычных и рутинных норм в пользу чего-то нового и необычного.

Ученый не проводит четкой грани между этими противоположными позициями (конформизмом и нонконформизмом), считая отказ от общепринятого

---

¹⁴⁸ Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С.110.

¹⁴⁹ Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С.210.

ради поиска «близких по духу отношений» является конструктивным, поскольку позволяет обществу развиваться. Однако, Ч. Кули отвергает радикальный нонконформизм, полагая, что отторжения социальных норм и позиционирование собственной уникальности является негативной формой отношений в обществе.

Данный подход развивает Дж. Мид, который утверждает, что представления человека об окружающем его мире глубоко укоренены в формах социального взаимодействия. Последнее осуществляется через символический обмен (жесты, знаки, слова и пр.), посредством которого человек формирует свои взгляды, свой образ мира и понимание своего места в нем. Для анализа идентичности, исследователь использует понятие «самость» (Self), которое отражает результат формирования образа «Я» в процессе общения между людьми, происходящего посредством символов. Кроме того, ученый указывает на то, что самость человека складывается не только в процессе социальной коммуникации, но и в формах деятельности, имеющих символический характер. Речь идет о таких формах активности человека, как игра и соревнование. С точки зрения Дж. Мида именно в них формируется представление о социальных ролях, которые человек в зависимости от принадлежности к какому-либо сообществу должен выполнять в социуме.

Большое значение ученый отводит игре как способу социализации индивида. Именно в игре ребенок, подражая чужим ролям, усваивает правила поведения в социуме. Развитие способности играть по правилам, по мнению Дж. Мида, имеет огромное значение для формирования самосознания человека. Иначе говоря, в игре ребенок учится не только взаимодействовать с другими, но и понимать их ожидания и позиции, а также осознавать как другие влияют на его поведение. Таким образом, «другие» становятся для него значимыми, поскольку помогают ему обрести целостное представление о себе, которое объединяет *tu* «внутренне Я» (I) и его социальный образ (Me).

Этот подход важен с методологической точки зрения для осмысления гендерной идентичности, поскольку она складывается через символы, которые находят выражение в языке, мифах, традициях народов.

Используя социокультурный и символический подходы, можно установить, что маркеры гендерной идентичности складываются под влиянием гендерной культуры, исторически сложившейся в данном обществе.

Исходя из этого, ключевым для исследования гендерной идентичности становится понятие гендерной культуры.

Исследованию гендерной культуры посвящены работы Н. Н. Андреевой¹⁵⁰, С. В. Бацановой¹⁵¹, О. А. Ворониной¹⁵², Г. К. Гульбина¹⁵³, Л. А. Рыковской¹⁵⁴ и др. Авторы правомерно указывают на то, что гендерная культура включает в себя свод писанных и неписанных правил и представлений о «мужчине» и «женщине», их характеристик и социальных ролей в обществе. Именно гендерная культура на основе «образов» упорядочивает отношения между мужчинами и женщинами. Более того гендерная культура определяет их отношения в различных сферах общества — в быту, в экономике, политике и пр.

Исследователи отмечают, что «гендерная культура общества – это сложившаяся в социуме система общественной организации гендерных отношений. Структура их предполагает баланс взаимодействия между представителями полов; стандарты мужественности и женственности; нормы в сфере общения (юридические, нравственные, религиозные и др.), стереотипы поведения»¹⁵⁵.

---

¹⁵⁰ Андреева Н. Н. Формирование гендерной культуры в современном обществе: философско-культурологический анализ: дисс. ... докт. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 285 с.

¹⁵¹ Бацанова С. В. Гендерные отношения, гендерная культура, гендерная картина мира: проблема соотношения понятий // Экономика. Общество. Человек. Белгород, 2010. С. 17–24.

¹⁵² Воронина О. А. Гендерная культура в России: Традиции и новации. М.: ИФ РАН, 2018. 111 с.

¹⁵³ Гульбин Г. К. Философия гендерологии и гендерная культура // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2013/3/391.pdf> (дата обращения: 11.08.2024).

¹⁵⁴ Рыковская Л. А. Гендер как социокультурный феномен // Общество: философия, история, культура. 2024. № 1. С. 47–51.

¹⁵⁵ Рыковская Л. А. Гендер как социокультурный феномен // Общество: философия, история, культура. 2024. № 1. С. 50.

Ученые разделяют понятия гендерной культуры личности и общества. Первая включает осознание человеком себя в системе гендерных отношений, понимание различий между полами, самоопределение по гендерным маркерам. Вторая охватывает гендерное сознание и гендерное поведение, которые формируются под влиянием таких социальных институтов общества, как семья, система образования, государственная политика, наука и философия.

Гендерная культура личности детерминирована сложившейся в обществе гендерной культурой, в которой фиксируются и транслируются представления о нормативных моделях гендерных отношений и поведения. Как отмечает Л. А. Рыковскова «если гендерная культура общества носит биполярный характер, соединяя признаки маскулинности и феминности, то гендерная культура личности в нормальном состоянии является унитарной – либо мужской, либо женской»¹⁵⁶.

Методологически важными для исследования онтологических и ценностных оснований трансформации гендерной идентичности в культуре общества постмодерна являются работы философов М. Фуко¹⁵⁷, Ж. Ф. Лиотара¹⁵⁸, Ж. Дерриды¹⁵⁹, Ж. Бодрийяра¹⁶⁰, Э. Ги Дебор¹⁶¹, Ж. Делёза и Ф. Гваттари¹⁶².

Мыслители фиксируют кардинальные мировоззренческие установки современного общества, охватывающие сферу повседневности человека, экономику, политику, науку. По сути, в работах философов отражаются ключевые тенденции современного развития, связанные с отказом от универсальных принципов мироустройства, ориентацией на свободу, как в научном, так и онтологическом смысле, провозглашением ценностей плюрализма, фрагментации

---

¹⁵⁶ Рыковскова Л. А. Гендер как социокультурный феномен // Общество: философия, история, культура. 2024. № 1. С. 50.

¹⁵⁷ Фуко М. Слова и вещи Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.

¹⁵⁸ Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

¹⁵⁹ Деррида Ж. Письмо и различие. Москва : Академический Проект, 2007. 496 с.

¹⁶⁰ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 238 с.

¹⁶¹ Дебор Ги Э. Общество спектакля. М.: Лоуоq (Радек), 2000. 183 с.

¹⁶² Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

общества на основе принципов разнообразия. Культура общества постмодерна отличается господством массовой культуры доминированием ценностей «общества потребления». В этом смысле понятие «постмодернизм» описывает новую культурную ситуацию, характеризующую наступившую «постсовременность».

Ж.-Ф. Лиотара выделяет несколько характеристик эпохи постмодерна¹⁶³:

- пренебрежение абсолютными истинами и определенностью культуры;
- упадок масштабных нарративов, которые повествуют об истории человечества как последовательного и рационального движения к определенной цели.

Ги Дебор называет современное общество - «обществом спектакля», в котором люди живут в каком-то иллюзорном мире, играют навязанные им роли. По сути общество представляет собой театр, где каждая сфера жизни превращается в своего рода спектакль. Отношения между людьми носят поверхностный характер, они опосредованы некими образами, ролями, которые мы играем. Мыслитель отмечает, что в такой модели общества мы видим не подлинного человека, а его «образ», который создается в соответствии теми ценностями, которые мы принимаем за норму.

Таким образом, философы-постмодернисты фиксируют становление новой конфигурации мира, в которой происходит отказ от традиционных ценностей, от идеи порядка, формируется представление о свободе как вседозволенности.

В новой культурной реальности провозглашается идея ценности хаоса, иррациональности мира, замена реальности на симуляции (то есть иллюзорные, не подлинные ценности). Последнее, в полной мере, описано Ж. Бодрийяром, который утверждает, в современном обществе исчезла граница между реальностью и симуляцией, где последние представляют собой воображаемую конструкцию, выступающую лишь прообразом реального мира. Мыслитель указывает на тенденцию доминирования «гиперреальности», которая

---

¹⁶³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб: Алетейя, 1998. 160 с.

порождается «... при помощи моделей, реального без истока и реальности»¹⁶⁴.

Согласно Ж. Бодрийяру, уничтожая объективную реальность, гиперреальность уничтожает индивида как автономного и суверенного субъекта. Переход от модерна к постмодерну трагически оборвал способность «Я» мыслить и действовать независимо. Новые информационные технологии, расширив власть человека над миром, превратили его в конечный пункт ряда процессов, которые выходят из-под его контроля в мире, растворенном в информации и коммуникации. В таком мире симуляция выступает способом существования современного «виртуализированного» общества.

Создание Интернета существенно изменило наше традиционное восприятие времени и пространства, которые всегда воспринимались в линейной парадигме. Виртуальный мир похож на ризому — сложную, нелинейную структуру, где нет четкого начала и конца. В сети Интернет любая точка может быть отправной, «несущей конструкцией», открывающей бесконечные возможности для перемещений и установления связей. Это отражает специфику постмодернистской парадигмы на мир.

Релевантной для понимания специфики новой постмодернистской реальности является понятие «ризомы», введенное в научный дискурс Ж. Делезом и Ф. Гваттари¹⁶⁵. Они использовали данное понятие для описания модели связей в современном обществе, которые, по мнению мыслителей, представляют собой сложную сеть. Иными словами, ризома — это принцип организации жизни человека. В такой системе нет жестких ограничений, поэтому каждый ее элемент может породить множество новых связей и смыслов.

Нам представляется, что образ ризомы в полной мере описывает новую виртуальную реальность, главной особенностью которой является гипертекстуальность, то есть возможность переходить по ссылкам, создавая свой трек в информационной среде. Такая культурная реальность существенно

---

¹⁶⁴ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. С. 54.

¹⁶⁵ Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

трансформирует образы гендерной идентичности, рассматривая их в модели ризомы. Исследователи даже вводят понятие «гендерная ризома», под которой понимают «особый тип преобразований характера половой дифференциации, которые разворачиваются в направлении беспорядочного нарастания плюралистичности и неопределенности в системе бинарной оппозиции «мужчина – женщина», сопровождаются сглаживанием, размыванием резких границ между феминными и маскулинными гендерными полоролевыми стереотипами, закрепленных культурой в качестве противоположных ...»¹⁶⁶.

Концептуальным для исследования специфики гендерной идентичности в культуре общества постмодерна являются теории информационного общества Д. Белла¹⁶⁷, Й. Масуды¹⁶⁸, Э. Тоффлера¹⁶⁹ и др. Ученые видят в технологиях ключевой фактор, определяющий переход общества от одного этапа к другому. Э. Тоффлер, в частности, отмечает, что появление новых технологий освобождает человека от изнурительного, однообразного труда, делая более его свободным и расширяя возможности для самореализации.

Д. Белл выделяет три последовательные стадии в развитии общества — доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Его подход открывает возможность для исследования специфики культуры этих типов общества — традиционной, модернистской и постмодернистской.

Спецификой традиционной культуры является ее устойчивость, воспроизводство норм, ценностей, традиций, консервативность. Эта культура воплощается в мифах народа, транслируя ценности и правила поведения в обществе. Исследователи указывают на то, что «традиционную культуру можно рассматривать как механизмы сохранения, воспроизводства и передачи, а также

---

¹⁶⁶ Богатова Л. М. Ризома как гендерная дисаозиция постмодерна // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. Т.149. № 5. С. 103-111 С.104.

¹⁶⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.

¹⁶⁸ Masuda Y. The information society as post-industrial society. Editorial Fundesco, 1984. 171 p.

¹⁶⁹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 795 с.

обновления социально значимого опыта»¹⁷⁰. Традиционная культура аккумулирует в себе исторический опыт народа, его культурные архетипы, которые определяют вектор дальнейшего развития общества.

Гендерная идентичность в традиционной культуре характеризуется жесткими маркерами, определяющими принадлежность человека к определенной социальной группе, описываемой посредством категорий «мужское»/«женское».

В традиционной культуре акцент делается на биологические различия между мужчинами и женщинами, которые и определяют целый набор социальных ожиданий, которые транслируются из поколения в поколения. В традиционной культуре модели гендерного поведения носят иерархический характер. «Мужское» традиционно ассоциируется с лидерством, доминированием, властью, а «женское» с подчинением, слабостью. В традиционной модели культуры такие отношения воспринимаются как само собой разумеющиеся, обусловленные естественным порядком вещей.

Описывая специфику идентичности человека в традиционном обществе, П. Бергер и Н. Лукман отмечают, что в нем нет проблемы идентичности, поскольку «каждый человек был тем за кого его принимали, они легко узнаваемы ... Всякий знает про всякого, кем является другой и он сам. Рыцарь является рыцарь, крестьянин — крестьянином как для других, так и для самого себя...»¹⁷¹. То есть проблема выбора идентичности, самоопределения не стояла перед человеком. Его идентичность определялась актом рождения в определенном сообществе или сословии.

Культура общества модерна апеллирует идеями свободы и разумности человека, которые определяют тенденцию на освобождение человека от предрассудков и бесправия, что оказывало влияние на трансформацию идентичности человека.

---

¹⁷⁰ Егле Л. Ю. Традиционная культура: основные подходы к исследованию // Вестнике Кемеровского государственного университета культуры и искусства. 2014. №29/2. С. 43–50. С. 49.

¹⁷¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 265.

В эпоху Нового времени идейные основы модернизированной культуры западного мира были заложены Т. Гоббсом¹⁷² и Дж. Локком¹⁷³. В это время получает распространение идея человека, гармонично сочетающего в себе рациональное начало и стремление к собственной выгоде. В этот период главной ценностью становится свобода, которая в дальнейшем стала основой процветания установок индивидуализма и эгоизма в обществе. Спецификой культуры модерна являются процессы урбанизации, развитие рыночной экономики и массовой культуры.

Современные исследователи отмечают, что «проект модерна изначально содержал в себе культурный дуализм, ставший причиной двойственности созданного на его основе общества, соединившего в себе невиданный ранее технический прогресс, рост науки, образования, уровня жизни и явные признаки деградации социальных связей, рост индивидуализма, различного рода внутренние и внешние конфликты, войны, экономические и социальные кризисы»¹⁷⁴.

Культура общества модерна сложилась в результате модернизации западного общества, в результате которого либеральная идеология переформатировала все сферы жизни, включая и сферу гендерных отношений. В модернизированной культуре произошел значительный сдвиг в понимании гендерных ролей. В начале XX века традиционные представления о месте женщины в обществе начинали разрушаться.

Это обусловлено появлением феминистской идеологии, развитие которой связано с социально-политическим движением XIX века, развернувшегося в западных странах. Это движение ставило своей целью добиться правового и политического равноправия мужчин и женщин. Именно в этот период, как

---

¹⁷² Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 270-506.

¹⁷³ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 298 с.

¹⁷⁴ Рендл М. В. Социокультурные основания общества модерна: концептуализация идеи «освобождения» индивида // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22. № 6. С. 142-148. С.143.

утверждают исследователи, и возник термин «феминизм», происходящий от латинского слова «femina» (женщина)¹⁷⁵.

К ключевым факторам, определившим появление феминизма, относятся:

1. Развитие капитализма в Европе, что существенно изменило экономику западных стран. Стремительное развитие промышленной индустрии нуждалось в рабочей силе, дефицит которой начал покрываться за счет привлечения женщин на производство. То есть женщины, которые традиционно занимались исключительно домашним хозяйством стали активно наниматься на должности, которые раньше считались исключительно мужскими. Вовлечение в мужские сферы деятельности заставляли женщин задумываться о своем месте в обществе, вне дома.

2. Промышленный переворот, который стал мощным катализатором модернизации общества. Развитие крупного индустриального производства активизировало процессы урбанизации, что создавало новые условия жизни и труда женщин.

3. Либерально-демократическая идеология, которая провозгласила основными ценностями свободу, равенство и права человека. Эти идеи, изначально относившиеся в первую очередь к мужчинам, естественным образом начали распространяться и на женщин. В результате постепенно женщины отстаивали свои гражданские права.

Тем самым, эти три фактора создали благоприятную среду для зарождения феминизма.

Очевидно, что возникновение феминистских движений определило трансформации в представлениях о гендерных ролях в обществе. Как отмечают исследователи, «в XX веке феминизм из практики социально-политического движения за равноправие женщин перерос в явление общекультурного масштаба с развернутой философской концепцией, базирующейся на гендерном

---

¹⁷⁵ Брандт Г. А. Философская антропология феминизма: природа женщины. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2004. 203 с.

методологическом основании. Согласно феминисткой философии, не пол, но гендер обуславливает психологические качества, способности, виды деятельности, профессии мужчин и женщин через систему воспитания, традиции и обычаи, правовые и этические нормы»¹⁷⁶.

Надо отметить, что общим у традиционной и модернизированной культурами является то, что в них существуют правила, определяющие организацию общественных отношений. В традиционной культуре — это нормы, ритуалы, обычаи, которые регулируют социальную жизнь. В культуре модерна система социальных отношений регламентируется в первую очередь законом, то есть формализованной системой контроля поведения людей в обществе.

Культура общества постмодерна описывается учеными как мир без правил и границ. Именно такой мир сформировался во второй половине XX века и продолжает развиваться сегодня, особенно в Западной Европе и Северной Америке. Основными чертами этой новой социальной реальности являются:

- а) свобода от традиций;
- б) плюрализм ценностей;
- в) восприятие жизни как игры;
- г) стремление к новому (творчество, креативность).

Эти черты общества постмодерна определяют трансформации в области гендерной идентичности. Последняя становится предметом личного выбора, игры, новизны.

Анализируя культуру общества постмодерна, ученые характеризуют ее как новую парадигму, которая «положила конец господству идеологии единомыслия, ознаменовавшейся отказом от иерархии в пользу культурной анархии...»¹⁷⁷.

Описывая постмодернистскую реальность З. Бауман выделяет такую ее особенность, как изменчивость, подвижность, динамичность. Ученый

---

¹⁷⁶ Крыкова И. В. Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке // Аналитика культурологии. 2008. № 11. С. 65–70.

¹⁷⁷ Голобородова Т. Н., Дубина И. Н. Дискурс творчества в постмодернизме // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 4 (18). С. 57-59. С. 57.

подчеркивает изменчивость всех сфер жизни — политику, экономику, идентичность, сексуальность. Последняя связана с тем, что сегодня люди заявляют о праве на выбор своей сексуальной идентичности, оценивая такую свободу как позитивную ценность.

Согласно З. Бауману, существует четыре основных измерения онтологической неопределенности постмодерна¹⁷⁸:

- 1) состояние хаоса, отсутствие в мире логики и рациональности;
- 2) всеобщее дерегулирование, связанное с тем, что современный капитализм с его рыночной экономикой распространился по всему миру и ориентирован только на извлечение прибыли;
- 3) растущее в мире экономическое и технологическое неравенство порождает ситуацию нестабильности, неопределенности, что порождает у человека фрустрацию, неуверенность в завтрашнем дне;
- 4) разрушение социальных отношений, ведущее общество к атомизации.

Очевидно, что в культурной реальности, где отсутствует мировоззренческая определенность, устойчивость социальных и культурных норм, обостряется проблема самоопределения в мире, которая приобретает характер кризиса идентичности.

Начало исследований проблемы кризиса идентичности личности связано с работами Э. Эриксона¹⁷⁹, В. Хесле¹⁸⁰, К. Юнга¹⁸¹, которые рассматривали его как важный этап в развитии личности. По мере взросления человек стремится воспринимать себя как целостность, преодолевая фрагментарные представления о своем «Я», соединяя их в единый образ. Становление представлений о самом себе проходит этапы кризиса, который представляет собой переосмысление человеком своих качеств, признаков, характеристик как личности.

---

¹⁷⁸ Bauman Z. Postmodernity and its Discontents. Cambridge: Polity Press, 1997. P. 63–69.

¹⁷⁹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 356 с.

¹⁸⁰ Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.

¹⁸¹ Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1993. 329 с.

Анализируя кризис идентичности человека В. Хесле распространяет его на весь современный социум, утверждая, что «всякий, кто хочет понять современный мир, едва ли достигнет своей цели, не постигнув логики кризиса идентичности»¹⁸².

В отечественном научном дискурсе проблема кризиса идентичности в обществе постмодерна анализируется в работах О. А. Богдановой¹⁸³, О. И. Жуковой¹⁸⁴, А. Н. Крылова¹⁸⁵, Е. С. Масловой¹⁸⁶, А. Ф. Поломошнова¹⁸⁷, К. Ю. Тарновского¹⁸⁸, Н. Н. Сергеевой¹⁸⁹, Е. О. Труфановой¹⁹⁰ и др.

Исследователи рассматривают социальную природу кризиса идентичности человека в современном мире. Сравнивая нормальную и кризисную идентичности, ученые подчеркивают, что нормальная идентичность характеризуется целостным восприятием своего «Я-образа», а кризисная идентичность отражает нарушение связи человека и мира, в результате чего теряется гармония внутреннего и внешнего миров, что ведет к фрагментации, раздробленности личности¹⁹¹.

В тоже время специалисты указывают на то, что именно кризис идентичности является драйвером самоопределения человека. С точки зрения О. И. Жуковой, «кризис идентичности позволяет человеку понять принцип

---

¹⁸² Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С.112.

¹⁸³ Богданова О. А. Кризис идентичности личности в культуре постмодерна // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 26-31.

¹⁸⁴ Жукова О. И. Проблема кризиса личности в условиях общества постмодерна // Философия образования. 2008. № 1 (22). С. 176–183.

¹⁸⁵ Крылов А. Н. К вопросу о кризисе идентичности // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 95-104.

¹⁸⁶ Маслова Е. С. Эрозия идентичности в постмодернизме // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 6. С. 105-111.

¹⁸⁷ Поломошнов А. Ф. Гуманизм и идентичность: испытание постмодерна. Персиановский: Донской ГАУ, 2020. 162 с.

¹⁸⁸ Тарновский К. Ю. Особенности самоидентификации личности в обществе постмодерна // Ценности и смыслы. 2016. № 3. С.101-111.

¹⁸⁹ Сергеева Н. Н. Кризис личностной идентичности в культуре постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №8(82). С.174-176.

¹⁹⁰ Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–23.

¹⁹¹ Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–23.

собственного становления. Сущность его заключается в умение признавать скрытую, но, тем не менее, логичную закономерность своего прошлого, принимать себя в системе пространственно-временных координат этого прошлого, а значит примиряться с ним, даже если оно отвергается по причине смены ценностных ориентиров»¹⁹².

По мнению, О. А. Богдановой, современный кризис личностной идентичности детерминирован «основополагающими особенностями постмодернистской культуры, как мировоззренческая неопределенность, индивидуализм, этический релятивизм, децентрированность»¹⁹³.

Характеризуя современный мир как расколотый мир, где нет единого центра, ученые указывают на то, что в такой реальности кризис самоопределения проявляется особенно остро. В результате на смену цельному человеку приходит постчеловек, который настолько фрагментирован, что самоидентификация для него становится практически невозможной. По мнению исследователей, в условиях современной культуры, это становится видно на таком ярком примере, как смена пола. Человек, утративший свою внутреннюю целостность, может стремиться к изменению своей половой принадлежности, что является одним из проявлений глубокого кризиса идентичности, в том числе и гендерной.

Методологически значимым для понимания природы кризиса гендерной идентичности является рискологический подход, теоретики которого рассматривают современное общество как «общество риска». Данная модель общества анализируется такими мыслителями, как У. Бек¹⁹⁴, Э. Гидденс¹⁹⁵, Н. Луман¹⁹⁶.

Ученые отмечают, что современный мир стал более опасным для человека, что в первую очередь обусловлено развитием новых технологий. Современное

---

¹⁹² Жукова О. И. Проблема кризиса личности в условиях общества постмодерна // Философия образования. – 2008. № 1 (22). С. 178.

¹⁹³ Богданова О. А. Кризис идентичности личности в культуре постмодерна // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 30.

¹⁹⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс–традиция, 2000. 383 с.

¹⁹⁵ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.

¹⁹⁶ Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. № 5. С. 135-160.

общество постоянно генерирует новые угрозы, которые проникают во все сферы жизни. По мнению У. Бека, риски стали неотъемлемой частью нашего существования: их невозможно избежать, но необходимо минимизировать, уменьшить их негативные последствия.

Э. Гидденс подчеркивает антропологический характер современных рисков, рассматривая угрозы как порождение деятельностью самих людей, в первую очередь, научно-технической деятельностью. Вместе с тем, ученый утверждает, что дальнейшее развитие технологий позволит контролировать риски и управлять ими.

С точки зрения Н. Лумана, риски — это результат наших собственных решений. Именно способность человека делать свободный выбор и действовать в соответствии с ним порождает в обществе новые риски. То есть риски обусловлены ответственностью тех, кто принимает решения.

Данный подход позволяет понять риски разрушения традиционной гендерной идентичности в современном обществе.

Таким образом, культура общества постмодерна вторгается в сферу гендерной идентичности человека, оказывая на нее деструктивное влияние. Последнее проявляется в том, что вместо четких привычных дуальных категорий - «мужское» и «женское», в мире наблюдается растущее многообразие форм полового и сексуального самовыражения. В результате, границы, которые раньше казались незыблемыми, стираются, а привычные представления о том, каким должен быть мужчина или женщина, рассыпаются. Эта трансформация настолько глубока, что привычное деление на два пола разрушается. В этой новой культурной реальности жизнь человека в рамках этих двух бинарных категориях становится неустойчивой.

Более того, постмодернистская модель культуры настолько сильно меняет представление о поле, что оно начинает восприниматься как нечто иллюзорное. В итоге общество приходит к состоянию, когда пол становится чем-то

неопределенным — «квази-полом». Такая ситуация определяет необходимость философского осмысления такого рода культурных тенденций.

Выше обозначенные теоретические подходы выступают методологической основой исследования онтологических и ценностных оснований трансформации гендерной идентичности в культуре постмодерна.

Выводы по первой главе

Проведенный в первой главе анализ теоретических подходов к пониманию гендерной идентичности позволяет сформулировать следующие выводы.

Гендерная идентичность выступает предметом исследования различных областей знания - психологии, социологии, культурологии и философии. Это свидетельствует о ее многогранности и указывает на междисциплинарный характер проблемы.

Анализ научных источников по исследуемой проблеме позволяет заключить, что в научном дискурсе произошёл содержательный сдвиг: если традиционно «пол» понимался как совокупность анатомо-физиологических различий, то «гендер» фиксирует социокультурные характеристики, оживания, роли и стереотипы, которые общество связывает с принадлежностью к мужчинам и женщинам. В этом аспекте гендер предстает как социальный конструкт, упорядочивающий отношения между полами.

Это дает возможность применения конструктивистского и символического подходов для социально-философского исследования специфики гендерной идентичности в современном обществе. На основе данных подходов показано, что представления о «маскулинности» и «феминности» не являются отражением сугубо биологических различий, а производятся и воспроизводятся через язык, нормы, традиции, образы, а также через социальные институты (семья, образование, СМИ, экономика, политика).

Установлено, что гендерная идентичность, как социальный конструкт, включает в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты.

Когнитивный (познавательный) — включает осведомленность о гендерных различиях и осмысление собственной принадлежности на основе категорий «мужскости» или «женскости».

Аффективный (эмоционально-оценочный) — объединяет спектр чувств, оценок и переживаний, связанных с отношением человека к своей гендерной идентичности.

Поведенческий (деятельностный) — выражает внешние проявления саморепрезентации индивида как члена гендерной группы, выполняющего в обществе определенные гендерные роли.

Анализ концепций представителей постмодернистской философии показал, что современное общество характеризуется отказом от универсальных истин, плюрализмом, разрушением метанарративов, заменой реальности симулякрами. В такой культурной среде бинарная оппозиция «мужское-женское» утрачивает устойчивость, уступая место множественности гендерных идентичностей, их ризоматической организации и игровому характеру. Именно эти тенденции представляют научный интерес, обусловленный выявлением факторов, влияющих на трансформацию гендерной идентичности в обществе постмодерна.

Для социально-философского анализа специфики и рисков трансформации гендерной идентичности в обществе постмодерна обоснована необходимость интеграции конструктивистского, символического, социокультурного и рискологического подходов, а также обращение к концепциям философов-постмодернистов. Это открывает возможность рассматривать гендерную идентичность как динамичный, исторически изменчивый конструкт, находящийся под воздействием социальных, технологических и мировоззренческих сдвигов.

Таким образом, первая глава определяет теоретико-методологические основания для исследования трансформации гендерной идентичности в обществе

постмодерна, включая вызовы, связанные с цифровизацией общества, развитием биотехнологий и созданием трансгуманистических проектов.

Глава 2. СОЦИАЛЬНЫЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА КАК ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

2.1. Экономические и технологические детерминанты общества постмодерна

С середины XX века формируется новая модель социального устройства, которая сопровождается радикальными культурными трансформациями, меняющими сознание людей. Не в последнюю очередь эти изменения влияют на гендерную идентичность, расшатывая традиционные представления о маркерах, разграничивающих образы мужчин и женщины в мире.

Основными факторами, определившими принципы нового мироустройства являются экономические и технологические тенденции развития общества.

К экономическим факторам можно отнести развитие позднего капитализма (посткапитализм), определившего ценностные ориентации общества постмодерна.

Глубокий анализ модели позднего капитализма представлен в работах» Д. Харви¹⁹⁷, С. Кларка¹⁹⁸, М. Кастельса¹⁹⁹, Л. Болтански²⁰⁰, Ф. Джеймисона²⁰¹, П. Мейсона²⁰² и др. Ученые рассматривают поздний капитализм как закономерный этап в развитии капиталистической экономической системы. Основными чертами развитого капитализма, сложившегося в странах Запада после Второй Мировой войны, выступают масштабное, конвейерное

---

¹⁹⁷ Harvey D. The political-economic transformation of late twentieth-century capitalism. Part 2 // Harvey D. The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, 1990. P. 121–197.

¹⁹⁸ Clarke S. What in the F—’s Name is Fordism // Fordism and Flexibility. Division and Change / ed. by G. Nagel, R. Burrows, A. Pollert. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; London: The Macmillan Press LTD, 1992. P. 13–30.

¹⁹⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

²⁰⁰ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение. 2011. 976 с.

²⁰¹ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 799 с.

²⁰² Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016. 416 с.

производство, осуществляемое крупными корпорациями, которые представляли собой компании полного цикла (от добычи сырья до готового продукта). Это позволяло создавать стабильные рынки сбыта, ориентированные на массового потребителя.

В модели позднего капитализма прежняя иерархическая вертикальная организация экономической деятельности разрушается. Ей на смену приходит гибкая сетевая модель, основными принципами которой является горизонтальный тип управления, креативность, коммуникабельность, позволяющие оперативно решать постоянно меняющиеся задачи.

Такого рода трансформации сопровождаются смещением акцента с производства товаров на создание идей, которые это товары окружают. Иными словами, теперь успех производства во многом зависит не столько от качества продукции, сколько от того, как эта продукция воспринимается потребителем.

Эта новая экономическая реальность приводит к тому, что на предприятиях создаются «креативные» отделы, задача которых не просто продать товар, а создать вокруг него иллюзию мечты, превращая обычные вещи в объекты желания.

Д. Харви выделяет несколько ключевых аспектов, характеризующих эту новую реальность²⁰³:

— Трансформация на рынке труда (традиционные формы занятости претерпевают существенные изменения);

— Перестройка производственных процессов, связанная с практиками аутсорсинга и применением субконтрактов;

— Доминирование информации и брендинга, которые позволяют компаниям выгодно позиционировать себя на рынке продукции, что делает их более конкурентоспособными;

---

²⁰³ Harvey D. The political-economic transformation of late twentieth-century capitalism. Part 2 // Harvey D. The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, 1990. P. 121–197.

— Изменение потребительских предпочтений, ориентация на обновление товаров, что влияет на характер производства;

— Сдвиг в балансе между производственным и финансовым сектором, в пользу последнего, который значительно усилил свое влияние по сравнению с традиционным производством;

— Трансформация функций государства. Адаптируясь к новым условиям, государство эволюционирует в «предпринимательское государство», что сопровождается минимизацией финансирования социальных сфер и ослаблением социальных гарантий.

В свою очередь М. Кастельс отмечает, что современная экономика функционирует по сетевому принципу, что формирует совершенно новый культурный и институциональный контекст²⁰⁴.

Ф. Джеймисон использует постулаты как современных социально-философских теорий, так и марксистскую концепцию для изучения онтологических оснований постмодернистского общества²⁰⁵. Согласно его подходу, относительность и неопределенность, господствующие в постмодернистском обществе, должны быть объяснены экономическими изменениями при капитализме. Изменения в экономической структуре привели к ряду изменений в культуре и идеологии.

Классический капитализм способствовал формированию сильной и стабильной идентичности. Рабочий был работником на всю жизнь и без затруднений идентифицировал себя со своей ролью и социальным классом. Но затем капитализму потребовалось децентрализовать производство, чтобы увеличить прибыль, заставив работников постоянно менять работу, теряя уверенность в своем будущем, характерную для современности. Постмодернистская культура – это форма адаптации к новому типу среды,

---

²⁰⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

²⁰⁵ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 799 с.

созданному позднему капитализмом²⁰⁶. Ни одно общество не может функционировать должным образом, если структура и надстройка не согласованы. Надстройка должна быть полезной и функциональной по отношению к структуре²⁰⁷.

Поэтому экономическая структура позднего капитализма распространяет постмодернистскую культуру. Ф. Джеймисон говорит о том, что постмодерн и глобализация – это разные названия, которые указывают на одно и то же историческое явление и экономический период²⁰⁸. Постмодерн относится к культурному сдвигу, в то время как глобализация относится к экономическому аспекту капитализма, который действует в глобальном масштабе, как ранее предсказывал К. Маркс. По мнению Ф. Джеймисона, теория постмодерна должна быть связана с теорией глобализации, для которой характерны новое международное разделение труда, автоматизация и перенос производства в страны Третьего мира.

Таким образом, в современном мире идут фундаментальные социальные изменения, связанные с появлением новой модели посткапиталистического мироустройства, основой которой выступают технологии, позволяющие экстраполировать эту экономическую модель на весь мир.

В отечественном научном дискурсе исследованию специфики позднего капитализма посвящены работы М. В. Гречко²⁰⁹, Д. А. Давыдова,²¹⁰ Г. Ю. Карнаша²¹¹, Е. И. Наумовой²¹², А. Павлова²¹³ и др. Ученые рассматривая

---

²⁰⁶ Сикилинда С. В. Неопределенность идентичности в обществе постмодерна // Лосевские чтения: Материалы XXI международной научной конференции. Новочеркасск: Издательство: НОК, 2024. С. 114-118.

²⁰⁷ Сикилинда С. В. Неопределенность идентичности в обществе постмодерна // Лосевские чтения: Материалы XXI международной научной конференции. Новочеркасск: Издательство: НОК, 2024. С. 114-118.

²⁰⁸ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 799 с.

²⁰⁹ Гречко М. В., Стасев М. А., Тюлина З. Н. К вопросу об эволюции потребностей в системе посткапитализма // Journal of Economic Regulation. 2024. № 15 (2). С. 56-65.

²¹⁰ Давыдов Д. А. Посткапитализм как архаизация: институциональный дрейф к неофеодализму? // Антиномии. 2021. Т. 21. Вып. 4. С. 61–78.

²¹¹ Карнаш Г. Ю. Феномен позднего капитализма // Знание. Понимание. Умение. 2020. №1. С. 38-53.

эволюцию нового капитализма, подчеркивают роль информационных технологий в его развитии. В этом смысле, поздний капитализм представляет собой социально-экономическую систему, адаптированную к реалиям глобализации.

К основным характеристикам позднего капитализма авторы относят:

- появление транснациональных корпораций, деятельность которых не ограничена территорией национальных государств;
- изменение структуры производственных процессов (появляются новые формы специализации и производственных циклов);
- доминирование финансовой сферы над производством;
- развитие информационных технологий, принципиально меняющих способы как деловой, так и повседневной коммуникации;
- компьютеризация и автоматизация производства;
- трансформация рынка труда (вытеснение традиционных форм занятости, появление мобильных, гибких форм организации труда).

Ученые указывают на то, что в эпоху посткапитализма трансформируется понимание потребностей, «вместо классического понимания потребностей, в посткапиталистическом обществе они становятся более разнообразными, размытыми. Это характеризуется их индивидуализацией, повышением роли социального признания, нематериальным характером, и т. д.»²¹⁴.

Анализируя серьезные изменения в экономическом устройстве современного мира, исследователи полагают, что они обусловлены постмодернистскими культурными принципами, которые «... перекрыли доступ к историческому взгляду на мир, объявив метанарративы не-демократическими и

---

²¹² Наумова Е. И. Постмодернизм как описательная матрица посткапитализма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 171-174.

²¹³ Павлов А. Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // Философско-литературный журнал «Логос». 2019. Т. 29. № 2. С.1-24.

²¹⁴ Гречко М. В., Стасев М. А., Тюлина З. Н. К вопросу об эволюции потребностей в системе посткапитализма // Journal of Economic Regulation. 2024. № 15(2). С. 63.

тоталитарными, тем самым произведя философскую легитимацию неолиберальных демократий»²¹⁵.

Очевидно, что переоценка ценностей определила вектор развития капиталистической экономической модели, которая стала претендовать на глобальность. В этой связи глобализация стала основной мировой тенденцией в конце XX века. Как отмечал Э. Гидденс, именно высокотехнологичная экономика создает условия для глобализации, которая сопровождается неопределенностью и повышенным уровнем рисков²¹⁶.

Переход от модерна к постмодерну на социально-экономическом уровне определяется появлением и укреплением транснациональных корпораций, усилением сближения финансовых рынков разных стран, сужением экономических, социальных, политических и культурных взаимодействий, составляющих так называемую «глобальную деревню»²¹⁷. Глобализация экономики позволила развитым странам расширить свой потребительский рынок за пределы внутреннего рынка, который уже насыщен, и осуществлять финансовые операции с отдаленными экономиками.

Таким образом, новой социальной моделью мира становится глобализация. Различные аспекты глобализации глубоко анализируются в работах У. Бека²¹⁸, Э. Гидденса²¹⁹, З. Баумана²²⁰, Дж. Н. Питерсона²²¹, Дж. Ритцер²²², Р. Робертсона²²³ и др.

---

²¹⁵ Наумова Е. И. Постмодернизм как описательная матрица посткапитализма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 171-174. С.172.

²¹⁶ Giddens A. Runway World. How globalization is reshaping our lives. London: Profile Books, 2002. 124 p.

²¹⁷ Кириллина Н. В. Фрагментация аудитории медиа: от глобальной деревни к глобальному театру // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 2. С. 170–179.

²¹⁸ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 303 с.

²¹⁹ Giddens A. Runway World. How globalization is reshaping our lives. London: Profile Books, 2002. 124 p.

²²⁰ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2004.188 с.

²²¹ Pieterse J. N. Globalization as Hybridisation // International Sociology. 1994. № 9 (2). P. 161–184.

²²² Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 592 с.

²²³ Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. 211 с.

В основе глобализационных процессов лежит технологический фактор, связанный с развитием информационно-коммуникационных технологий. Последние играют ключевую роль в глобальной экономической интеграции мира. Современные технологии открывают огромные возможности для международной коммуникации. Благодаря инновационным технологиям интенсифицируется обмен информацией, что способствует появлению новых глобальных экономических структур, созданию новых политических образований, взаимодействию культур.

Несомненно, стремительный прогресс в области информационно-коммуникационных технологий является основной причиной ускорения процесса информационной глобализации. Появление сети Интернет меняет практически все сферы социальной жизни — экономику, политику, культуру, повседневность. Инновационные технологии в области коммуникации открывают как новые возможности для человечества, так и создают новые риски.

Рассматривая процесс глобализации, У. Бек указывает на его рискогенность, которая пронизывает все сферы общества — экономическую, политическую, культурную. У. Бек определяет риск как «систематический способ борьбы с опасностями и ненадежностью, вызванными самой модернизацией»²²⁴. Мыслитель проводит различие между «первой современностью» и «второй современностью». Государства-нации в значительной степени управляли ранней современностью. Вторая современность, напротив, характеризуется упадком могущества национальных государств и детерриторизацией.

З. Бауман связывает глобализацию с неопределенностью, которая характеризует постмодернистского индивида. Четвертая глава его книги «Глобализация: последствия для человека» посвящена тому, как быть потребителем в обществе потребления²²⁵.

---

²²⁴ Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. L.: Sage, 1992. P. 21.

²²⁵ Bauman Z. Is There a Postmodern Sociology? // Theory, Culture and Society. 1988. № 5 (2–3). P. 217–237.

Э. Гидденс выделяет четыре аспекта глобализации: мировая капиталистическая экономика, система национальных государств, мировой военный порядок, промышленное развитие и расширение глобального международного разделения труда²²⁶. Хотя исследователь придает большое значение глобализации, он считает, что мы живем в эпоху радикального модерна, «высокой современности», а не в эпоху постмодерна.

Э. Гидденс сравнивает глобализацию с силой, которую ничто не может остановить и которая сокрушает прежние принципы мироустройства. Глобальные процессы начинают охватывать весь мир, что увеличивает риски дестабилизации мировой системы. Ученый пишет, что «безжалостная сила сокрушает тех, кто ей сопротивляется, и, хотя иногда кажется, что она движется устойчиво, бывают моменты, когда она хаотично отклоняется в сторону, которую мы не можем предвидеть»²²⁷. Э. Гидденс разделяет точку зрения философов-постмодернистов о том, что мы живем в эпоху неопределенности, которая порождает экзистенциальные страхи и тревоги.

Дж. Ритцер рассматривает макдональдизацию общества как процесс культурной гомогенизации, который происходит в рамках глобализации: глобализация распространяет логику американского общества потребления на весь мир²²⁸.

Концепция «глокализации» Р. Робертсона указывает на глобальное и локальное взаимодействие, которое порождает «глокальное»²²⁹. Отношения местных сообществ с глобальным сообществом основаны не на пассивном подчинении, а на активном взаимодействии. Местные сообщества фильтруют то, что приходит извне, создавая множество особых реалий. Концепция глокализации подразумевает творчество, адаптацию, инновации и плюрализм.

---

²²⁶ Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, California: Stanford University Press, 1990. P. 70–78.

²²⁷ Giddens, A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, California: Stanford University Press, 1990. P. 139.

²²⁸ Ритцер Дж. *Макдональдизация общества* 5. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 592 с.

²²⁹ Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. L.: Sage, 1992. P. 16.

Некоторые социальные группы реагируют на это, замыкаясь в крайнем национализме; другие открыты переменам и принимают космополитизм.

Концепция «глокализации» Р. Робертсона напоминает концепцию «гибридизации» Дж. Н. Питерса, которая указывает на слияние двух различных культурных элементов²³⁰. Вместо того чтобы рассматривать глобализацию как процесс гомогенизации, Дж. Н. Питерс анализирует ее как процесс структурной гибридизации, подразумевающий появление новых, смешанных форм сотрудничества и культурной гибридизации или развитие смешанных культур.

Новая онтологическая реальность, обусловленная процессами глобализации, характеризуется экспансией западных ценностей, их внедрением в иные цивилизационные миры. В этом плане именно культурная глобализация оказывает деструктивное влияние на традиционные ценности незападных обществ. Исследованию культурной глобализации как вестернизации посвящены работы О. В. Алексеенко²³¹, С. В. Вальцева²³², В. Л. Иноземцева²³³, М. А. Корытина²³⁴, Е. В. Пензиной²³⁵, О. М. Шевченко²³⁶ и др. Ученые отмечают, что современный мир стремительно меняется под натиском глобализации, которая, по сути, является процессом распространения западных культурных образцов. В тоже время западные нормы и ценности нередко оказываются чуждыми ментальным установкам иных культур, поэтому они несут в себе

---

²³⁰ Pieterse J. N. Globalization as Hybridisation // *International Sociology*. 1994. № 9 (2). P. 161–184.

²³¹

Алексеенко О. В. Вестернизация как одна из тенденций развития современного мирового пространства // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2009. № 4. С. 65-70.

²³² Вальцев С. В. Духовный кризис в контексте глобализации // *Проблемы современной науки и образования*. 2012. № 5. С. 25-28.

²³³ Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // *Век глобализации* 2008. № 1. С. 31-44.

²³⁴ Корытина М. А. Культурная глобализация: феномен, сущность, противоречия процесса // *Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 381–387.

²³⁵ Пензина Е. В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // *Вестник КрасГАУ*. 2012. №8. С. 228-233.

²³⁶ Шевченко О. М., Тихоновская М. П. Угрозы и риски духовной безопасности современной России // *Гуманитарий Юга России*. 2018. Т. 7. № 1. С. 161-169.

деструктивный потенциал, подрывая культурно-цивилизационные основы незападных обществ.

В этой связи исследователи правомерно указывают на то, что стратегией глобализации выступает культурная экспансия, целью которой является либо унификация на основе вестернизации, либо исчезновение незападных культурных моделей²³⁷.

Можно согласиться с тем, что «потеря национальной самобытности приведет к стиранию культурной индивидуальности, а ведь именно исторически сложившаяся культура является главным источником, из которого личность черпает жизненные смыслы. Человеку, забывшему свои традиции, идеалы и исторические корни, грозит психологическая дезориентация, что означает утрату внутренних правил, способных регулировать и упорядочивать его цели и стремления»²³⁸.

Действительно, глобализационные процессы в области культуры оказывают влияние на устойчивость идентичности человека, что проявляется в кризисе идентичности, в том числе и гендерной. Кризис идентичности, не в последнюю очередь, обусловлен девальвацией традиционных норм, ценностей, которые разрушаются в результате экспансии либеральной идеологии. Данный процесс оказывает воздействие и на гендерную идентичность, способствуя развитию кризисных явлений в гендерном самоопределении.

В научном дискурсе проблема кризиса идентичности человека находит осмысление в работах философов постмодернистов Ж. Бодрийяра²³⁹, Ж. Дерриды²⁴⁰, Ф. Джеймисона²⁴¹, которые утверждают, что современный человек оказался в условиях, которые не способствуют его глубокому

---

²³⁷ Шевченко О. М., Тихоновскова М. П. Угрозы и риски духовной безопасности современной России // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 1. С. 161-169.

²³⁸ Корытина М. А. Культурная глобализация: феномен, сущность, противоречия процесса // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 384.

²³⁹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 207 с.

²⁴⁰ Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.

²⁴¹ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 799 с.

самопознанию. Жизнь в мире «симулякров» разрушает духовную целостность личности, уводит ее от стремления к самоидентификации.

Чтобы лучше прояснить характеристики постмодернистского общества, Ф. Джеймисон вводит понятие «гиперпространство»²⁴². Постмодернистское гиперпространство – это новая пространственная организация, характеризующаяся дезорганизацией и рассеянием, которые вызывают дезориентацию у людей. Люди не могут ориентироваться в гиперпространстве, потому что постмодернистская архитектура развивается быстрее, чем способности восприятия отдельных людей²⁴³.

Действительно, сложившаяся в мире социокультурная ситуация, в которой подлинная реальность скрыта за множеством имитаций, ведет к размыванию традиционных идентичностей, для которых была свойственна определенность, устойчивость, однозначность.

Российские исследователи справедливо указывают на то, что «эпоха постмодерна характеризуется отсутствием целостной картины мира, что практически не совмещается в сознании одного человека, и, как следствие, возникают ситуации мировоззренческой неопределенности»²⁴⁴.

Наряду с развитием посткапиталистической системы организации экономики и обусловленной ею глобализацией, новым онтологическим основанием культуры постмодерна, оказывающим влияние на трансформацию гендерной идентичности, становится модель «общества потребления».

Нам представляется, что размывание границ гендерной идентичности в культуре постмодерна обусловлено появлением новой потребительской культуры, в которой на первый план выходят не естественные потребности человека, а

---

²⁴² Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 68.

²⁴³ Сикилинда С. В. Неопределенность идентичности в обществе постмодерна // Лосевские чтения: Материалы XXI международной научной конференции. Новочеркасск: Издательство НОК, 2024. С. 114-118.

²⁴⁴ Сергеева Н. Н. Кризис личностной идентичности в культуре постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82). С. 174-176. С. 175.

стремление соответствовать внешним стандартам, навязанным рекламой. Современный человек живет в мире, где его ценность измеряется не тем, кем он является, а тем, что он имеет. Внутренние переживания и потребности кажутся менее важными, чем внешние атрибуты успеха. Постоянное стремление к новым вещам, к удовлетворению сиюминутных желаний, вытесняет из нашей жизни подлинные ценности.

На эту тенденцию в развитии современного общества обратил внимание Э. Фромм²⁴⁵. Мыслитель выделяет два вектора человеческого бытия: один связан со стремлением к обладанию вещами, другой, напротив, ориентирован на подлинные ценности, на познание мира, на самосовершенствование, на творчество и т. п. Человек, чья главная цель — накопление и владение, постоянно жаждет большего, поскольку он становится рабом своих желаний, рабом вещей, которые и определяют его эгоистичное существование. В этом смысле идентичность формируется именно на основе того, чем человек обладает.

Более того, современные мыслители отмечают, что в обществе потребления главной характеристикой, определяющей идентичность человека, становятся возможности его потребления. В сложившейся социокультурной реальности человек интересен исключительно в статусе потребителя. Как подчеркивал Ж. Бодрийяр, в современном мире свобода человека проявляется исключительно в его роли потребителя.

Анализируя специфику общества потребления, Дж. К. Гэлбрейт указывает на то, что ключевой задачей этой новой модели социума становится стимулирование потребления²⁴⁶. Последнее достигается с помощью рекламы, которая воздействуя на психику человека, убеждает его в необходимости приобретать все новые и новые продукты.

В концепции Г. Дебора жизнь современного человека рассматривается в формате зрелища. В культурных практиках постмодерна важным считается

---

²⁴⁵ Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? / Пер. с нем. и англ. М.: АСТ: АСТ-МОСКВА, 2009. 442 с.

²⁴⁶ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 480 с.

демонстрация и создание видимости того, что жизнь соответствует идеалу этой культуры, гедонистической, потребительской, счастливой, продуктивной, ускоренной и т. д. Зрелище превращает реальную жизнь в нереальность или ложные реальности ²⁴⁷. Более того, «общество зрелища» пропагандирует определенный образ жизни, соответствие человеку которому, определяет его социальную значимость.

Согласно Г. Дебору, образы, сконструированные и представленные в качестве образца становятся:

- а) посредниками в социальных отношениях;
- б) организаторами реакций и жизни других людей.

Искусственно сконструированные модели идеальной жизни, выступают инструментом, позволяющим контролировать поведение людей, внедряя в их сознание «идеалы» счастливой жизни.

Таким образом, в обществе потребления личность становится объектом манипуляции, она теряет свою субъектность, уникальность и значимость. Человеку навязываются установки, характерные для мира потребления. Вместе саморазвития, он выбирает модные тренды, глубокие межличностные отношения вытесняются количеством «лайков» в социальных сетях, внутренняя гармония замещается внешней привлекательностью, которая отвечает стандартам рекламы.

В постмодернистской потребительской культуре возникает новая аксиологическая концепция «Я» как исполнителя, уделяющего большое внимание внешнему виду, демонстрации и управлению впечатлениями. Тело и внешний вид приобретают сущностное значение для демонстрации идентичности в социальной сфере. Тело становится саморефлексивным проектом, неотъемлемой частью представления индивида о том, кто он есть в действительности.

Потребительский опыт, культурное потребление, основан на фрагментации периодов жизни, идентичностей и социальных условий. Фрагментация жизненного опыта часто требует фрагментации «Я» для того, чтобы глубоко

---

²⁴⁷ Дебор Г. Общество спектакля. М.: АСТ, 2023. С. 275.

пережить каждую возникающую ситуацию, и может быть даже возможность существования несовместимых или противоречивых личностей в одном и том же человеке. Это идентичности, добровольно и сознательно принимаемые потребителем для того, чтобы погрузиться в опыт потребления, поскольку каждый из них может создавать и организовывать множество индивидуальных идентичностей. В аксиологическом плане постмодернистский потребитель – это фрагментированный индивид, который переживает фрагментарные и парадоксальные моменты потребления, часто меняющий имидж, пытается приспособиться к новым ролям и новым идентичностям.

Эти тенденции оказывают влияние на гендерную идентичность, которая отражает специфику общества постмодерна. Кризис гендерной идентичности проявляется в противоречивости образов феминности и маскулинности, характерной для современной культуры. Это создает нормативную неопределенность, что усложняет процесс социализации подрастающего поколения. Последнее обусловлено изменениями в гендерных ролях, формах гендерного поведения и, даже, внешнем виде.

В этой связи исследователи справедливо отмечают, что «социально-экономические условия современного общества характеризуются динамичными изменениями социальных ролей и стереотипов, не совпадающих с традиционными представлениями и психологическими установками мужчин и женщин»²⁴⁸.

В настоящее время традиционные стереотипы маскулинного и феминного поведения не соответствуют реальному поведению современных мужчин и женщин. Это проявляется не только во внешнем виде и поведенческих практиках, но и выборе профессии. Если раньше политика считалась сферой деятельности исключительно мужчин, то женщина в политике сегодня является нормой.

---

²⁴⁸ Екимова В. И., Филиппова С. А. Гендерные различия: социокультурный аспект // Сибирский психологический журнал : научно-практический журнал. 2008. № 27. С. 64-66. С. 65.

Аналогичная ситуация имеет место в экономической сфере, где женщина является руководителем крупных производств или корпораций.

Кроме того, наблюдаются существенные изменения в реализации гендерных ролей. Традиционно роль женщины заключалась в рождении и воспитании детей, в то время мужчина занимался вопросами обеспечения семьи. Однако во многих странах достаточно распространенной практикой после рождения ребенка является уход мужчины в декретный отпуск. Надо отметить, что право мужчины взять отпуск по уходу за ребенком законодательно закреплено и в России.

В настоящее время в сфере современного спорта наблюдаются существенные трансформации в разграничении мужских и женских видов спорта. Примером размывания традиционной гендерной идентичности является появление женского бокса, женского футбола, женской тяжелой атлетики и т. п.

Специалисты отмечают, что в мире спорта гендерные стереотипы проявляются особенно отчетливо, поскольку когда ребенок делает первые шаги в спортивной карьере, виды спорта уже поделены на «мужские» и «женские»²⁴⁹. Это формирует не только представление о себе, но может исказить процесс становления гендерной идентичности. Но в тоже время мы видим, что мужские виды спорта становятся женскими, что демонстрирует размывание представлений о традиционных гендерных различиях.

Очевидно, что современное общество переживает трансформацию взглядов на то, какими должны быть мужчины и женщины. Эти изменения проходят неравномерно. Так в более традиционных культурах сохраняется классический образ, где женщина предстает нежной, мягкой, ласковой, но при этом пассивной и зависимой. Интересно, что этот стереотип чаще поддерживается мужчинами, в то время как сами женщины сегодня видят себя иначе: они стремятся быть умными, активными, инициативными и независимыми.

---

²⁴⁹ Дамадаева А. С., Магомедова С. А., Бехоева А. С. Процессы гендерной идентификации профессиональных спортсменов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2019. Т. 13. № 4. С. 93-100.

Не менее значительные перемены коснулись и представлений о мужественности. Если раньше этот образ включал в себя физическую силу, подавление эмоций, отношение к женщине как к объекту, то сегодня на первый план выходит интеллект, который ценится выше физической силы. Также становится допустимым проявления нежности и чуткости²⁵⁰.

Сегодня мы видим, что современное общество претерпевает глубокие трансформации. Вместо четких структур и ценностей мы фиксируем раздробленность культурных моделей и ценностную неопределенность. Традиционные бинарные категории (в том числе и «мужчина-женщина») теряют свою универсальность, а социальные нормы и принципы, которые раньше поддерживали целостность бытия человека, уступают место хаосу. Ж. Бодрийяр называл такую ситуацию «культурой избытка», где информации много, а глубинного смысла не хватает. В таком онтологическом контексте меняется наше представление о человеке, а значит, и о гендере.

Эпоха постмодерна, с ее стремительными социальными инновациями, вывела на первый план новый тип человека, которого Х. Ортега-и-Гассет назвал «новой породой людей»²⁵¹. Представители последней, по его мнению, не испытывают потребности в моральных ценностях. Анализируя «нового человека», мыслитель обращает внимание на то, что такой человек изначально убежден в легкости и изобилии жизни, он не видит для себя никаких ограничений. Это порождает в нем чувство триумфа и всемогущества. «Человек массы» склонен к самодовольству, он отвергает любые внешние авторитеты, не терпит критики.

По сути этот человек, находясь в эпицентре постмодернистских инноваций, сам становится центром этого процесса, который разворачивается на основе ризомы. Более того, гендерные трансформации, идущие в мире, также осуществляются по этому принципу.

---

²⁵⁰ Шишлова Е. Э. Трансформация гендерной идентичности: социально-психологический аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1 (22). С. 204-209.

²⁵¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 309–350.

Поэтому учеными было предложено понятие «гендерная ризома» — сложная, многоуровневая структура половой дифференциации, в которой отсутствует единый центр и четкая бинарная оппозиция «мужчина – женщина», «что сопровождается размыванием резких границ между феминными и маскулинными гендерными полоролевыми стереотипами, закрепленных культурой в качестве противоположных, взаимоисключающих, крайних полюсов»²⁵².

Таким образом, в обществе постмодерна гендерные отношения становятся более многогранными, плюралистичными и подвижными, что формирует новое понимание гендерной идентичности не как однозначной биосоциальной конструкции, а как гибкой структуры, отражающей социокультурные трансформации современного мира.

Надо отметить, что в современном обществе, переживающим постмодернистский этап развития, наблюдается явное стремление к стиранию четких границ в вопросах гендера.

Впервые за всю историю западной цивилизации традиционные представления о мужском и женском, которые казались незыблемыми, теряют свою прежнюю значимость. Вместо полярных гендерных ролей, в условиях нарастающей социальной изменчивости и неопределенности появляются разнообразные промежуточные формы, которые синтезируют черты личности и модели поведения, ранее считавшиеся сугубо мужскими или женскими.

В наши дни представители обоих полов активно присваивают себе формы поведения и самовыражения, которые прежде считались принадлежностью противоположного пола. Изменение уклада жизни ведет к формированию у мужчин и женщин новых психологических и социальных характеристик. Иными словами, каждый пол стремится реализовать те грани личности, которые долгое время подавлялись. Следствием этого становится размывание границ между

---

²⁵² Богатова Л. М. Ризома как гендерная диспозиция постмодерна // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. № 149 (5). С. 103-111. С.104.

маскулиными и фемининными чертами, отказ от традиционной гендерной иерархией, а также представлений о неравенстве полов.

В этой связи исследователи подчеркивают, что в современном мире «происходит радикальная пермутация «гендерного текста» культуры, т. е. качественная реструктуризация полоролевых функций в системе традиционно-патриархального доминирования мужчины над женщиной»²⁵³. Это проявляется в сближении мужского и женского, их интегрированный, что приводит к девальвации прежних жестких маркеров гендерной идентичности.

В современном обществе происходят глубокие трансформации в понимании того, что значит быть мужчиной или женщиной. Старые гендерные стереотипы рушатся. Мы видим, как мужчины становятся более открытыми к проявлениям, которые раньше считались сугубо «женскими», а женщины, в свою очередь, проявляют качества, традиционно ассоциируемые с мужественностью. Эти изменения во многом обусловлены новым культурным контекстом, в котором стираются традиционные представления о мужском и женском, их роли и образы смешиваются в новой социальной реальности.

Одним из общих элементов, присущих мыслителям эпохи постмодерна, является изучение власти, скрытой в элементарных социальных отношениях. Именно потому, что эта власть невидима, она покоряет сознание простого человека, способствуя сохранению статус-кво и угнетению подчиненных групп. Согласно М. Фуко, власть присутствует повсюду и постоянно проникает в социальные отношения; у власти нет центра, но есть бесконечные центры²⁵⁴. Вот почему Фуко критически относится к марксистскому и неомарксистскому подходам, которые склонны рассматривать власть как нисходящий процесс, сосредоточенный прежде всего на государстве.

Согласно М. Фуко, власть совершенствует свои методы контроля, чтобы решать сугубо практические проблемы, связанные с конкретной эпохой. Перед

---

²⁵³ Богатова Л. М. Ризома как гендерная диспозиция постмодерна // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. № 149 (5). С.105.

²⁵⁴ Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем, 2022. – С. 56.

современной властью стоят две серьезные задачи. Первая – контролировать небольшие группы людей в замкнутых пространствах, таких как заключенные или фабричные рабочие. Второй целью был контроль над большими популяциями на больших пространствах с развитием массового общества. Биополитика, возникшая из слияния «биологии» и «политики», касается политического контроля над биологической жизнью индивидов²⁵⁵. М. Фуко разрабатывает более чем один большой нарратив: теории социального надзора, сексуальности и психиатрии, в которых утверждается, что контроль общества над индивидом усиливается.

В постмодернистском обществе больше нет индивидуальности, личность более не является единым целым, а скорее сконструированным фрагментарным феноменом, который в основном находится под влиянием образов, создаваемых СМИ. Постмодернистское «Я» освобождается от незыблемых сопряжений между номинальными идентичностями и диапазоном актуальных социальных ролей. Возможность свободного выбора заключается не в реализации стремлений к аутентичной личности, а во взаимном проникновении открытого множества ролевых установок.

Для общества постмодерна характерно размывание представлений о классических гендерных ролях, что приводит к нарастанию неопределенности и аморфности в понимании гендерной идентичности.

Основанием этого процесса выступает общая тенденция к деконструкции устоявшихся порядков. Универсальные принципы, которые ранее служили каркасом организации гендерных отношений, утрачивают свою силу, что создает предпосылки для перехода к состоянию, близкому к хаосу, где царит неопределенность и отсутствие четких культурных ориентиров.

Гендерные структуры оказываются втянутыми в эти социальные трансформации постмодерна, для которых характерна текучесть, изменчивость,

---

²⁵⁵Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. М.: Наука, 2010. 446 с. С. 22.

что ведет к размыванию представлений о половой принадлежности. Сегодня мы уже являемся свидетелями того, что в западной культуре бинарные оппозиции «мужчина» и «женщина» лишаются своего содержания, становятся гибкими и ситуативными.

В современном мире, где традиционные устои размываются, а культура становится все более фрагментированной, наблюдаются значительные перемены в понимании гендера и сексуальности. Это проявляется в том, что общество становится более открытым к разнообразию сексуальных предпочтений.

Различные субкультуры, возникающие в результате девальвации традиционных ценностей и распада единой культурной системы, создают пространство для «свободной игры» идей и форм. Эта децентрализация и плюрализм неизбежно влияют на наше восприятие отношений между полами. В условиях нарастающего хаоса, само понятие человека, разделенного на «мужчину» и «женщину», оказывается под угрозой.

Таким образом, тенденции общества постмодерна, связанные с развитием посткапитализма, с появлением новых информационно-коммуникационных технологий, интенсификацией глобализационных процессов, с распространением модели «общества потребления», радикально меняют принципы современного мироустройства, что влечет за собой серьезные трансформации в сфере гендерной идентичности.

2.2. Влияние ценностных установок общества постмодерна на трансформацию гендерной идентичности

Социальные трансформации современного мира радикально трансформировали его ценностные установки, которые привели к изменениям в представлениях о гендерной идентичности человека. Новая постмодернистская реальность оказала влияние на ценностные установки современного общества, которые приобрели релятивистский характер.

Релятивистскую позицию можно рассматривать как атаку на веру эпохи Просвещения и цивилизационную миссию разума, понимаемую как универсальную силу, определяющую развитие человеческой истории. Эпистемологический релятивизм представляет собой посягательство на антропологический оптимизм, лежащий в основе современной интеллектуальной мысли. Более того, релятивизм в понимании мироустройства разрушает доверие к нормативным установкам «рационального субъекта», которое занимало центральное место в проекте эпохи Просвещения.

С постмодернистской точки зрения, необходимо вырваться из эпистемологической предопределенности бинарных категорий, чтобы освободиться от иллюзорности поиска окончательных истин. Стремление добиться контроля как над миром природы, так и над социальным миром посредством поиска непровержимых истин – посылка, лежащая в основе Просвещения, – тщетно. Построение конкретных перспектив никогда не вытекает из раскрытия универсальных истин. Напротив, изобретение кажущихся бесспорными истин неизбежно происходит из пространственно-временного специфического и социально обусловленного места в мире²⁵⁶.

В настоящее время в научном дискурсе применительно к ценностям используется понятие «плюрализм». С позиций последнего сегодня рассматриваются не только сфера научных исследований, но и образ жизни современных людей. Поэтому понятие плюрализма относится не только к области методологии науки, но и к реальной жизни.

Истоки плюрализма как способа объяснения социальных явлений, уходят корнями в античность, к деятельности софистов. Именно они первыми начали применять принцип множественность точек зрения на одни и те же вещи. Софисты утверждали, что ценность чего-либо определяется индивидуальным восприятием человека, то есть она не имеет абсолютной, универсальной оценки.

---

²⁵⁶ Игнатова Н. Ю. Критический потенциал феминистской эпистемологии // Вестник Пермского государственного университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 1. С. 20–30.

Знаменитое высказывание Протагора «Человек есть мера всех вещей...» в полной мере отражает эту софистическую позицию.

Можно сказать, что современным воплощением этой идеи является постмодернистская традиция в философии, которая будучи отражением онтологических оснований современного общества, развивает концепцию радикального плюрализма, утверждая неограниченное разнообразие мировоззрений и интерпретаций.

Трансформации современного мира способствовали формированию его нового осмысления, которое уже не стремилось описать мир как единое целое, напротив, рассматривало его как множество миров, не имеющих общего основания. Именно для обозначения такого взгляда на мироустройство и был введен термин «плюрализм». При помощи последнего сегодня описывается как устройство мира (онтология), так и его ценностные основания (аксиология).

Надо сказать, что сегодня принцип плюрализма применим в различных сферах человека:

— в сфере познания (гносеологический плюрализм), который утверждает право на применение различных методологических подходов в научных исследованиях;

— в сфере экономической деятельности (модель рыночной экономики позволяет осуществлять различные виды предпринимательской деятельности);

— в политике, где провозглашается политический плюрализм, отражающий демократическое устройство общества, допускающее наличие различных политических партий, в том числе и оппозиционных.

— в культуре (культурный плюрализм или мультикультурализм) обеспечивается признанием права на существование локальных культурных сообществ с их различными традициями и религиозными взглядами.

На наш взгляд, ключевым фактором, определившим вектор аксиологических установок общества постмодерна, выступает либеральная идеология, которая определила развитие и специфику евро-атлантической

цивилизации. Именно идеология либерализма, с момента своего зарождения и до наших дней, оказала колоссальное влияние на эволюцию культурных установок западного мира. По сути, либерализм стал фундаментом, на котором строилась вся система жизни и институтов западной цивилизации. Даже несмотря на многие исторические события, войны, изменения границ, либерализм неизбежно остался центральным элементом идеологического ландшафта евро-атлантического мира.

Являясь продуктом развития западной цивилизации, либерализм одновременно представлял собой совершенно новую систему ценностей, охватывающую философию, понимание человека, организацию правовой, политической, экономической жизни общества.

Либерализм, как идеология, зародился в эпоху грандиозных социальных преобразований, связанных с Великими географическими открытиями и Реформацией. Эти события породили новые запросы к общественному устройству, к новой системе ценностей, которая бы смогла обеспечить право и свободы человека.

Теоретические основы новой идеологии были заложены в философских учениях Т. Гоббса²⁵⁷, Дж. Локка²⁵⁸, Ш.-Л. Монтескье²⁵⁹, Ж. -Ж. Руссо²⁶⁰.

Мыслители обосновывали необходимость утверждения экономических и политических свобод личности, ее гражданских прав, что позволит обеспечить разрешения противоречий между личным интересом и общественным благом в рамках государственного образования.

Ключевой ценностью общественной жизни философы считали свободу. Т. Гоббс рассматривает свободу как «отсутствие препятствий для движения»²⁶¹. В

---

²⁵⁷ Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 3-547.

²⁵⁸ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3-х тт. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С.135-406.

²⁵⁹ Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 799 с.

²⁶⁰ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. 703 с.

²⁶¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 369.

этом аспекте свобода понимается как возможность действовать без внешнего давления, но в рамках закона. В тоже время государство призвано гарантировать безопасность и защищать эту свободу, осуществляя контроль и регулирование поведения граждан. Важно понимать, что свобода — это не вседозволенность, а возможность жить в рамках закона, который служит всеобщему благу.

В основе политических взглядов Дж. Локка лежит глубокое понимание двух фундаментальных аспектов человеческого бытия: стремления к свободе и поиск счастья. Мыслитель представлял себе изначальное состояние общества как мир, где каждый человек с рождения обладает свободой, не подвергаясь давлению со стороны каких-либо внешних сил, будь то власть государства или общественные нормы. Дж. Локк подчеркивал, что в этом естественном порядке вещей человек имеет право на свободу, но оно ограничено уважением к правам других. Именно последнее контролируется государством.

Но так или иначе фундаментальной ценностью, определившей мировоззрение западной цивилизации становится свобода.

Стоит отметить, что как и любая идеология, либерализм опирается на ряд ключевых принципов, которые формируют фундамент либерального мировоззрения:

1. Принцип уважения свободы человека, его права на собственные убеждения;

2. Ценность отдельной личности, что предполагает наличие у нее права на жизнь, свободу, безопасность, а также справедливое отношение и равенство перед законом;

3. Признание преимуществ свободного рынка и права на частную собственность.

4. Принцип либерального демократизма. Либерализм неразрывно связан с демократией как формой политического режима. Именно в демократическом политическом устройстве присутствует разделение властей. Верховенство права, защита гражданских свобод. Демократия рассматривается как наиболее

совершенный способ организации социальной жизни, позволяющий обеспечить защиту прав и свобод каждого человека.

Анализируя специфику западного общества, И. Валлерстайн выделяет три важных направления, определяющих суть либеральной идеологии:

1. Расширение избирательных прав, что проявляется в стремлении обеспечить участие в политической жизни общества всех граждан, независимо от их гендерной или иной идентичности;

2. Создание государства, способного гарантировать безопасность и достойный уровень жизни для всех членов общества;

3. Формирование общей системы ценностей, направленных на интеграцию общества и объединяющих нацию.

С наступлением индустриальной эпохи либерализм занял центральное место в западном мире, став своего рода фундаментом для общественного согласия. Он предложил новые принципы организации общества, основанные на экономической и политической свободе, гражданских правах личности.

В основе либерального проекта лежит глубокое убеждение, что каждый человек обладает уникальной ценностью, а его личный моральный выбор должен уважаться другими. Именно этот индивидуальный выбор становится основой жизненного мира западного человека.

Зарождение и развитие идеологии либерализма способствовало началу процесса эмансипации женщин. Идеи гуманизма и равенства, витавшие в воздухе, оказали колоссальное влияние на положение женщины в обществе, что нашло отражение в «Декларации прав женщин и гражданки», созданной французской журналисткой Олимпией де Гуж в 1789 году.

В эту же эпоху увидели свет и другие фундаментальные труды, заложившие идейную основу феминистского движения. Среди них «Защита прав женщин» английской писательницы Мэри Уолстонкрафт, «Об улучшении гражданских прав женщин» немецкого политического деятеля Теодора Готлиба фон Гиппеля, «О

даровании женщинам гражданских прав» французского философа Николя де Кондорсе²⁶².

Несмотря на то, что эти идеи не нашли практического применения в период жизни их основателей, они дали мощный толчок к формированию одного из первых направлений феминизма — социального феминизма. Главной целью этого феминизма является кардинальное преобразование общества, связанное с предоставлением женщинам возможностей реализовать себя не только в семье, но и в любой другой сфере жизни.

Уже на рубеже XIX и XX веков женское движение за равные права переживало один из самых значимых этапов своего развития. Появились общественные организации и движения, которые активно продвигали идеи либерализма и демократии, стремясь к реформам во всех сферах жизни общества — от политики до культуры.

Подъем социальных движений, наметившийся в 60-е гг. XX в., подрывает «домодернистские» мета-, или унитарные, идентичности, бросая вызов доминирующим статусам власти и привилегий. В патриархальные отношения, которые исключали женщин из участия в общественной жизни и препятствовали их равноправному положению в семье, были разрушены в структурном и культурном отношении. Изменяются не только отношения между мужчинами и женщинами, но и дестабилизируется основанная на них гендерная идентичность с учетом таких факторов, как расовые привилегии, сексуальность, трудоспособность и т.д.

Как движение за гражданские права, так и женское движение, за которым следуют экологическое движение, движения за мир и студенческие движения, антифеминизм, христианская идентичность, инициировало далеко идущие институциональные и культурные изменения. Они бросили вызов современному разделению социального мира на отдельные части – отдельные сферы, разные

---

²⁶² Гузенина С. В. О женской эмансипации в социокультурном контексте // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. № 3 (9). С. 43-52.

характеры, разные способности, разные полушария, разные привилегии – смыслам и ценностям, которые эти категории навязывали.

Однако исследователи отмечают, что «несмотря на достижение формальных прав, женщины столкнулись с тем, что отношение мужчин к ним не изменилось кардинально. Вековая система доминирования продолжала существовать»²⁶³.

Середина XX века ознаменовалась появлением новых волн феминистских движений. В этот период женское движение вступило в свою третью, активную фазу, в которой главной идеей стало стремление к равенству, но с признанием уникальности каждой женщины. Среди ключевых фигур этого периода выделяются Симона де Бовуар²⁶⁴ и Бетти Фридан²⁶⁵, которые видели причины гендерного неравенства в социальных нормах, которые транслируются через общественные институты. С. де Бовуар подчеркивала, что в обществе сложился архетип, в рамках которого мужское начало воспринимается как норма, а «женское» как девиация, как отклоняющееся от нормы. Поэтому писательница призывала женщин осознать себя как самостоятельных личностей, развивать чувство свободы, стремиться к самореализации, независимо от от половой принадлежности.

Б. Фридан видела целью своей деятельности освобождение женщин от оков традиционных гендерных стереотипов. Она настаивала на том, что каждая женщина должна иметь право на самостоятельный выбор своей жизненной стратегии. Более того, в семейной жизни феминизм выступает за партнерские отношения, где женщина не обязана жертвовать своими интересами ради заботы о семье, призывает к равному участию родителей в воспитании детей, осуждает двойные стандарты морали, которые по-разному оценивают поведение мужчин и женщин. Для достижения этой цели американская феминистка предлагала

---

²⁶³ Гузенина С. В. О женской эмансипации в социокультурном контексте // *Caucasian Science Bridge*. 2020. Т. 3. № 3 (9). С. 45.

²⁶⁴ Бовуар С. Второй пол. М.: Прогресс; СПб.: Алтейя, 1997. 832 с.

²⁶⁵ Фридан Б. Загадка женственности. М.: Издательский Дом Литера, 1993. 496 с.

проводить глубокие экономические и правовые реформы, которые бы позволили реально изменить положение женщины в обществе.

Исследователи считают, что «успехи в сфере достижения гендерного равенства в странах Запада обусловлены активностью самого женского движения и ростом представительства женщин в правительствах, парламентах и общественных организациях. К этому стоит добавить широкую антидискриминационную законодательную базу и систему государственных органов, реализующих стратегии гендерного равенства в Европе»²⁶⁶.

Таким образом, можно утверждать, что идеология либерализма, провозгласившая свободу личности в качестве важнейшей ценности западного мира, расшатывала сложившиеся гендерные стереотипы, что определяло процесс трансформации гендерной идентичности. Появление феминистских движений привело к пересмотру гендерных ролей женщин в современном обществе. Специалисты отмечают, что «в результате движение феминисток, пропагандирующее себя как механизм продвижения идеологии эмансипации, в странах Запада и США добилось потрясающих результатов, в этих странах для женщин открыты все возможности профессионального роста»²⁶⁷.

Надо сказать, что идеология либерализма, с ее ориентацией на свободу, на мировоззренческий плюрализм, на значимость самовыражения человека, на защиту прав личности, способствовала фрагментации западного общества, его раздробленности на культурные анклавы, существование которых обосновывалось политикой и практикой мультикультурализма.

Сегодня мы наблюдаем кризис идеологии либерализма на Западе. То, что раньше казалось незыблемой основой западного мира — культура и национальная идентичность начинает давать трещины. Это действительно приводит к тому, западное общество становится атомизированным, а само

---

²⁶⁶ Головинов А. В., Головинова Ю. В. Принцип гендерного равноправия в текстах конституций западноевропейских стран // Юрислингвистика. 2021. № 20. С. 5-8. С.7.

²⁶⁷ Гузенина С. В. О женской эмансипации в социокультурном контексте // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. № 3 (9). С.43-52.

понятие свободы искажается. Происходит разрушение прежних традиционных ценностей западной культуры, которые определяли мировоззрение человека. Сегодня люди теряют общие ценностные опоры, что ставит под сомнение саму суть либеральных ценностей.

Специалисты правомерно указывают на то, что «специфика либерализма как социального феномена состоит в том, что он ратует не просто за свободу и не просто за свободу каждого, а за максимальную свободу, за развитие в деле свободы, соответственно, при реализации своей программы он не может органически перейти к консерватизму»²⁶⁸.

Радикализация ценности свободы создала условия для кардинального пересмотра гендерной идентичности в западном обществе. Акцент на индивидуальную свободу привел к тому, что сегодня в европейских странах каждый гражданин имеет право самостоятельно определять свою идентичность и жить в соответствии с ней, не подвергаясь принуждению со стороны государства и общества.

Более того, в разных странах мира предпринимаются шаги по законодательному закреплению прав людей на самоопределение в вопросах гендерной идентичности. Например, на Мальте в 2015 году был принят закон, гарантирующий уважение к гендерной идентичности граждан. Подобные инициативы выходят в рамках европейского континента.

В Аргентине еще в 2012 году был принят закон, признающий право каждого человека на признание его гендерной идентичности и соответствующее обращение, включая возможность ее документального отражения. В Великобритании в 2004 году был принят Закон о признании гендера, согласно которому трансгендерные люди имеют право подать заявление на получение Свидетельство о признании гендера. Этот документ является официальным

---

²⁶⁸ Гареева Л. Ф. Либерализм как идеология свободы личности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. №8 (93). С. 58-61. С. 59.

подтверждением того, что человек прошел необходимые процедуры и теперь юридически признан в своем выбранном гендере.

Сегодня в Европе наблюдается переход к принципу, согласно которому гендерная принадлежность является вопросом личного самоопределения. Важную роль в этом играет практика Европейского Суда по правам человека. Его решения, апеллирующие к уважению прав личности, способствуют тому, что субъективное восприятие человеком своего гендера становится все более значимым.

Эти процессы свидетельствуют о том, что сегодняшнее «право на уважение гендерной идентичности предполагает юридическую возможность лица причислить себя к тому гендеру, с которым оно себя ассоциирует, при этом набор гендеров не исчерпывается традиционными «мужским» и «женским»²⁶⁹.

Таким образом, изменения, произошедшие в законодательстве ряда стран относительно гендерной принадлежности человека, демонстрируют появление нового взгляда на право человека самостоятельно решать вопрос о своей гендерной идентичности. Теперь последняя становится предметом личного выбора человека. Тем самым, в обществе легализуется множественность гендеров.

Данную ситуацию можно характеризовать как революционную, в плане трансформации гендерной идентичности в современном обществе. Последняя проявляется в разрушении прежних, жестких представлений о том, что гендерная принадлежность должна быть неизменной, строго бинарной (только мужчина или женщина) и объективно определяемой.

На наш взгляд, не только ценности либеральной идеологии оказали влияние на процессы трансформации гендерной идентичности в современном мире, но и технологические возможности общества, связанные с появлением виртуальной реальности, позволяет создавать множественные идентичности.

---

²⁶⁹ Храмова Т. Право на уважение гендерной идентичности: новые стандарты автономии личности // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 3(130). С. 54–68. С. 59.

Появление новой цифровой культуры позволяет современному человеку конструировать множество идентичностей.

Различные аспекты новой цифровой культуры и ее влияние на идентичность человека анализируются в работах А. Е. Жичкиной ²⁷⁰, А. М. Кондакова ²⁷¹, А. В. Конева ²⁷², А. А. Лисенковой ²⁷³, Т. Г. Лешкевич ²⁷⁴, Р. В. Пеннер ²⁷⁵, Ю. А. Чернавина ²⁷⁶, О. М. Шевченко ²⁷⁷ и др. Исследователи отмечают, что с появлением «homo digitalis», чья жизнь неразрывно связана с цифровым миром, актуализируется проблема идентичности этого нового типа человека. Классические представления об идентичности, сформированные еще до эпохи Интернета, уже не соответствуют той реальности, в которой живет современный человек.

Современный мир стал очень изменчивым и текучим, а цифровые технологии сделали его сетевым. Глобальное сетевое пространство Интернета напоминает сложную информационную систему, устроенную по принципу ризомы. Погружаясь в поток информации, человек становится его неотъемлемой частью. Благодаря сети Интернет человек постоянно вовлечен в коммуникацию с разными людьми и группами, что оказывает влияние на формирование его идентичности, которая формируется в самых различных направлениях.

---

²⁷⁰ Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью. URL: https://cyberpsy.ru/articles/self_presentation_identity (дата обращения: 11.06.2024)

²⁷¹ Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация. Цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: информатизация образования. 2019 Т. 16. № 3. С. 207-218.

²⁷² Конева А. В., Лисенкова А. А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 14- 28.

²⁷³ Лисенкова А. А. Персональная проектная идентификация в цифровом пространстве // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 474–480.

²⁷⁴ Лешкевич Т. Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2022 № 3. С. 53-63.

²⁷⁵ Пеннер Р. В. К проблеме идентичности в эпоху постмодерна // Региональные культурные стратегии в современном мире. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2023. С. 62-68.

²⁷⁶ Чернавин Ю. А. Цифровая идентичность личности: сущность, особенности возникновения и проявления // Человеческий капитал. 2022. №12 (168). Т. 2. С. 74-78.

²⁷⁷ Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Коммуникативные и идентификационные трансформации как сущностные проявления цифровой культуры // Гуманитарий Юга России. 2022. №2 (54). Т. 11. С. 180–190.

Иначе говоря, цифровой век заставляет нас переосмыслить свою идентичность. Мы больше не ограничены одной социальной ролью или одним кругом общения. Наша личность становится более гибкой, многогранной, постоянно меняющейся под влиянием огромного количества информации и разнообразных коммуникаций в онлайн-среде.

Как отмечают исследователи, «в силу ряда объективных технологических особенностей (анонимности, дистантности, маркеров телесности), виртуальная коммуникация задаёт для пользователя максимальные возможности в самоопределении и непосредственном самоконструировании»²⁷⁸. По сути, цифровая идентичность – это то, как мы видим себя и как видят нас другие в виртуальной реальности. Это наше самосознание, выраженное через презентацию своего образа в онлайн-пространстве. Тем самым, цифровая идентичность выступает способом осознания себя как части новой цифровой реальности. Поэтому исследователи предлагают рассматривать цифровую идентичность как «репрезентацию индивидом себя посредством содержательного наполнения собственного аккаунта»²⁷⁹. В этом плане атрибутом цифровой идентичности является ее «проектный» характер. Последний связан с тем, что человек активно конструирует свой образ в виртуальном пространстве, стремясь к популярности и признанию.

Надо отметить, что структура цифровой идентичности сложна. Она включает как реальное «Я» человека, так и его виртуальное «Я», которое может носить множественный характер. Последнее, по мнению ученых, отражает формирование «постчеловеческой стадии» идентификации, на которой на первом плане оказывается «человек, лишенный человеческих свойств»²⁸⁰. Появление

---

²⁷⁸ Белинская Е. П. Интернет и идентификационные структуры личности. URL: <http://banderus2.narod.ru/70244.html> (дата обращения: 10.09.2024)

²⁷⁹ Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Коммуникативные и идентификационные трансформации как сущностные проявления цифровой культуры // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 2 (54). С. 185.

²⁸⁰ Тульчинский Г. Л. Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 32–51. С. 33.

этого типа человека обусловлено развитием цифровых технологий, которые позволяют ему «воплощать в себе бесконечную множественность идентификаций в постоянно обновляемом авторском виртуальном проекте»²⁸¹.

Таким образом, в условиях постчеловеческой персонологии идентичность становится многогранной и динамичной. Культура общества постмодерна меняет наши представления об идентичности, границы гендерной идентичности все больше размываются. Благодаря Интернету и социальным сетям у человека появляется уникальная возможность самому решать вопрос о собственной идентичности. Соответственно стратегии идентификации (включая и гендерную) становятся гибкими и подвижными.

Анализируя специфику цифровой идентичности человека, специалисты утверждают, что сегодня формируется «нарратив неуверенной или больной идентичности – ускользающей или текучей, расколотовой, фрагментарной, нуждающейся в постоянной заботе и реставрации. Эта идентичность рассматривается в контексте выбора и постоянного «потока коммуникации» <....>, где границы неопределенны, образы и смыслы бесконечны, ценности зыбки и собственные основания размыты»²⁸².

Более того, анонимность в виртуальном пространстве предоставляет пользователям возможность экспериментировать с идентичностью, в том числе и с гендерной. Человек может представлять себя в различных гендерных ролях, что создает пространство для «игр с идентичностью».

В обществе постмодерна, где границы между реальностью и вымыслом стираются, игра становится принципом организации жизни человека. Игра выступает способом осознания плюралистичности мира, его многогранности.

Исследователи отмечают, что сегодня «игровая составляющая стала доминантой современного социума, а сама игра стала маркером

---

²⁸¹ Тульчинский Г. Л. Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 34.

²⁸² Конева А. В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. №1. С. 50-61. С. 54.

постмодернистского общества, когда игровые процессы вторгаются во все сферы бытия и когда играизация становится способом управления поведением человека, технологией манипулирования его сознанием и поведением»²⁸³.

Теоретики постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Г. Дибор и др.) утверждают, что мы живем в эпоху, где реальность стала похожа на игру. Традиционные нормы, которые когда-то определяли социальную жизнь, теперь не являются общественными регуляторами, поскольку практически все стало предметом развлечения и зрелища. В этой новой постмодернистской реальности все бинарные категории (добро и зло, красота и уродство, трагическое и комическое, мужское и женское и пр.) смешиваются и теряют свои границы. В этом мире, напоминающем карнавал, царят дисгармония, асимметрия и случайность.

В таком глобализированном и цифровом мире процесс идентификации человека значительно усложнился. Люди, живущие в эту эпоху, отличаются гибкостью мышления, склонностью к иронии, изменчивости и неопределенности. Как говорил Ж. Бодрийяр, для такого человека реальность состоит не из настоящих вещей, а их их подобий — симулякров.

В такой культурной ситуации идентичность человека теряет определенность и приобретает множественный характер. Последнее обусловлено тем, что границы идентичности становятся более подвижными, ситуативными. Если раньше считалось, что человек проходит через определенные кризисы (Э. Эриксон), что позволяет ему обрести целостность личности, то сейчас эти кризисы стали атрибутом повседневной жизни современного человека, своего рода постоянным процессом поиска и переосмысления своего «Я». При этом стремительное развитие Интернета и социальных сетей только ускоряет этот процесс, предлагая человеку все новые и новые способы саморепрезентации.

Осмысляя возможности новых информационных технологий, Э. Гидденс указывал на то, что именно благодаря им мы получили возможность иметь не

---

²⁸³ Шалаев В. П., Емельянов Ф. Г. Игра в пространстве самоидентификации и идентичности человека в обществе постмодерна // Труды БГТУ. № 5. История, философия, филология. 2015. С. 121-125. С. 121-122.

одну , а множество идентичностей²⁸⁴. Сегодня виртуальная реальность позволяет человеку может «примерять» разные роли и образы в зависимости от того, что ему нужно в данный момент. Это создает новые смыслы и символы, посредством которых человек конструирует себя и окружающий мир.

Современные исследователи (Ш. Теркл ²⁸⁵ , М. Синнирелла ²⁸⁶ и др.) обращают внимание на то, что в условиях онлайн-общения идентичность человека становится менее устойчивой и более изменчивой. Авторы подчеркивают, что виртуальная идентичность часто плюралистична, анонимна и гипертекстуальна. Это открывает широкие возможности для создания разных «масок» и конструирования различных образов, отличающихся от нашей реальной личности. Более того, то, что раньше считалось глубоко личным и приватным, сегодня становится достоянием общности.

Таким образом, Интернет стер границы между частным и публичным, он открыл человеку возможность быть кем угодно. Если в прежней модели социальности мы были ограничены возрастом, национальностью, полом и пр., то в сети все это не является ограничением для конструирования новых образов.

Специалисты справедливо отмечают, что «виртуальная коммуникация в силу ряда объективных технологических особенностей (анонимность, дистантность, отсутствие маркеров телесности) создает для пользователя максимальную свободу в самоопределении и непосредственном самоконструировании»²⁸⁷.

Благодаря анонимности в сети Интернет мы получили следующие возможности:

- а) экспериментировать с идентичностью, с самопрезентацией;
- б) принадлежать к разным сообществам;

---

²⁸⁴ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2003. 525 с.

²⁸⁵ Теркл Ш. Живым голосом. Зачем в цифровую эру говорить и слушать. М.: АСТ, Corpus, 2021. 560 с.

²⁸⁶ Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology. 1998. N 28 (22). P. 227-248.

²⁸⁷ Щекотуров А. В. Конструирование виртуальной гендерной идентичности подростков на страницах социальной сети «ВКонтакте» // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 31-43. С. 31.

в) жить в нескольких мирах одновременно.

Иными словами, Интернет открыл дверь в мир, где человек может быть свободным в самовыражении. Сегодня виртуальные сети — это не просто пространство общения, а инструмент, который расширяет границы нашей реальной жизни. В онлайн-среде наша идентичность становится многогранной, сложной и даже «коллажной». Более того, она является результатом индивидуального выбора человека в конкретной ситуации.

Следует подчеркнуть, что онлайн-эксперименты не заменяют нашу реальную сущность, они лишь открывают возможность попробовать себя в различных ролях. Однако эти виртуальные перевоплощения могут оказывать значительное влияние на формирование идентичности человека в реальной жизни.

Еще в прошлом веке Э. Тоффлер предвидел эту потребность человека в переменах, которую можно реализовать посредством технологий²⁸⁸. Ученый говорил о желании человека отказаться от привычного образа жизни и обрести новую реальность, стать кем-то совершенно другим. Тем самым речь идет не столько о полной смене идентичности, сколько об активных играх и экспериментах с нею.

Как отмечают российские ученые, «постоянная текучесть и изменчивость процессов идентификации приводит к возможности игр с идентичностью, а бескрайнее коммуникационное пространство создает невиданные возможности для этого. В сеть начинают перемещаться не только образы, но и человеческие ценности и мотивации»²⁸⁹.

Представитель игровой концепции культуры Й. Хейзинга подчеркивал фундаментальную роль игры в жизни человека, начиная с раннего детства и на протяжении всего процесса социализации личности²⁹⁰. Игры с идентичностью не

---

²⁸⁸ Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ.; вступ. ст. П. Гуревича М.: АСТ, 1999. 784 с.

²⁸⁹ Лисенкова А. А. Игры с идентичностью как новая форма инкультурации // Человек. Культура. Образование. 2017. № 1 (23). С.114-121.

²⁹⁰ Хейзинга Й. Человек играющий = Homo ludens. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 409 с.

являются исключением, напротив, они становятся важным инструментом для становления личности, обогащая ее жизненный опыт и удовлетворяя стремление к самопознанию. Этот процесс сопровождает человека всю жизнь и играет ключевую роль в формировании его культурной идентичности.

Анализируя «игры с идентичностью», исследователи утверждают, что они не всегда обусловлены внешними факторами²⁹¹. Нередко они продиктованы внутренними потребностями и желаниями человека, связанными со следующими сценариями:

- а) поиск себя;
- б) протест;
- в) саморазвитие;
- г) развлечение;
- д) манипулирование.

Таким образом, развитие цифровых технологий способствует созданию альтернативных образов себя, человек стремится вырваться из рамок, навязанных ему социальными нормами. Он пытается расширить границы своей привычной жизни и выйти за пределы стандартных социальных ролей, в том числе и гендерных, которые ему диктует общество. По сути игра с виртуальными образами является способом освободиться от ограничений и найти более аутентичный способ самовыражения.

Рассматривая специфику «игры с гендером», ученые указывают на то, что данные игровые практики обусловлены процессом игроизации самого общества и культуры, а «Интернет технологии позволяют экспериментировать современнику в розыгрыше альтернативных взаимоотношений с противоположным полом.

---

²⁹¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 304 с.; Мид Д. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с.

Общение в виртуальном пространстве становится свободной игрой, где современник разыгрывает и предьявляет себя в более выгодном свете»²⁹².

Таким образом, можно констатировать, что в обществе постмодерна активно переосмысливается понятия пола и гендера. В современном мире культура пронизана игровым элементом, что ведет за собой размывание привычных представлений о маркерах мужской и женской идентичности. Сеть Интернет играет здесь особую роль, предлагая инструментарий для экспериментов с образами идентичности.

Виртуальный образ «Я» расширяет границы его личной и гендерной идентификации. В итоге, человек может видеть себя не только в рамках привычных бинарных категорий (мужчина /женщина), но и в более широком спектре возможностей.

Таким образом, можно заключить, что такие аксиологические установки общества постмодерна, как плюрализм, релятивизм, ценности либеральной идеологии, виртуализация и множественность идентичности, определили значительные трансформации в сфере гендерной идентичности. Последняя становится более гибкой, многогранной, текучей, ситуативной, множественной, меняющейся под влиянием огромного количества информации и появлением цифровых технологий, позволяющих ее произвольно конструировать.

Социальная неопределенность и нестабильность, установка на плюрализм, индивидуальное конструирование идентичностей в виртуальном пространстве, стирает прежние жесткие границы между мужчиной и женщиной. Культура постмодерна приветствует эту неопределенность и многообразие. Новая культурная реальность не стремится к строгим структурам, упорядоченности, напротив она поддерживает эту неопределенность, множественность, гибкость гендерной идентичности.

---

²⁹² Новикова О. Н. Игра как феномен гендерной идентификации // Философская мысль. 2019. № 3. С. 56-63. С. 61.

Сегодняшняя постчеловеческая онтология и аксиология раздвигают границы нашего понимания человека. Она предлагает сценарии, в которых его идентичность перестает быть чем-то статичным и единым. В будущем, возможно, человек сможет выйти за пределы своего биологического тела и обрести множество форм существования в новом цифровом мире.

Выводы по второй главе

В процессе анализа специфики общества постмодерна установлены факторы, оказывающие влияние на трансформацию гендерной идентичности. Исследование показало, что переход от индустриального к постиндустриальному посткапиталистическому укладу сопровождается сетевизацией экономики, автоматизацией производства и изменением характера занятости. Эти процессы напрямую отражаются на устойчивости традиционных гендерных идентичностей.

Глобальная экономическая и культурная интеграция сопровождается процессом вестеризации и культурной гибридизации, что подрывает традиционные нормативные системы гендерных ролей. Интернет и цифровые технологии, действуя по ризоматическому принципу, предоставляют человеку возможность конструировать множественные, ситуативные идентичности, включая гендерные, благодаря анонимности, дистантности и отсутствию жесткой привязки к телесности человека.

Ценностный плюрализм, релятивизм и либеральная идеология, возводящая свободу индивидуального выбора в абсолют, легитимируют множественность гендерных самоопределений. Благодаря тому, что либерализм прошел путь от эмансипации женщин до признания прав на гендерное самоопределение, сформировалась нормативная база, позволяющая отказаться от строгой бинарной гендерной системы.

Со своей стороны цифровые технологии открыли беспрецедентные возможности для так называемой «игры с идентичностью», что тоже привело к размыванию границ между мужским и женским, превратив гендер в поле

свободного конструирования. Виртуальное пространство позволяет пользователям экспериментировать с гендерными ролями, создавая множественные «проектные идентичности», выходя за пределы бинарных категорий. Игра становится принципом постмодернистской культуры, где симулякры разрушают прежние гендерные модели.

В результате совокупного действия экономических, технологических и аксиологических факторов гендерная идентичность в обществе постмодерна приобретает следующие характеристики: гибкость, текучесть, множественность, ситуативность и проектность. Традиционная бинарная оппозиция «мужчина - женщина» утрачивает универсальный характер, уступая место гендерной ризоме, в которой допускаются любые комбинации феминных и маскулинных качеств.

Таким образом, трансформация гендерной идентичности в обществе постмодерна отражает переход от жестких структур модерна к текучей, сетевой, игровой и виртуализированной реальности, где ключевыми ценностями становятся плюрализм, свобода выбора и индивидуальное конструирование «Я».

ГЛАВА 3. СПЕЦИФИКА И РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

3.1. Тенденции трансформации гендерной идентичности в условиях духовного кризиса общества постмодерна

В обществе постмодерна сложились условия для формирования новой гендерной культуры на Западе, которая представляет собой систему норм и моделей поведения, определяющих представления о гендерных ролях, гендерных отношениях и семейно-брачных установках. Очевидно, что социальные и культурные трансформации второй половины XX века привели к появлению нового взгляда на гендерные отношения и гендерную идентичность человека.

Мировоззрение, пришедшее на смену прежним представлениям о ценностной определенности, об устойчивости традиционных образов мужчины и женщины, характеризуется признанием разнообразия аксиологических установок. Вместо одной, единственно верной картины мира, мы видим множество социальных реальностей, формирующих свои ценностные предпочтения. Признание культурного плюрализма ведет к выработке толерантного отношения к нему и пониманию равноценности различных культур.

Исследователи, описывая общество постмодерна, подчеркивают его радикально плюралистичный характер²⁹³. Это означает, что для постмодерна высшей реальностью является не единство, а множественность, что выступает основанием для размывания идентичности человека. Причем последнее касается самых разных аспектов идентичности: культурной, этнической, национальной и, конечно, гендерной.

В научном дискурсе сложились следующие подходы в понимании специфики гендерной идентичности:

---

²⁹³ Гречко П. К. Идентичность – постмодернистская перспектива// Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С.171-190.

1. Гендер как социальный конструкт. Основой данного подхода является концепция социального конструирования реальности П. Бергера, Т. Лукмана²⁹⁴. Последняя позволяет рассматривать гендерную идентичность как результат социализации индивида в определенном социальном контексте. Осознание своей гендерной принадлежности осуществляется посредством культурных норм, господствующих в обществе, под которые человек адаптирует свое поведение, свой внешний вид, манеру общения и пр.

2. Гендер как стратификационная категория. Теоретические основания этого подхода были заложены Дж. Скотт²⁹⁵, Т. де Лауретис²⁹⁶. В данном подходе гендер рассматривается как элемент в системе социальной иерархии, который определяет положение человека в обществе, а соответственно, его социальные роли и формы поведения. Ученые отмечают, что «гендерная стратификация представляет собой процесс, посредством которого гендер становится основой социальной соподчиненности ...»²⁹⁷.

3. Гендер как культурная метафора. В этом подходе гендер выступает как культурный символ, активно влияющий на формирование гендерной картины мира. Сторонники данного подхода подчеркивают, что в пространстве культуры пол человека «становится культурной метафорой, которая включает совокупность образцов поведения, навыков, обычаев, весь фон социокультурных практик, где развиваются идеологии и ценности, воспринимаемые как должное, все возможные последующие гендерные вариации сравниваются и нормируются с закрепленным каноном»²⁹⁸. В этом смысле, подчеркивается, что гендерные роли и

---

²⁹⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

²⁹⁵ Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 405–436.

²⁹⁶ Де Лауретис Т. Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 23–47.

²⁹⁷ Иванова Ю. В. Историко-философский подход в изучении гендера как метафоры и социальной стратификации // Омский научный вестник. 2007. № 1 (51). С. 80–83. С. 80.

²⁹⁸ Акулич М. М., Левенских И. А. Гендерные роли в классических и постклассических социологических теориях // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4. С. 14–20. С.19.

нормы не имеют универсального содержания. Маркеры гендерной идентичности определяются культурными стандартами общества.

Специалисты указывают на то, что данные подходы позволяют рассматривать гендер как социокультурный конструкт, поскольку именно «созданная человеком культура, осуществляя производство гендера через властный аппарат, различные социальные институты, в частности, институт церкви, религии, определяет «норму» пола, два противоположных гендера»²⁹⁹.

В обществе постмодерна выделяется четыре пересекающихся уровня социального конструирования:

1) структурный уровень, в котором гендер конструируется как иерархическое социальное разделение, а гетеросексуальность институционализируется, например, браком, законом и государством;

2) уровень значения, охватывающий дискурсивное конструирование гендера и сексуальности, а также значения, обсуждаемые в повседневном социальном взаимодействии;

3) на уровне рутинных, повседневных социальных практик, посредством которых гендер и сексуальность постоянно формируются и воссоздаются в рамках локализованных контекстов и отношений;

4) на уровне субъективности, посредством которого мы испытываем желания и эмоции и осознаем себя как воплощенных гендерных и сексуальных существ³⁰⁰.

Однако в XXI веке сложилась новая гендерная культура, в которой бинарные категории «мужское / женское» утратили свое устойчивое значение и стали размытыми и подвижными. Такая ситуация обусловлена демократизацией социальных отношений, что проявляется в уравнивании прав женщин и мужчин в современном обществе.

---

²⁹⁹ Осмонова Д. А. Гендер как социокультурный конструкт // Вестник КНУ. 2015. № 1. С. 259-267. С.266.

³⁰⁰ Jackson, S. For a Sociological Feminism // For Sociology. Durham: Sociology Press, 2000. P. 91–106.

Трансформации эпохи постмодерна затрагивают и роль женщины в обществе. Традиционные женские социальные роли начинают утрачивать свою значимость: женщина становится более самостоятельной и уверенной, способной не только вести хозяйство и воспитывать детей, но и строить успешную карьеру. Женщина ценит себя и реалистично оценивает свои силы в условиях, где еще сильны традиционные представления о гендерных ролях. Женщины осваивают профессии, ранее считавшиеся исключительно мужскими, хотя для достижения равного положения им часто приходится прилагать больше усилий, чтобы добиться успеха³⁰¹.

Мужские роли также претерпевают трансформацию, осваивая сферы, которые ранее ассоциировались исключительно с женским трудом, например, манекенщик, стриптизер, медбрат, бортпроводник и т.п. То, что раньше считалось исключительно женским умением, теперь успешно демонстрируется мужчинами.

Следует отметить, что формирование новой гендерной культуры начинается на Западе в конце XX века. Особенностью этой культуры становится не только феминизация политико-правового дискурса (уравнивание женщин в правах с мужчинами), но и радикализация свободы, которая как утверждает Э. Мартин-Иогансон, проявляется и «в выборе своей сексуальной ориентации и даже половой идентичности»³⁰². Право на свободу самовыражения стало доминирующей ценностной ориентацией, формирующей культурный контекст современного западного общества.

В конце XX века на Западе начинает разрабатываться концепция гендерного мейнстрима, ориентированная на полное достижение равенства прав и возможностей мужчин и женщин, на устранение любых способов дискриминации в обществе. Как отмечают специалисты, «под новой гендерной стратегией, или

---

³⁰¹ Климова В. В. В поисках гендерной идентичности: век модерна и постмодерна // Альманах современной науки и образования. 2007. №. 7-2. С. 75-76.

³⁰² Мартин-Иогансон Э. Духовное вымирание в Европе. Идеология гендерного равенства // Свободная мысль. 2019. № 6 (1678). С. 35-48.

SOGI-стратегией понимается политика ЕС, направленная на правовое закрепление небинарного SOGI- подхода, в основании которого лежит утверждение, что гендерная идентичность может не совпадать с биологическим полом и, являясь социальным конструктом, определяется не данным от рождения полом, а сексуальной или гендерной идентичностью»³⁰³.

Можно сказать, что актуализация гендерной повестки в западном мире сопровождалась ее легализацией. Так в 1997 году Евросоюз в Амстердамском договоре закрепил гендерную идеологию в качестве своей официальной стратегии, которая отменяет традиционные представления о мужской и женской идентичности с целью достижения равенства полов. Этот договор заложил основы гендерного равноправия в сфере занятости, впервые включив в законодательство понятие дискриминация по сексуальной ориентации.

Хартия ЕС 2000 года также запретила такую дискриминацию, хотя в некоторых положениях, касающихся гендерного равноправия, по-прежнему использовалась традиционная терминология, апеллирующая бинарными категориями - «мужчина/женщина».

Дальнейшее утверждение гендерного равенства связано с принятием Директивы 2006 года и Лиссабонского договора 2007, которые тоже содержали несколько положений, направленных против дискриминации по половому признаку и сексуальной ориентации.

В 2010 году Совет Европы, приняв резолюцию о дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности³⁰⁴, призвал ЕС к активным действиям по ее реализации. Это включало в себя легализацию новой терминологии и борьбу с дискриминацией во всех сферах жизни. Европарламент, в свою очередь, обратился к Еврокомиссии с просьбой принять меры для

---

³⁰³ Устинкин С. В., Рудакова Е. К. SOGI-трансформация гендерной стратегии ЕС // Власть. 2025. №1. С. 239-246. С.239.

³⁰⁴ Discrimination on the basis of sexual orientation and gender identity: Resolution 1728 (2010). URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=17853&lang=en> (дата обращения: 15.03.2025).

обеспечения свободы собраний и выражения мнений для ЛГБТИ-людей³⁰⁵, а также для борьбы с преступлениями на почве ненависти. Это открыло путь к правовой защите однополых партнерств, гарантируя им равные права.

Европейский Союз активно продвигает права ЛГБТ-сообществ³⁰⁶, стремясь к созданию так называемого инклюзивного и равноправного общества. В 2020 году Европейская комиссия представила пятилетний план, направленный на борьбу с дискриминацией такого рода людей, а также на обеспечение признания однополых союзов во всех странах-членах ЕС.

К 2023 году защита прав представителей такого рода сообществ стала неотъемлемой частью политики ЕС, причем как внутри союза, так и за его пределами. Более того, продвижение принципов, связанных с сексуальной ориентацией и гендерной идентичностью (SOGI), стало одним из условий для стран, желающих присоединиться к Евросоюзу.

Таким образом, в современной Европе началась формироваться новый гендерный дискурс, который стал кардинально отходить от традиционного понимания гендерной идентичности, опирающегося на наличие двух биологических полов. Акцент начал смещаться преимущественно на сексуальную ориентацию в понимании гендерной идентичности. Европейская комиссия определила начавшиеся процессы пересмотра гендерной идентичности как гендерный мейнстриминг, представляющий собой «стратегию в достижении гендерного равенства»³⁰⁷. Для достижения этой цели, политический истеблишмент западного мира использует разнообразные методы, включая законодательные меры, политическое лоббирование, реализацию образовательных программ, а также формирование новых научных подходов, обосновывающих «правильность» новой гендерной картины мира.

---

³⁰⁵ Деятельность «Международного общественного движения ЛГБТ» запрещена в Российской Федерации.

³⁰⁶ Деятельность «Международного общественного движения ЛГБТ» запрещена в Российской Федерации.

³⁰⁷ Gender mainstreaming — https://ec.europa.eu/europeaid/sectors/human-rights-and-democratic-governance/gender-equality/gender-mainstreaming_en (дата обращения: 20.02.2025).

Во многих странах Европы «ценности» новой гендерной идеологии активно внедряются в систему воспитания детей. Это проявляется в требованиях относиться к детям как нейтральным в гендерном плане, пока они сами не достигнут возраста, когда смогут сделать свободный и самостоятельный выбор своей гендерной идентичности. Такого рода воспитательные практики широко распространены в Швеции, Англии, Германии. Тем самым в ряде европейских стран, именно государство берет на себя контроль за воспитанием детей, управляя процессом социализации в русле идеологических установок, господствующих в обществе.

Так в британских школах детям предлагают отказаться от традиционных гендерных обозначений, таких как «девочка» и «мальчик», с тем, чтобы избежать возможной дискриминации в отношении учеников, идентифицирующих себя как трансгендеров. Следовательно, детей подталкивают к тому, чтобы они пересмотрели устоявшиеся гендерные роли и отказались от бинарной модели гендерных представлений. Более того, продвигается идея о том, что трансгендерность является нормой, а гендерное разделение на «мужчин/женщин» – это стереотипы и пережитки прошлого.

В результате значительное количество молодых людей начинают идентифицировать в качестве трансгендеров, что нередко приводит к раннему использованию гормональной терапии и даже хирургическим вмешательствам, о которых впоследствии некоторые сожалеют и обращаются за профессиональной помощью.

Надо сказать, что такие деструктивные тенденции в области изменения гендерной идентичности, распространившиеся в странах Запада сопровождаются трансформациями в сфере языка. Например, из употребления исключаются «слова «отец», «мать», «сын», «дочь», «брат», «сестра», «дедушка», «бабушка», «теща», «тесть» и любые другие семейные термины. Их место занимают новые термины - «родитель», «родственник от одного родителя», «родители ребенка»,

«родитель супруга»³⁰⁸. Подобная лексика находит отражение и в официальных документах.

Такого рода политика государства демонтирует роль института семьи в воспитании детей, заменяя ценность семейных отношений идеей права на гендерное разнообразие. Анализируя последствия современной гендерной политики, исследователи отмечают, что одной из ее целей является уничтожение института семьи, поскольку именно в семье закладываются фундаментальные моральные нормы и мировоззренческие установки личности³⁰⁹.

Очевидно, что сегодня идет процесс разрушения традиционных ценностей, связанных с привычными представлениями о семье, образах и ролях мужчин и женщин, которые в свете пропагандируемой западом гендерной идеологии утрачивают свою значимость. Движение к равноправию привело к размыванию бинарной системы гендерных маркеров, что является следствием абсолютизации многообразия и плюрализма в обществе постмодерна.

Таким образом, новые тенденции в политике и в правовой системе Европы сформировали новый культурный контекст с новой гендерной идеологией, в которой бинарные категории «мужчина/женщина» объявляются анахронизмом. Ярким представителем данной позиции является Дж. Батлер, профессор Калифорнийского университета и Европейского университета междисциплинарных исследований в Швейцарии, которая утверждает, что понятие «биологического пола» – это своего рода выдумка, навязанная обществом, где господствует «гетеросексуальность».

В рамках новой гендерной идеологии, получившей распространение на Западе, пол человека предлагается рассматривать не как биологическую данность, а как комплекс социальных и культурных представлений. Согласно этой точки

---

³⁰⁸ Бешева М. С. Новые гендерные тренды в современном политическом процессе // Вестник государственного университета «Дубна». Сер. «Науки о человеке и обществе». 2021. № 4. С. 3-14. С. 11.

³⁰⁹ Мартин-Иогансон Э. Духовное вымирание в Европе. Идеология гендерного равенства // Свободная мысль. 2019. № 6 (1678). С. 35-48.

зрения, традиционное деление на мужское и женское является препятствием для личностного самоопределения человека в выборе его гендерной принадлежности.

Апеллируя к идеи равенства, сторонники такого подхода отрицают законы природы, отвергая наличие естественных различий между мужчинами и женщинами. Абсолютный произвол в выборе гендерной идентичности, включая и сексуальную ориентацию человека, считается вполне приемлемым.

Представляется, что новые «ценностные» ориентиры, которые предлагаются Западом, можно назвать «деконструкцией» традиционных представлений о гендерной идентичности. Кроме того, легализация и легитимация такого рода трансформаций в сфере гендера, открывает возможности к переосмыслению прежних социальных ролей и институтов — брака, семьи, культуры, религии.

Очевидно, что такая радикализация в понимании гендерной идентичности носит исключительно деструктивный характер. Однако, далеко не все понимают, что эти новый «ценности» — это деформированные результаты глобальной гендерной революции, ведущей к антропологической катастрофе.

Надо сказать, что антропологическая катастрофа — это реальность, несущая в себе множество вызовов, способных подрвать стабильность мира. Среди этих вызовов, особенно выделяется стремительно набирающая силу гендерная революция, охватившая США и Западную Европу. Ее масштабы и скорость распространения заставляют серьезно задуматься о том, каким будет будущее человечества.

Ученые справедливо указывают на то, что западный гендерный мейнстрим есть «агрессивная идеология, направленная против нравственных норм человечества и естественного принятия и уважения биологических характеристик, всех моральных и ценностных ориентаций, которые делают человека человеком.

По сути это целенаправленная политика вытравливания человеческого в человеке»³¹⁰.

Сложившаяся ситуация описывается современными учеными как проявление очередного духовного кризиса человечества.

Осмысление духовного кризиса западного мира начинается в первой половине XX века и связано с работами О. Шпенглера³¹¹, А. Тойнби³¹², Э. Фромма³¹³, Ж. Бодрийяра³¹⁴ и др.

Кризис западной культуры О. Шпенглер связывает с доминированием материальных ценностей над духовными исканиями человека. Ценности, некогда определявшие европейскую идентичность — искусство, философия, религия — постепенно утрачивают свое значение, уступая место прагматизму, накоплению богатств и удовлетворению сиюминутных потребностей. Вместо духовности, творческих устремлений, определяющих развитие культуры, приходит холодный расчет. Называя культуру Запада фаустовской культурой, мыслитель, указывает на ее экспансионистский характер, ее ориентированность на завоевание и подчинение. Причем эта экспансия проявляется как в экономике (капитализм), так и в политике (либерализм).

Известный историк А. Тойнби предложил свою теорию о жизненном цикле цивилизаций. По его мнению, каждая цивилизация проходит через пять неизбежных стадий: 1. зарождение, когда она появляется и формируется; 2. рост, когда она активно развивается и расширяется; 3. расцвет, период наивысшего могущества и достижений; 4. надлом, начало упадка и внутренних противоречий; 5. разложение, когда цивилизация постепенно угасает.

---

³¹⁰ Мартин-Иогансон Э. Духовное вымирание в Европе. Идеология гендерного равенства // Свободная мысль. 2019. № 6 (1678). С. 35-48. С. 37.

³¹¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.

³¹² Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис Пресс: Рольф, 2001. 637 с.

³¹³ Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.

³¹⁴ Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 268 с.

Среди множества факторов, ведущих к гибели цивилизаций, А. Тойнби особо выделил три, которые считал наиболее значимыми:

а) эгоизм правящей элиты: когда те, кто находится у власти, ставят свои личные интересы и выгоды выше интересов общества, что подрывает основы государства и ведет к его ослаблению;

б) консерватизм населения: чрезмерная приверженность традициям и нежелание принимать инновации;

в) лень населения, проявляющаяся в экономической пассивности, праздном образе жизни нежелание, что также способствует упадку

Совокупность этих факторов определяет медленное угасание цивилизации.

Аналогично О. Шпенглеру, А. Тойнби проводит четкую границу между понятиями «цивилизация» и «культура». Для него культура является глубоким и фундаментальным уровнем развития общества. Мыслитель описывает культуру как «душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации». Именно культура является живым, организующим началом, которое придает цивилизации истинный смысл и назначение. В сравнении с этой глубиной культуры, А. Тойнби считал экономические и политические достижения цивилизации поверхностными и искусственными конструкциями. Он связывал культуру с расцветом нравственности, а цивилизацию с ее упадком. По этому поводу ученый писал о том, что «мирское падение ныне живых цивилизаций должно судить с точки зрения тех условий, которые они сумели создать для жизни Души. А с этой точки зрения их вряд ли можно будет оценить достаточно высоко»³¹⁵. Фундаментом культуры, по мнению историка, является религия, которая включает в себе универсальные моральные нормы, ориентирующие человека на духовное самосовершенствование. Девальвация религиозных ценностей приводит общество к духовному кризису.

С точки зрения Э. Фромма, современный антропологический кризис обусловлен развитием массовой культуры, в которой человек унифицируется и и

---

³¹⁵ Тойнби А. Постижение истории. М.: Айрис Пресс: Рольф, 2001. С. 433.

превращается исключительно в потребителя. Такой человек не способен создавать высшие ценности и смыслы, он утрачивает потребность к творчеству. Анализируя идентичность человека, мыслитель отмечает, что она может как препятствовать реализации свободы человека, так и выступать духовной основой человеческой жизни.

В ходе технологического и экономического развития человечество сталкивается с неизбежным разрывом прежних социальных и культурных связей. В тоже время люди тяжело переносят потерю привычных духовных ориентиров, отрыв от корней, размывание культурной идентичности. В этой связи Э. Фромм подчеркивает, что «... идентичность с природой, племенем, религией дает индивиду ощущение уверенности. Он принадлежит к какой-то целостной структуре, он является частью этой структуры и занимает в ней определенное, бесспорное место»³¹⁶.

Экономическая, политическая и культурная демократизация общества определяет его индивидуализацию, которая, по мнению Э. Фромма, несет в себе две тенденции: с одной стороны, человек становится более свободным, перед ним открываются новые возможности, а с другой стороны, общество сильно атомизируется, нарастает одиночество, разрушаются прочные социальные связи, которые ранее давали человеку чувство безопасности и принадлежности.

Мыслитель полагает, что «каждый шаг по пути большей индивидуализации угрожает людям новыми опасностями. Первичные узы, уже разорванные, невозможны: человек не может вернуться в потерянный рай»³¹⁷. В этом проявляется современный антропологический кризис общества, связанный с тем, что человек и свободен, и несвободен одновременно.

Более того, ученый указывает на такую тенденцию, как «бегство от свободы», которое по сути есть уход человека от личной ответственности. Последнее нередко приводит к вовлечению в деструктивные сообщества,

---

³¹⁶ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. С. 50.

³¹⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. С. 50.

опирающееся на коллективную ответственность. Э.Фромм полагает, что одним из способов такого бегства является «автоматизирующий конформизм». Принятие последнего приводит к тому, что человек утрачивает свою индивидуальность, свою субъектность в качестве личности и принимает тот образ, который предлагается ему обществом. Иными словами, человек предпочитает «слиться с толпой», чтобы не нести бремя личной ответственности за происходящие в обществе процессы.

Ж. Бодрийяр связывает духовный кризис в культуре постмодерна с возникновением «общества потребления», в котором потребности людей формируются рекламой. Через постоянное внушение, что обладание вещами принесет счастье и удовлетворение, человек стремится к обладанию того, что ему на самом деле не надо. Описывая культурные тенденции постмодерна, французский мыслитель указывает на то, что важной чертой этой культуры является ее знаковый характер. Причем специфика последних заключается в том, что они несут в себе не смыслы, и информацию, которая управляет человеческими потребностями. В обществе потребления происходит утрата связи знаков с реальным миром, его событиями и явлениями.

Ж. Бодрийяр описывает эту ситуацию посредством понятия «симулякр», отражающим господство копий и подделок, у которых нет подлинного содержания. По сути современное общество, в котором человек интересен только в качестве потребителя, ведет к радикальной переоценки ценностей жизненных приоритетов человека, поскольку материальные интересы вытесняют духовные потребности людей.

Аналогичную позицию разделяют Ж. Делез и Ф. Гваттари³¹⁸, полагающие, что современный человек превратился в «машину желаний». Этот процесс обезличивания человека подпитывается массовым производством и потреблением, где предложение и спрос становятся все более

---

³¹⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

стандартизированными. Кроме того, мыслители обращают внимание на такую тревожную тенденцию, как дегуманизация человека. Последняя отражает утрату человеком способности к сопереживанию и духовному творчеству и распространение индивидуалистических и гедонистических установок в обществе. Именно последние начинают доминировать в ценностных приоритетах человека «общества потребления».

Анализируя духовную ситуацию XX века, Г. Маркузе указывает на нарастающую в обществе потребность в «одномерном человеке»³¹⁹. Такой человек характеризуется ослаблением способности к критическому осмыслению социальных процессов, потерей общих стремлений и идеалов, разрушением глубоких межличностных отношений, а также отсутствием внутреннего побуждения к творчеству и личностному росту. Мыслитель подчеркивает, что сложившаяся модель социума производит человека не как творца истории и культуры, а скорее как объект, который легко поддается манипулированию. Главная цель последнего заключается в вовлечении его в бесконечную гонку за материальными благами. По мнению философа, такой человек становится гедонистом, чьи желания и поступки сводятся к простому стремлению к удовольствиям и развлечениям.

В конце XX века В. Хесле видит духовный кризис современного общества в кризисе идентичности человека³²⁰. Последний обусловлен доминированием в мире неопределенности, нестабильности, непредсказуемости. В такой ситуации разрушается связь человека с традициями, со своими корнями, что делает его идентичность проблемой. Философ отмечает, что в современном обществе идут процессы «отрицания символов, распад коллективной памяти, представленной традициями, а также утратой веры в общее будущее»³²¹.

---

³¹⁹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация; Одномерный человек: Исследования идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.

³²⁰ Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. №10. С. 112–123.

³²¹ Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. №10. С.120.

Анализируя современные тенденции мирового развития, Э. Тоффлер подчеркивает, что на смену прежней пришла новая эпоха, в которой ценностью обладает не сама личность, сколько ее образ, ее имидж³²². Последние служат ориентирами, задающими определенные модели поведения, социальные роли и жизненные сценарии. Именно искусственно создаваемые образы позволяют человеку «примерять» на себя различные роли, что невозможно было делать в традиционном обществе. В сегодняшнем информационном обществе человек обретает полную свободу в выборе и смене, так называемых, «идентификационных масок». В такой ситуации возможность создавать и менять образы начинает преобладать над глубокими сущностными аспектами личности.

Таким образом, мыслители XX века глубоко понимали и описывали кризисные тенденции современного западного общества. По их мнению, ориентация человека на материальные ценности, рост эгоизма, индивидуализма и гедонизма, кризис индивидуальной и коллективной идентичности, свидетельствуют о духовной деградации культуры Запада, отсутствия в ней ценностных установок, которые ориентировали бы человека на духовное созидание.

Надо отметить, что, в свою очередь, российские ученые рассматривают появление новой гендерной идеологии исключительно как проявление духовного кризиса западной цивилизации. Данный аспект исследований представлен в работах Е. А. Агаповой³²³, А. С. Армен³²⁴, О. М. Шевченко³²⁵, О. Б. Максимовой³²⁶, Е. Н. Новоселовой³²⁷, А. Ф. Поломошнова³²⁸, С. Ф. Шатилова³²⁹ и др.

---

³²² Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

³²³ Агапова Е. А., Игошева М. А., Плотникова Т. В. Духовный кризис в условиях социальных трансформаций: динамика и основные тенденции // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 3. С. 50-59.

³²⁴ Армен А. С. Деконструкция гендерной идентичности и ее отражение в культурном пространстве постмодернистского общества // Культура и цивилизация. 2019. №1 (9). С. 54-60.

³²⁵ Шевченко О. М., Лугуценко Т. В. Динамика развития современного духовного кризиса в условиях трансформирующегося общества // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 2. С. 26–35.

³²⁶ Максимова О. Б. Гендерный вызов современности: в поисках адекватного ответа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2009. №2. С. 13-27.

Исследователи отмечают, что несмотря на технологический прогресс, человечество не становится гуманнее. Люди утратили способность к нравственному совершенствованию и созиданию, что привело их к духовному отчуждению. В результате появляется «одномерный человек», лишенный потребности в общении, поиске смысла жизни и творчестве³³⁰. Именно в ситуации духовного кризиса могла зародиться современная гендерная идеология, предлагающая отказаться от традиционной бинарной системы, ранее определяющей специфику гендерных отношений.

Ученые правомерно указывают на то, что «идеология, связанная с гендерными аспектами, продвигаемая либеральными элитами Запада, меняет здоровые представления человека о гендерно-половой принадлежности. Таким образом, суггестивная трансляция либеральной группировкой ценностей и их внедрение в сферу гендерно-половой идентичности демонстрирует глубину духовного кризиса, охватившего страны Запада»³³¹.

Известно, что в истории человечества, существовали небинарные представления о гендере. Однако, современное общество сталкивается с таким вызовом, который можно охарактеризовать как кризис гендерной идентичности. Трансформации, которые сегодня идут в сфере гендерной идентичности могут повлиять на саму природу человека, причем исключительно в негативном ключе.

На наш взгляд, гендерный кризис как отражение духовного кризиса западной цивилизации проявляется в следующих формах:

---

³²⁷ Новоселова Е. Н. Судьба традиционной семьи в эпоху прогрессирующего эгоизма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 106–123

³²⁸ Поломошнов А. Ф., Рыковская Л. А. Гендерный кризис в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12. С. 63–68.

³²⁹ Шатилов С.Ф., Морозов К. А. Идеология обмана: парадоксы гендерного мейнстриминга // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2023. №3(45). С. 88-93.

³³⁰ Лугуценко Т. В., Шевченко О. М. Динамика развития современного духовного кризиса в условиях трансформирующегося общества // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 2. С. 26–35.

³³¹ Агапова Е. А., Игошева М. А., Плотникова Т. В. Духовный кризис в условиях социальных трансформаций: динамика и основные тенденции // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 3. С. 55.

1) Современный феминизм в радикализованном виде. Исследователи указывают на то, что феминизм, зародившись как общественное движение, направленное на улучшение положения женщин в мире, изначально несло в себе гуманистический заряд ³³². Феминистское движение способствовало переосмыслению устоявшихся стереотипов относительно роли женщины в обществе. Однако на сегодняшний день, теоретические основания и практическая реализация феминистских подходов вызывает вопросы: вместо того, чтобы анализировать причины социального неравенства, современный феминизм увлечен схоластическими спорами о значении понятий «женщина» и «мужчина», что дает основание говорить о его оторванности от реальных проблем большинства женщин.

Кроме того, ученые обращают внимание на то, что «сейчас в феминизме теряется образ женщины-матери, жены, хранительницы семейного очага. Сегодня многие женщины взяли на себя роль мужчин – от одежды до манер поведения, жестов и даже выбора слов» ³³³. Это дает основание говорить не просто о разрушении привычных гендерных ролей, а их замена на деструктивные представления о гендерной идентичности.

2) Легитимация трансгендерности. В современном обществе наблюдаются явления, которые вызывают серьезные дискуссии и имеют социальные последствия. Речь идет о трансформации представлений о гендере, в которых присутствует ощущение несоответствие между биологическим полом и внутренним самоощущением. Данное несоответствие получило название трансгендерность. Трансгендер — это человек, чье самоощущение своего пола отличается от его биологической характеристике, данной от рождения.

До 90-х гг. XX в. подобные состояния рассматривались как отклонения от нормы и относились к сфере психиатрии. Однако, в 1992 году Всемирная

---

³³² Армен А. С. Феминизм как отражение противоречий современной цивилизации // Культура и цивилизация. 2021. №1 (13). С. 65-75.

³³³ Поломошнов А. Ф., Рыковская Л. А. Гендерный кризис в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12. С. 65.

организация здравоохранения приняла решение исключить трансгендерность из перечня психических заболеваний. Это решение открыло дорогу для появления идеи «третьего пола», что вошло в политическую практику ряда Западных стран. Ученые полагают, что сегодня явление «трансгендерности из психологической аномалии превратилось в ряде западных государств в социокультурный стандарт»³³⁴. В тоже время, в России подобные явления по-прежнему трактуются как патологии.

3) Установка на гендерную нейтральность. Наряду с этим, духовный кризис современного мира проявляется и в стремлении к гендерной нейтральности, которое находит отражение в культуре — от кинематографа и музыки до моды. Гендерная нейтральность представляет собой политику и практику ряда западных стран, направленные на исключение в языке и в деятельности социальных институтов предпочтений к определенным гендерам, чтобы исключить любого рода дискриминацию и неравные возможности. Но как отмечают специалисты, «на практике гендерная нейтральность в настоящее время выражается в институционализации однополых браков и усыновлении детей однополыми супругами, исключении из лексикона слов, указывающих на тот или иной гендер (например, вместо policeman и fireman police officer и firefighter), открытии гендерно нейтральных туалетных комнат, отмене гендерного деления в магазинах, ношении мужчинами женской одежды (юбок) и т. п.»³³⁵.

Надо сказать, что в российском обществе такого рода гендерные инновации, активно продвигаемые в странах Запада, воспринимаются критически. В частности, неприятие вызывают попытки заменить традиционные понятия «мама/папа» на «родитель 1» и «родитель 2», а также идеи о свободе выбора ребенком своего пола или возможность такого выбора родителем. Кроме того, вызывают вопросы представление однополым парам права на заключение брака и

---

³³⁴ Поломошнов А. Ф., Рыковская Л. А. Гендерный кризис в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12. С. 66.

³³⁵ Брушкова Л. А. Гендерная нейтральность как норма нового гендерного порядка: отношение россиян // Вестник РГГУ. Сер.: «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 383–392. С. 385.

усыновление детей. Очевидно, что большинством россиян такого рода процессы воспринимаются как чуждые традиционным ценностям, определяющим гендерные отношения в обществе.

4. Формирование доктрины трансгуманизма. Главной идеей трансгуманизма является трансформация человека с помощью передовых технологий. В рамках этой концепции традиционные биологические характеристики человека могут утратить свою значимость. В этой связи трансгуманисты видят будущее в появлении «постчеловека», чьи параметры будут определяться не биологией, а технологическим усовершенствованием. Последнее может включать в себя модификацию тела с помощью имплантов, отказ от традиционных форм воспроизводства потомства в пользу искусственных. Таким образом, трансгуманизм предлагает новые формы существования человека, где биологические аспекты могут перестать быть определяющими.

Трансгуманистический проект предполагает не просто улучшение существующих человеческих качеств, но радикальную трансформацию самого человека — переход к постчеловеческому состоянию. В этом контексте гендерная идентичность рассматривается не как фундаментальная характеристика человеческого существования, но как еще одно ограничение, которое может и должно быть преодолено.

Некоторые исследователи полагают, что центральной категорией, связывающей трансгуманизм и гендерную теорию, выступает концепция «морфологической свободы», отстаивающая право человека модифицировать свое тело по собственному усмотрению. Как формулирует Джеймс Хьюз, «освобождение либерального индивида от биологических ограничений является целью компании трансгуманизма за морфологическую свободу»³³⁶. С этой точки зрения, трансгендерные переходы и технологически опосредованные изменения

---

³³⁶ Hughes J. J. The Compatibility of Religious and Transhumanist Views of Metaphysics, Suffering, Virtue and Transcendence in an Enhanced Future // Essay, Transhumanism and Its Critics. 2011. URL: <https://metanexus.net/compatibility-religious-and-transhumanist-views-metaphysics-sufferingvirtue-and-transcendence/> дата обращения: 15.04.2025).

тела одновременно являются и девиациями, и реализацией права человека на самоопределение. По мнению Дж. Хьюза, технологическое преодоление гендерных ограничений открывает новые горизонты человеческой свободы.

Данную позицию разделяет американская исследовательница Донна Харауэй. В своей известной работе «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг.» утверждает, что киборг является постгендерным, пострасовым, постэтническим существом, в котором исчезают традиционные коннотации этих категорий³³⁷. В таком понимании, киборг - это центральная фигура новой онтологической парадигмы: природно-культурный гибрид, который на основе технологий разрушает привычное бинарное противопоставление природы и культуры, а также все властные и гендерные отношения.

Известный футуролог, приверженец идей трансгуманизма Р. Курцвейлл связывал будущее человека с цифровой трансформацией его гендерной идентичности³³⁸. Он полагает, что создание нейротехнологий и нанороботов позволит связать биологический мозг человека с искусственным интеллектом, что откроет поразительные возможности. В частности, ученый утверждает, что такое технологическое слияние позволит парам «обмениваться телами», чтобы испытать ощущения друг друга. В виртуальной реальности гендерная и телесная идентичность перестанет быть привязанной к физическому облику и появится возможность создавать улучшенные версии человека.

Рассматривая влияние технологий на гендерную идентичность человека, отечественные авторы полагают, что «постчеловеческая онтология предлагает сценарии, в которых идентичность может стать флюидной и множественной. Возможно, в будущем личность не будет привязана к одному биологическому

---

³³⁷ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / Под ред. К. Дипвелл, Л. Бредихиной. М.: Росспэн, 2005. С. 322–377.

³³⁸ Курцвейл Р. Люди смогут обмениваться телами и жить вечно. URL: <https://playboyrussia.com/chtivo/dzhozef-gordon-levitt-ya-dolgo-dumal-o-nedostatках-onanizma-7274/> (дата обращения: 15.04.2025).

телу, а сможет существовать в различных формах, в том числе и в сетевых или распределённых сознаниях»³³⁹.

Едва ли не все идеологи трансгуманизма указывают на его идейную связь с рационализмом эпохи Просвещения и классическим гуманизмом. Импортируя гуманистические ценности (рациональность, личную свободу и пр.), трансгуманизм видит свое отличие от традиционного гуманизма не в целях, а в средствах. По словам М. Мора, гуманизм ограничивается просветительскими и культурными механизмами совершенствования человека, тогда как трансгуманизм делает ставку на высокие технологии, позволяющие преодолеть биологические и генетические ограничения³⁴⁰.

Очевидно, что ценности трансгуманизма способны привести к утрате гендерной идентификации, что является крайне деструктивным для социума. Взаимосвязь гендерной идентичности и трансгуманизма представляет собой наиболее значимую проблему современной философии. Трансгуманизм предлагает радикальное переосмысление гендера как технологически преодолимого ограничения. Вместе с тем, реализация такого рода проетав в сфере гендера ведет к утрате биосоциальных оснований идентичности, а также к непредсказуемым последствиям для человечества.

Очевидно, что сегодня мы наблюдаем кризис идентичности, который подрывает самые фундаментальные аспекты нашей жизни, связанные с гендерной принадлежностью. Установки на трансформацию традиционных гендерных идентичностей, которые активно продвигаются западными либеральными кругами, меняют устоявшиеся представления о том, что значит быть мужчиной или женщиной. Легитимация и распространение новой гендерной культуры свидетельствует о глубоком духовном кризисе, который охватил западные страны.

---

³³⁹ Сметана В. В. Философские основания постчеловеческого существования // Международный научный журнал «Флагман науки». 2025. №7(30). С. 292-297. С. 293.

³⁴⁰ More M. Technological Self-Transformation: Expanding Personal Extropy // Extropy.1993. № 4 (2). P. 15-24. URL: <http://www.maxmore.com/selftrns.htm> (дата обращения: 11.05.2025).

Социальные и ценностные основания общества постмодерна призывает нас отказаться от прежних мировоззренческих установок, ориентирующих человека на порядок, логику, веру в истину, поиск смысла жизни и т. п. Вместо этого, эпоха постмодерна предлагает увидеть мир как нечто изменчивое, как индивидуально сконструированную реальность. Религиозные, политические, научные нормы — все это подвергается сомнению и развенчанию. Более того, сомнению подвергается традиционное понимание бинарности гендерной идентичности. Вместо этого гендер рассматривается как динамичный процесс, в котором идет переосмысление и трансформация гендерных ролей и отношений.

Таким образом, анализ деструктивных тенденций трансформации гендерной идентичности в культуре общества постмодерна позволяет утверждать, что они обусловлены духовным кризисом, который ведет мир к антропологической катастрофе. Последняя несет в себе множество угроз, среди которых особенно выделяется гендерная революция, которая активно набирает силу в США и Западной Европе. Ее масштабы заставляют всерьез задуматься о том, какое будущее ждет человечество.

3.2. Риски трансформации традиционной гендерной идентичности в обществе постмодерна

Трансформация гендерной идентичности в современном мире, с одной стороны, является закономерным отражением социальных и ценностных тенденций, доминирующих в обществе, но, с другой стороны, радикальные изменения в сфере гендерных отношений порождают серьезные риски, связанные с деконструкцией традиционной бинарной гендерной системой. Последнее оказывает деструктивное влияние на различные сферы жизни общества, поскольку идет процесс девальвации традиционных ценностей, разрушение института классической семьи, наблюдается кризис маскулинности и маскулинизация феминности, а также демографический спад. Более того, сегодня

активизируются эксперименты над собственной телесностью, в русле ее гендерной трансформации, что безусловно является разрушительным не только для здоровья, но и для природы человека в целом.

Деконструкция традиционной бинарной гендерной системы сопровождается девальвацией традиционных ценностей, которые ранее определяли идентичность и социальные роли мужчины и женщины в обществе.

Известно, что в традиционной культуре имело место четкое разделение обязанностей между мужчинами и женщинами, определявшее их место и функции в социуме, выполнение которых обеспечивало его устойчивое развитие и воспроизводство потомства. В этой модели мужчинам отводилась роль активного участника общественной жизни, основного добытчика, деятельность которого была направлена на обеспечение семьи. Роль женщины заключалась в организации быта, рождении и воспитании детей.

В настоящее время современное общество переживает период радикальной трансформации гендерных ролей и стереотипов. Представления о мужских и женских сферах деятельности существенно расходятся с традиционными представлениями о них. Женщины сегодня вытесняют мужчин из многих профессий, которые ранее считались исключительно мужскими. Хотя гендерные стереотипы еще сохраняются в общественном сознании, но тенденция к размыванию гендерных ролей очевидна.

В этой связи современные исследователи отмечают, что в условиях тотальной демократизации гендерной сферы сегодня наблюдается кризис маскулинности в обществе. Исследованию данной проблемы посвящены работы Г. Л. Билич³⁴¹, Е. А. Здравомысловой³⁴², С. А. Ильиных³⁴³, О. В. Кабайкиной³⁴⁴, М. П. Китаевой³⁴⁵, И. С. Кона³⁴⁶, А. А. Лунина³⁴⁷, Г. А. Новиковой³⁴⁸ и др.

---

³⁴¹ Билич Г. Л. Кризис маскулинности // Вестник Международной академии наук (русская секция). 2016. № 1 С. 30-34.

³⁴² Здравомыслова Е. А., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.

³⁴³ Ильиных С. А. Преобразование гендерной системы и новое трактование концептов маскулинности-феминности // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 55-66.

Ученые обращают внимание на значительные изменения в представлениях о том, каким должен быть «настоящий мужчина» или «настоящая женщина». Традиционно главенствующая роль мужчин в обществе постепенно уступает место новым реалиям, связанным с тем, что женщины все увереннее заявляют о себе в сферах, которые раньше считались сугубо мужскими — в экономике, политике, науке, спорте и других областях. Такое растущее влияние и активное участие в общественной жизни заставляют пересматривать устоявшиеся взгляды. Мужчинам приходится адаптироваться к этим переменам, менять свои представления о мире, о своем месте в нем, подстраиваясь под новые общественные отношения.

В этой связи ученые заговорили о кризисе маскулинности, который выражается в несоответствии реального положения мужчины в современном мире общественным ожиданиям.

Исследователи предлагают рассматривать маскулинность как «комплекс нормативных, характерологических, поведенческих и психологических черт и особенностей, а также социальных установок, которые традиционно приписываются и являются свойственными и присущими лишь мужчине. К таким чертам можно отнести силу, властность, авторитарность, жёсткость, мужество, умение быть ответственным, настойчивым, быть лидером и пр.»³⁴⁹.

---

³⁴⁴ Кабайкина О. В. Трансформация маскулинности в XXI веке: необратимое явление или закономерный процесс // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». 18-19 апреля 2018 г. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. С. 308-311.

³⁴⁵ Китаева М. П. Аномия и отчуждение современного человека в изменяющемся мире // Горизонты цивилизации. 2024. № 1(15). С.42–56.

³⁴⁶ Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.

³⁴⁷ Лунин А. А. Кризисы маскулинности и причины трансформации образа мужчины // Молодой ученый. 2016. № 12 (116). С. 772-776.

³⁴⁸ Новикова Г. А. Маскулинность в современном обществе европейской культуры: кризис или трансформация? // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-3. С. 56-58.

³⁴⁹ Лунин А. А. Кризисы маскулинности и причины трансформации образа мужчины // Молодой ученый. 2016. № 12 (116). С. 772.

Кризис маскулинности представляется как критический момент, когда гендерные идентичности фрагментируются из-за огромных социальных изменений³⁵⁰.

Очевидно, что современное общество предъявляет к мужчине определенные требования, соответствие которым формирует его гендерную идентичность. В этом смысле современным мужчинам приходится балансировать между тем, как их видят окружающие, и тем, кем они чувствуют себя на самом деле. Это несоответствие может вызывать внутреннее напряжение и переживания. Современный мужчина может испытывать такие состояния, как:

а) Чувство перегруженности обязательствами: когда от мужчины ожидают, что он будет идеальным во всех сферах жизни — и на работе добиваться успеха, и дома быть опорой семьи.

б) Трудности с выражением чувств: с детства многим внушают, что мужчина должен быть сильным и не показывать свои эмоции. В результате, подавленные переживания могут накапливаться и выливаться в раздражительность, агрессию или даже депрессивные состояния.

в) Ощущение собственной неполноценности: такое состояние обусловлено тем, что в сети Интернет демонстрируются идеализированные образы жизни и успеха, что может сильно порвать уверенность в себе.

Последнее нередко трансформируется в инфантилизм, который трактуется учеными, как «несамостоятельность, неумение принимать самостоятельные решения, отсутствие желания решать проблемы по-взрослому, отсутствие желания развиваться, отсутствие целей в жизни, эгоистичность и эгоцентричность, безответственность, склонность к зависимостям,

---

³⁵⁰ Соколовская М. Г. Маскулинность как социальный феномен: содержание и основные тенденции // Вестник Брестского университета. Сер. 1: Философия. Политология. Социология. 2021. № 1. С. 128–137.

неспособность к адаптации, отсутствие социального продвижения, приспособленец и иждивенец»³⁵¹.

Надо отметить, что кризис маскулинности в условиях трансформации гендерной идентичности, значительном усилении роли женщин в различных сферах жизни общества, проявляется в развитии социального инфантилизма у мужчин, что представляет собой серьезную социальную проблему. Социальный инфантилизм лишает человека возможности полноценно участвовать в общественной жизни, реализовываться в профессиональной деятельности, создавать и поддерживать семью и пр. Такие мужчины испытывают трудности с принятием решений, построением здоровых отношений и выполнением своих обязанностей. В итоге, это приводит к снижению качества жизни как самого человека, так и его близкого окружения. Более того, общество в целом несет бремя последствий такого поведения, поскольку вынуждено решать проблемы, вызванные незрелостью отдельных его членов.

Эксперты отмечают, что традиционное представление о мужчине как главе семьи и главном добытчике постепенно уходит в прошлое. У многих мужчин снизилась мотивация к продолжению рода и поддержанию семейных традиций, что приводит к развитию «кризиса отцовства»³⁵². Последний представляет собой комплекс социальных проблем, связанных с тем, что мужчины все больше отстраняются от активного участия в воспитании подрастающего поколения. Так столкнувшись с трудностями обеспечения семьи, мужчина теряет не только материальную стабильность, но и уважение близких, а также уверенность в себе. Это ведет к снижению его роли в воспитании детей в семье.

В настоящее время зарождается форма нового отцовства. Это дефункционализированное отцовство, при котором связь между гендерной

---

³⁵¹ Ручкин Б. А., Гришина Е. А., Серикова Н. А. Российская молодежь: десять главных проблем. М.: Изд-во Института молодежи «Социум», 1999. 89 с. С. 56.

³⁵² Борисенко Ю. В. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 122-130.

моделью для подражания и функционалистским взглядом на отцов и родительские обязанности размывается.

На протяжении веков образ мужчины был неразрывно связан с силой, стойкостью и мужественностью. Эти качества считались основополагающими для мужской идентичности. Однако во второй половине XX века эта устоявшаяся картина мира начала стремительно меняться. Сегодня мы наблюдаем явный кризис маскулинности, который оказывает глубокое влияние на положение мужчины в обществе. Парадоксально, но тот, кто когда-то считался «сильным полом», теперь сталкивается с новыми вызовами, которые ставят это под сомнение.

Как отмечают исследователи, «мужчина сегодня — слабый пол. Мужчины меньше живут, чаще болеют и умирают (по сравнению с женщинами)»³⁵³. Это тревожный сигнал, который заставляет задуматься о причинах такого положения дел.

Статистика показывает, что меняются не только представления о гендерных ролях, но и то, как сами мужчины воспринимают свою мужественность. Интересные данные привел Европейский социальный опрос: если в 2002 году почти половина мужчин (42%) считали себя «очень мужественными», то к 2017 году эта цифра снизилась до 33%³⁵⁴. Данная ситуация свидетельствует о постепенном отходе от прежних представлений о том, каким должен быть настоящий мужчина.

Социокультурные трансформации меняют критерии гендерной идентичности и, соответственно, представления людей о социальных ролях мужчин и женщин.

---

³⁵³ Билич Г. Л. Кризис маскулинности // Вестник Международной академии наук (русская секция). 2016. № 1 С. 33.

³⁵⁴ Новикова Г. А. Маскулинность в современном обществе европейской культуры: кризис или трансформация? // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-3. С. 57.

В научном дискурсе выделяются следующие факторы, влияющие на появление кризиса идентичности³⁵⁵:

1. Демонтаж прежних идеалов мужественности, где ценилась сила, самостоятельность, сдержанность в проявлении эмоций и т. п. Общество все больше стремится к равенству, что неизбежно ведет к переосмыслению устоявшихся гендерных стереотипов.

2. Социально-экономические трансформации, обусловленные увеличением роли женщин во многих сферах профессиональной деятельности. Значительный рост числа женщин на руководящих постах, высокий уровень их образования создают новую реальность, в которой мужчины, привыкшие к более выгодному положению на рынке труда, начинают испытывать серьезную конкуренцию.

Как утверждает С. Уайтхед, работа имеет экзистенциальное значение для человека, поскольку она «является чем-то большим, чем просто обеспечение некоторого материального или социального комфорта или возможность проявлять власть; это основной способ для зависимого и нестабильного в других отношениях субъекта обрести самоощущение, обрести почву под ногами и место в социальном мире»³⁵⁶. Работа предоставляет мужчинам возможность достичь определенной степени социальной устойчивости и безопасности.

Таким образом, кризис маскулинности в современном мире связан с тем, что традиционные взгляды на мужественность и доминирующая роль мужчин в обществе пересматриваются под влиянием социокультурных изменений и развитием феминистских установок.

Ряд авторов считает, что нынешний «кризис маскулинности» отражает социальные проблемы современного общества³⁵⁷. По мнению ученых, прежние представления о мужественности разрушаются из-за того, что современные

---

³⁵⁵ Новикова Г. А. Маскулинность в современном обществе европейской культуры: кризис или трансформация? // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-3. С. 58.

³⁵⁶ Whitehead S. Men and Masculinities: Key Themes and New Directions. Cambridge: Polity, 2002. 288 p. P. 124.

³⁵⁷ Здравомыслова Е. А., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.

мужчины сталкиваются с ограничениями в реализации своих традиционных ролей. Эти ограничения, обусловленные демократизацией общества и ценностями либеральной идеологии, затрудняют мужчинам в полной мере выполнять те функции, которые исторически считались мужскими. В этой связи исследователи выделяют следующие последствия этого кризиса:

— Экономические последствия, связанные с трудностями в обеспечении семьи, потерей рабочих мест, связанных с традиционно мужскими профессиями, и общим снижением экономического статуса мужчин.

— Социальные последствия проявляются в изменениях семейных отношений, в трудностях с самоидентификацией, в усилении агрессии и отчуждения.

Риски трансформации традиционных гендерных идентичностей обусловлены тенденцией маскулинизации женщины. Несмотря на очевидные успехи в переосмыслении роли женщин в современной культуре, процесс эмансипации далеко не однозначен, он противоречив, поскольку нередко борьба за абсолютное равенство полов доводится до абсурда.

Стремление женщин к равенству привело к тому, что они стали перенимать многие аспекты мужского образа жизни. Сначала женщины стали перенимать профессии и сферы деятельности, традиционно считавшиеся мужскими, затем это коснулось их внешнего вида (ношение одежды мужского стиля), а потом женщины переняли и вредные мужские привычки - «от табакокурения и употребления алкоголя до соблазнов «свободной любви»³⁵⁸.

Однако наиболее значительные изменения произошли на уровне ценностей. Традиционные женские качества, которые находили свое воплощение в семье, браке и материнстве, начали уступать место другим приоритетам. Сегодня мы наблюдаем, как в постмодернистской культуре исчезает суть истинно женского начала.

---

³⁵⁸ Богатова Л. М. Гендерное «дефиле» постмодерна // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т.158. С. 1136–1145. С.1139.

Как справедливо подчеркивает Л. М. Богатова, «диалектика социального раскрепощения женщины состоит в том, что её движение вперёд оборачивается приближением к концу, к некому трагическому финалу – исчезновению женщины как противоположности мужчине»³⁵⁹.

Современная женщина, добившаяся эмансипации, часто демонстрирует качества, которые мы привыкли ассоциировать с мужчинами: решительность, целеустремленность, финансовая независимость, сексуальная свобода, карьерный рост. Такого рода ориентации зачастую отодвигают на второй план ценность семейных отношений.

Очевидно, что такого рода трансформации влекут за собой серьезные риски для института традиционной семьи.

Различные аспекты проблемы кризиса традиционной семьи в современном мире исследуются в работах С. А. Булгаковой³⁶⁰, А. В. Вайсбург³⁶¹, А. В. Верещагиной³⁶², Е. Н. Новоселовой³⁶³, Е. В. Порохнюк³⁶⁴ и др.

Авторы указывают на кризисное состояние института традиционной семьи. Последний претерпевает значительные трансформации, связанные с тем, что ключевые функции семьи — социализирующая и воспитательная — становятся менее выраженными. Ослабление семейных уз обусловлено в том числе и трансформацией гендерной идентичности в мире, что может иметь далеко идущие последствия для общества.

---

³⁵⁹ Богатова Л. М. Гендерное «дефиле» постмодерна // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т.158. С. 1136–1145. С.1140.

³⁶⁰ Булгакова С. А. Кризис семьи и традиционных устоев в современном обществе // Инновационная наука. 2016. № 5-1 (17). С. 215-217.

³⁶¹ Вайсбург А. В. Тенденции упадка института семьи и семейных ценностей в современном российском обществе в представлениях молодёжи (на примере молодежи Конаковского района Тверской области) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 243–246.

³⁶² Верещагина А. В., Самыгин С. И. Кризис традиционной семьи и альтернативы развития института семьи в России: теоретический анализ с позиций синергетической парадигмы // Инженерный Вестник Дона. 2014. №3. С. 73-78.

³⁶³ Новоселова Е. Н. Судьба традиционной семьи в эпоху прогрессирующего эгоизма // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 106–123.

³⁶⁴ Порохнюк Е. В. Ведущие социальные факторы, оказывающие влияние на процесс трансформации традиционной модели семьи и брака: социологический аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 31–43.

Современные исследователи отмечают глубокие перемены в организации семейно-брачных союзов в западных странах³⁶⁵. Традиционный брак, который раньше был основным институтом, регулирующим сексуальные отношения, рождение детей и распределение ролей между мужчиной и женщиной, постепенно уступает место иным формам партнерства. Сегодня на Западе набирают популярность новые формы семейной жизни, такие как однополые союзы, гостевые браки, «шведские семьи» и др. Эти тенденции вызывают беспокойство у людей, разделяющих традиционные взгляды на институт семьи.

Отечественные ученые считают, что одной из главных причин «тотальной перестройки семейных ценностей и явствует собой смещение установок на индивидуальность и личностное удовлетворение потребностей в наслаждении и получении удовольствий с минимизацией, а по возможности и полным отсутствием семейных обязательств и ответственности»³⁶⁶.

В современном обществе наблюдается явная тенденция — человек не готов жертвовать личным комфортом, временем, удовольствиями ради семьи и рождения детей. Поэтому многие сегодня отказываются от брака и от деторождения.

Ученые отмечают, что разнообразие взглядов, ослабление моральных норм, размывание традиционных ролей мужчины и женщины, а также принятие обществом разнообразных форм сексуального поведения, оказывает существенное влияние на восприятие материнства и отцовства³⁶⁷. В результате семья утрачивает свою значимость для человека.

Анализируя сложившуюся ситуацию, специалисты указывают на то, что «дисфункция института семьи, проявляющаяся в изменении репродуктивных установок, распространении гомосексуальных отношений, вариабельности

---

³⁶⁵ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.

³⁶⁶ Вайсбург А. В. Тенденции упадка института семьи и семейных ценностей в современном российском обществе в представлениях молодёжи (на примере молодежи Конаковского района Тверской области) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 244.

³⁶⁷ Большунова Т. В. Феномен чайлдфри: макросоциологический анализ // Вестник университета. 2018. № 4. С. 145-149.

гендерной идентификации и прочих явлениях современного общества, является следствием коллективной аномии или «экзистенциального вакуума», возникшего при переходе к обществу постмодерна»³⁶⁸.

Действительно, в обществе, где ценится личный комфорт и индивидуальные предпочтения все большее признание получают различные формы совместного проживания — гражданский брак, гостевые отношения, однополые союзы и пр. В этой связи можно согласиться с тем, что «современный мир диктует такие правила, по которым институт брака постепенно становится формальным рудиментом»³⁶⁹.

Понимание этого заставляет государства озаботиться проблемой сохранения и трансляции традиционных ценностей. Так, в России Указом Президента РФ были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³⁷⁰, в которых была отмечена ценность крепкой семьи.

Также 5 сентября 2025 года на прошедшем в Бразилии форуме «Духовный Шелковый путь: роль духовно-нравственных ценностей в сближении народов и континентов» представители религиозных общин стран БРИКС выразили глубокую обеспокоенность по поводу кризиса института семьи. По мнению участников, это явление представляет собой серьезную угрозу для будущего человечества. Глава Духовного управления мусульман России, муфтий Равиль Гайнутдин подчеркнул, что одной из первостепенных задач для духовных лидеров является активное продвижение и защита традиционных семейных ценностей³⁷¹.

---

³⁶⁸ Большунова Т. В. Феномен чайлдфри: макросоциологический анализ // Вестник университета. 2018. № 4. С. 146.

³⁶⁹ Новоселова Е. Н. Судьба традиционной семьи в эпоху прогрессирующего эгоизма // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2013. № 2. С.106-123. С. 120.

³⁷⁰ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 15.07.2025).

³⁷¹ Духовные лидеры БРИКС назвали разрушение института семьи катастрофой. URL: <https://ria.ru/20250905/lidery-2039940345.html> (дата обращения: 06.09.2025).

Наряду с кризисом маскулинности и девальвацией института традиционной семьи, процесс трансформации традиционной гендерной идентичности несет угрозы демографической безопасности общества.

Ученые отмечают, что демографическая ситуация в России и на Западе является одной из наиболее серьезных проблем в области социально-экономического развития государств. По прогнозам, к 2030 году естественная убыль населения РФ может достичь 11 миллионов человек³⁷². Если такая тенденция сохранится еще на протяжении двух десятилетий, это приведет к серьезным и необратимым изменениям в демографической структуре.

Масштабный демографический кризис охватил и Западную Европу. Развитые страны сталкиваются с серьезными вызовами, связанными с сокращением коренного населения, что вынуждает их открывать границы для инокультурной миграции. Очевидно, что тенденция депопуляции в странах Запада только нарастает. Большинство государств Европейского Союза признают наличие проблем, связанных с низкой рождаемостью, старением населения и другими демографическими угрозами.

В связи с этим вопрос обеспечения демографической безопасности становится особенно актуальным.

Надо отметить, что понятие «демографическая безопасность» не имеет единой трактовки, что затрудняет его применение. Так в зарубежной литературе встречаются такие понятия, как демографическая стабильность, демографический переход, демографическое регулирование и т. п.

Российские ученые рассматривают демографическую безопасность как ключевой аспект национальной и экономической безопасности государства. По мнению Я. В. Шабанова, «демографическая безопасность представляет собой защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления

---

³⁷² Демография 2030. Как обеспечить устойчивый рост населения Российской Федерации / Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. URL: <http://www.inoe.org/upload/otchet/demografiya-2030.pdf> (дата обращения: 21.05.2025).

поколений людей»³⁷³. Речь идет о том, чтобы население стабильно воспроизводилось для обеспечения будущего страны. Демографическая безопасность общества позволяет поддерживать экономику, обороноспособность и социальную стабильность государства.

История учит, что даже самые могущественные цивилизации могут исчезнуть в силу демографических проблем. Примером является Римская империя, которая в силу внутренних проблем, связанных с утратой моральных ориентиров, обесцениванием семейных отношений, нежеланием иметь детей и заниматься их воспитанием, приоритетом материальных ценностей, ростом эгоизма и гедонизма в обществе, не смогла противостоять внешним угрозам, что стало причиной ее падения.

Сегодня мы наблюдаем аналогичные тенденции: западная цивилизация, наследница римских традиций, сталкивается с вызовами, которые привели к закату Рима. Человечество оказалось в критической ситуации, связанной с тем, что современные демографические тенденции могут иметь необратимые последствия.

Ряд исследователей полагают, что определенные силы на Западе активно продвигают новую гендерную политику, легализующую однополые отношения, в целях решения проблемы перенаселения планеты³⁷⁴. Известно, что основной прирост численности людей приходится на бедные регионы, где проживает большая часть человечества. Это, в свою очередь, порождает серьезные проблемы: нехватка продовольствия, обострение экологических проблем. Стремительный рост населения оказывает негативное влияние на окружающую среду.

В этой связи ученые указывают на то, что «западные политики продвигают деструктивную гендерную политику в целях решения глобальной

---

³⁷³ Шабанов Я. В. Демографическая ситуация и демографическая политика в постсоветской России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 2. С. 161-164.

³⁷⁴ Поломошнов А. Ф., Рыковская Л. А. Гендерный кризис в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12. С. 63–68.

демографической проблемы. Сущность этой политики состоит во внедрении в массовое сознание и семейное законодательство норм гендерной свободы, легализации и пропаганде всевозможных деформаций и отклонений от традиционной гендерной идентичности и традиционных стандартов семейно-брачных и сексуальных отношений»³⁷⁵. По мнению исследователей, новая гендерная идеология и политика, проводимая на Западе, означает отказ от моральных норм, которые определяют гендерные отношения в обществе.

Сегодня «гендерная идентичность» стала «политическим полем боя», где сталкиваются концепции прав человека, демографический прагматизм, геополитические амбиции и моральные консервативные установки. Очевидно, что дальнейшие ее трансформации будут зависеть не от биологии или психологии, а от того, какая политическая сила окажется у власти и какую гендерную политику она будет проводить.

На первый взгляд, гендерная идентичность - глубоко личное, интимное переживание. Однако в XXI веке она оказалась в эпицентре глобальной геополитической борьбы: то, как человек определяет себя (мужчина, женщина, небинарная личность), сегодня зависит не только от его внутренних убеждений, но и от того на какой территории он родился, кто финансирует местные НКО и с каким блоком государств его страна поддерживает союзнические отношения. В условиях современного геополитического противоборства, обострения конкуренции государств за влияние в мире, гендерная идентичность стала инструментом продвижения интересов различных геополитических акторов.

Таким образом, именно геополитика сегодня определяет экспорт и импорт гендерной идентичности. В последние десятилетия гендерная повестка активно перемещается через границы вместе с грантами, дипломатическими миссиями и культурным влиянием Запада на другие регионы. Требования признавать

---

³⁷⁵ Поломошнов А. Ф., Рыковская Л. А. Гендерный кризис в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12. С.66.

гендерное самоопределение включается в условия получения торговых преференций или безвизового режима.

Следует отметить, что в настоящее время политические факторы трансформации гендерной идентичности действуют разнонаправленно:

— В либеральных обществах политика дерегулирует гендерную идентичность, превращая ее в частный выбор, защищенный законом;

— В консервативных и авторитарных политических системах государство жёстко закрепляет бинарную модель как основу национальной безопасности и сохранения культурного кода.

Сегодня мы наблюдаем активное сопротивление гендерному мейнстриму Запада со стороны традиционных культур. Многие государства, в том числе и Россия, ужесточают анти-гендерные законы. В 2020-х годах Россия при поддержке Венгрии, Китая и ряда стран Африки инициирует резолюцию в ООН о защите «традиционной семьи». Это прямой геополитический вызов западной политике гендерного самоопределения.

Более того, в 2022 году позиция России относительно гендерных отношений была обозначена в Указе Президента РФ В. В. Путина « Об утверждении Основ государственной политики в сфере духовно-нравственных ценностей»³⁷⁶, который закрепляет систему российских традиционных ценностей.

Что касается Китая, то до 2010 - х годов он был нейтрален, но с обострением отношений с США Пекин все чаще поддерживает консервативные гендерные резолюции (в частности против признания «третьего пола»), стремясь создать антизападную коалицию по данному вопросу. В тоже время КНР не стремится законодательно запрещать смену пола для взрослых (через суды), но внутри страны жестко подавляет любую публичную транс-активность.

Страны Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ) демонстрируют двойной подход: для западных инвесторов и туристов они ослабляют гендерный

---

³⁷⁶Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 15. 03. 2026).

контроль, но для своих граждан любая трансформация юридической идентичности (смена пола в паспорте) невозможна. Кроме того, эти страны активно финансируют консервативные исламские НКО в Европе, которые противодействуют трансгендерному законодательству.

Таким образом, можно заключить, что сегодня мир разделен на два геополитического лагеря, где отношение к гендерной идентичности служит маркером принадлежности:

— Атлантическая модель (ЕС, США, Канада, Великобритания), государства которой признают множественность гендеров как атрибут «демократической идентичности». Страны этого блока используют гендерную повестку как инструмент «мягкой силы»: поддержка трансгендерных сообществ в странах Восточной Европы или Африки позиционируется как их демократическая модернизация и защита прав человека.

— Евразийская / консервативная модель (Россия, Беларусь, Китай, Венгрия, Иран и др.). Здесь государства ориентированы на сохранение традиционных ценностей, которые выступают основой духовной безопасности общества и укрепления национального суверенитета.

Таким образом, геополитика превратила гендерную идентичность из области приватного выбора в разменную монету большой игры. Либеральные державы продвигают мультигендерность как универсальную ценность (часто - инструментально, в ущерб локальным культурным нормам). А их геополитические противники напротив отстаивают традиционную бинарную модель гендера.

Социокультурные реалии общества постмодерна, связанные с радикальные изменения в области традиционной гендерной идентичности, запускают процесс манипуляций с телесностью человека.

Сегодня такие практики, как фитнес и бодибилдинг переживают настоящий бум. Мужчины и женщины стремятся довести свое тело до физического совершенства, что с одной стороны, может свидетельствовать о растущей заботе

людей о своем здоровье. Однако, если присмотреться, то интенсивные тренировки и даже пластические операции зачастую не столько улучшают самочувствие, сколько создают некий «искусственный» образ, своего рода симулякр, далекий от естественного здоровья человека.

Специалисты утверждают, что «телесный симулякр представляет собой мнимую сущность, не находящую применения по своему прямому назначению в реальности. Накаченные мышцы не для силы, женская грудь из силикона не для кормления ребенка. Это некие фантомы телесности, которые играют роль внешних атрибутов в демаркации всё ещё сохраняющихся гендерных различий»³⁷⁷.

В обществе постмодерна искусственная трансформация телесности все активней превращается в неотъемлемую часть успешного позиционирования личности в обществе.

В настоящее время Россия переживает настоящий расцвет пластической хирургии. Если раньше информация об обращении к таким операциям носила закрытый характер, то сегодня это придается широкой огласке. Кроме того, различные пластические операции уже не являются эксклюзивной услугой для избранных. В прошлом веке к хирургам обращались чаще всего по необходимости: исправить последствия травм, врожденные дефекты и т. п. Сейчас же люди обращаются, чтобы выглядеть моложе, скорректировать черты по своему вкусу, стремятся приблизиться к идеалу красоты, который диктует современная культура.

Пластическая хирургия становится своего рода показателем статуса, доступным для широкого круга людей, независимо от возраста, пола, социального положения или уровня дохода.

Более того, сегодня нарастает тенденция хирургической коррекции пола. Если ранее такого рода операции требовали серьезного медико-психологического

---

³⁷⁷ Богатова Л. М. Гендерное «дефиле» постмодерна // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т.158. С. 1142-1143.

обоснования, то в настоящие годы на Западе смена пола была объявлена выбором самого человека.

Либерализация в сфере гендерной идентичности привела к изменению в законодательстве ряда стран. Так в Дании, чтобы изменить пол, необходимо достичь совершеннолетия (18 лет). В Норвегии принят закон, позволяющий детям менять пол уже с шести лет, причем без согласия родителей. Более того государство берет на себя финансовую сторону вопроса, предоставляя гормональные препараты бесплатно. Однако для получения этой помощи необходимо медицинское заключение.

Надо сказать, что в последние годы даже на Западе тема смены пола у несовершеннолетних вызывает все больше споров. Врачи подчеркивают, что за желанием сменить пол у детей часто скрываются психологические проблемы, требующие квалифицированной помощи. Кроме того, многие несовершеннолетние не до конца осознают все последствия медицинских процедур, связанных с манипуляциями половой принадлежности. Это качается как физических изменений, так и долгосрочного влияния на здоровье и качество жизни человека.

В современном мире человеческое тело перестало быть биологической данностью, оно превратилось в объект прибыльного бизнеса. Вокруг практик трансформации тела, его улучшения и соответствия определенным стандартам выросла целая индустрия, которая процветает и продолжает активно развиваться. Эта индустрия охватывает широкий спектр услуг и специалистов (косметологов, визажистов, стилистов и пр.), каждый из которых вносит свой вклад в «создание» тела, соответствующего актуальным трендам красоты.

Как отмечают исследователи «сегодня красота все чаще оказывается искусственной, создаваемой посредством различных медицинских услуг»³⁷⁸.

---

³⁷⁸ Яковлева Е. Д. Осмысляя современные трансформации: гламурное тело // Бюллетень науки и практики. 2017. № 1 (14). С. 222-228. С. 225.

В настоящее время современные технологические возможности и ценностные установки общества потребления превращают тело человека в товар. На «рынке человеческого тела» продается все: клетки, органы, гены, эмбрионы и пр.

Очевидно, что перед человеком открылись колоссальные возможности для «переделывания» своего тела, но такая ситуация порождает новые этические вопросы: что теперь с этим делать? В такой ситуации человек рискует стать лишь набором «запчастей», что вызывает беспокойство относительно нашего будущего.

Общество постмодерна, в котором тело выступает в качестве товара и объекта искусственной трансформации, порождает тенденцию дегуманизации человека. Последняя, по мнению ученых, проявляется в следующем в смещении фокуса внимания современного человека с духовных смыслов на материальные блага³⁷⁹. В результате мы наблюдаем выраженную ориентацию на потребление, где обладание вещами и стремление к комфорту становятся приоритетом.

На этом фоне, достижения современной медицины открывают поистине удивительные возможности для изменения внешности, пола и других физических характеристик. От пластической хирургии до генной инженерии, наука предоставляет инструменты для трансформации тела, которые еще недавно казались фантастикой. Новые технологические достижения в области искусственной трансформации тела создают условия для реализации экспериментов с собственной телесностью.

Анализируя сегодняшние эксперименты с телесностью, ученые отмечают, что «... изменяя тело, личность не корректирует себя духовно либо пытается заменить духовные практики разного рода симулякрами в виде поверхностных

---

³⁷⁹ Власова Е. В., Браславец Е. В. Трансформация тела как ценность // Системная интеграция в здравоохранении. 2020. № 1 (47). С. 30-35. С. 30-31.

занятий эзотерикой, религией, йогой, посещением модных мест, коллекционированием и пр.»³⁸⁰.

Очевидно, что манипуляции с собственным телом обусловлены не только установками общества потребления и технологическими инновациями, но и ценностями общества постмодерна, разрушающими прежние традиционные гендерные идентичности.

В эпоху технологического прогресса человек сталкивается с неожиданными последствиями: с одной стороны, технологии открывают новые перспективы для развития человечества, а с другой стороны, происходит незаметная трансформация, в результате которой естественная биологическая природа человека уступает место его искусственной копии. Появление новой техногенной цивилизации характеризуется стиранием граней между органическим и технологическим.

Как отмечает В. А. Кутырев, великая технологическая революция, подобно неуправляемому потоку, захватила нас, изменив не только нашу повседневность, но и саму нашу природу. Люди, оказались в плену современных творений, и этот плен породил мир, который несоразмерен нашим изначальным биологическим потребностям³⁸¹. Он пишет, что «именно такое будущее обещает нам эпоха постмодерна, превращая индивидов в нечто бес/пост-человеческое, бестелесное, бесчувственное, да, пожалуй, и без(с)мысленное...»³⁸².

В. А. Кутырев утверждает, что мы движемся к эпохе, где человеческое существование в его традиционном понимании уступает место «постчеловеческой реальности». В последней все меньше остается пространства, когда человек может проявить себя как единое целое — тело и дух, что свидетельствует об упадке гуманистических ценностей.

---

³⁸⁰ Яковлева Е.Д. Осмысляя современные трансформации: гламурное тело // Бюллетень науки и практики. 2017. № 1 (14). С. 222-228. С. 227.

³⁸¹ Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.

³⁸² Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. С. 6.

Подводя итог исследования рисков трансформации традиционной гендерной идентичности в обществе постмодерна можно сделать вывод о том, что распространение новой гендерной идеологии, связанной с легитимацией свободы в сфере гендерной принадлежности несет разрушительные последствия для личности и общества, поскольку они могут закончиться депопуляцией населения.

Современное общество, особенно в его постмодернистском проявлении, переживает глубокие изменения, которые затрагивают основы гендерных отношений в обществе и даже саму природу человека. В новой реальности, обусловленной ценностями постмодернистской культуры, идет процесс переосмысления традиционных институтов, которые обеспечивали устойчивое развитие и воспроизводство общества. Эти новые установки определяют процесс трансформации гендерной идентичности, который, с одной стороны, отражает общие культурные сдвиги, связанные с демократизацией общества, а с другой стороны, несет в себе риски, проявляющиеся в кризисе маскулинности, маскулизации женщины, в девальвации института традиционной семьи, в усугублении демографических проблем, в легализации экспериментов с телесностью, направленных в том числе и на изменение биологического пола человека.

Таким образом, специфика общества постмодерна привела к фундаментальным сдвигам, связанным с разрушением биологической природы человека, что определило появление деструктивных тенденций в сфере гендерной идентичности.

Выводы по третьей главе

Анализ тенденций трансформации гендерной идентичности в обществе постмодерна позволяет заключить, что разрушение традиционных ценностных ориентиров, девальвация религиозных и моральных норм, атомизация общества и доминирование гедонистических установок свидетельствует о глубоком

духовном кризисе западной цивилизации. Последний проявляется в следующих деструктивных формах, связанных с пересмотром бинарной гендерной системы: радикализация феминизма; легализация трансгендерности; насаждение гендерной нейтральности; формировании доктрины трансгуманизма (постгендерный киборг как новая форма жизни). Все это ведет к антропологической катастрофе.

В работе показано, что под влиянием эмансипации, роста конкуренции со стороны женщин и изменения социальных ожиданий традиционные качества мужчины (сила, властность, ответственность) девальвируются. Мужчины испытывают чувство перегруженности, трудности с выражением эмоций, социальный инфантилизм, «кризис отцовства». Эти процессы свидетельствуют о кризисе маскулинности в обществе.

Обратной стороной трансформации гендерной идентичности в обществе постмодерна выступает маскулинизация женщины. Достижение формального равенства сопровождается перениманием женщинами мужских моделей поведения, одежды, вредных привычек, а главное - ценностных приоритетов (карьера, финансовая независимость и пр.).

Такого рода трансформации влекут за собой серьезные риски, связанные с кризисом традиционной семьи, демографическими проблемами общества.

Кроме того, серьезным риском становится использование гендерной идентичности в геополитических процессах современного мира. В настоящее время гендерная идентичность стала ареной идеологического противоборства различных геополитических субъектов, расколов мир на два лагеря. Атлантическая модель (США, ЕС, Канада) продвигает мультигендерность как универсальную ценность и инструмент «мягкой силы». Евразийская (консервативная) модель (Россия, Китай, Венгрия, Иран) отстаивает традиционную бинарность как основу национальной безопасности и духовного суверенитета государства.

В обществе постмодерна тело человека перестало быть биологической данностью и превратилось в объект рыночных манипуляций, включая хирургическую коррекцию пола. Пластическая хирургия, фитнес-индустрия, гормональная терапия превращают тело в «симулякр». Эти практики, легитимированные новой гендерной идеологией, несут необратимые последствия для физического и психического здоровья человека.

Трансформация гендерной идентичности в обществе постмодерна является многомерным процессом, в котором конструктивные тенденции (равенство прав, свобода самореализации) переплетаются с деструктивными (утрата бинарных оснований гендерной идентичности, девальвация духовно-нравственных ценностей, кризис традиционной семьи, демографический спад, манипуляции с телесностью). Легитимация и распространение новой гендерной культуры свидетельствует о глубоком духовном кризисе западной цивилизации, который несет угрозу самому существованию человечества как биосоциального вида. Противодействие этим рискам требует выработки государственной политики, опирающейся на традиционные ценности, научную объективность и уважение к природе человека.

Таким образом, трансформация гендерной идентичности в обществе постмодерна, будучи порождением либеральной идеологии и духовного кризиса западной цивилизации влечет за собой серьёзные риски: кризис маскулинности, маскулинизацию женщин, девальвацию традиционной семьи, демографический спад, геополитическую поляризацию и техногенную дегуманизацию. Данные тенденции требуют выработки государственной политики по защите традиционных ценностей и биосоциальной природы человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Философский анализ проблемы онтологических и ценностных оснований трансформации гендерной идентичности в культуре общества постмодерна позволяет сделать следующие выводы.

Современная культура, опирающаяся на постмодернистские ценности, определяет процесс трансформации гендерной идентичности в обществе. Наблюдается существенное переосмысление традиционной бинарной системы гендера. Границы гендерной идентичности, которые раньше казались незыблемыми, теперь размываются. Эта трансформация настолько глубока, что само представление о двух полах как единственно возможных категориях начинает рушиться.

Столь существенные изменения в области изменения гендерной идентичности обусловлены онтологическими и ценностными основаниями культуры постмодерна.

Основными факторами, определившими онтологические принципы нового мироустройства являются экономические и технологические тенденции развития общества. К экономическим факторам можно отнести развитие позднего капитализма (посткапитализм), определившего ценностные ориентации общества постмодерна. В новой экономической модели ключевым ресурсом выступает не производство, а информация, развивается сфера услуг, ценится креативность идей. Эти процессы способствуют распространению модели «общества потребления», в котором идентичность человека определяется тем, что он потребляет. Современный человек формирует свое «Я» через то, что покупает, какие бренды выбирает, какие впечатления получает. Это создает иллюзию свободного выбора.

Развитие информационных технологий создает условия для процесса глобализации, который делает мир взаимосвязанным. При этом глобализация охватывает не только сферу экономики, но и сферу культуры. Новые

информационно-коммуникационные технологии активно используются для распространения ценностей западной цивилизации, воплощенных в идеологии либерализма.

Эти изменения затрагивают сферу гендерной идентичности. Раньше представления о том, что значит быть мужчиной или женщиной были вполне определенными, связанными с их традиционными социальными ролями, биологическими функциями и общественными ожиданиями. Однако в новой постмодернистской реальности главными принципами выступают:

- а) гибкость и многообразие;
- б) влияние медиа-технологий;
- в) самовыражение через потребление;
- г) размывание идентификационных границ.

В мире, где традиционные устои размываются, а культурные нормы становятся все более плюралистичными наблюдаются значительные перемены в понимании гендера и сексуальности. Это проявляется в том, что общество становится более открытым к принятию разнообразных форм самовыражения.

Ключевым фактором, определившим вектор аксиологических установок общества постмодерна, выступает либеральная идеология, которая определила развитие и специфику евро-атлантической цивилизации. Именно идеология либерализма, с момента своего зарождения и до наших дней, оказала колоссальное влияние на эволюцию культурных установок западного мира. По сути, либерализм стал фундаментом, на котором строилась вся система жизни и институтов западной цивилизации.

Либерализм, с его центральным постулатом о свободе личности как высшей ценности западного мира, оказал глубокое влияние на общество. Одним из значимых последствий стало постепенное разрушение устоявшихся гендерных стереотипов, что в итоге запустило процесс трансформации гендерной идентичности. В контексте распространения ценностей либеральной идеологии появление и развитие феминистских движений сыграло не последнюю роль в

пересмотре положения женщины в обществе. Феминизм активно способствовал переосмыслению традиционных гендерных ролей, долгое время определяющих различия между мужчиной и женщиной.

В эпоху постмодерна, где доминируют ценности свободы, плюрализма, релятивизма, отказ от жестких рамок и структур, мы наблюдаем глубокие изменения в сфере гендерной идентичности. Современное общество, характеризующееся неопределенностью и нестабильностью стирает прежние четкие границы между мужчиной и женщиной.

Более того, развитие цифровых технологий способствует созданию альтернативных образов себя, человек стремится вырваться из рамок, навязанных ему социальными нормами. Он пытается расширить границы своей привычной жизни и выйти за пределы стандартных социальных ролей, в том числе и гендерных, которые ему диктует общество. По сути игра с виртуальными образами является способом освободиться от ограничений и найти более аутентичный способ самовыражения. В результате виртуальное пространство становится площадкой для экспериментов с идентичностью, где каждый может конструировать свой образ. Сеть Интернет предлагает богатый инструментарий для экспериментов с образами идентичности.

Таким образом современная постчеловеческая онтология и аксиология раздвигают границы нашего понимания человека: она предлагает сценарии, в которых его идентичность перестает быть чем-то статичным и единым.

Социальные и культурные трансформации второй половины XX века привели к появлению нового взгляда на гендерные отношения и гендерную идентичность человека. Сегодня мы наблюдаем кризис идентичности, который подрывает самые фундаментальные аспекты нашей жизни, связанные с гендерной принадлежностью. Установки на трансформацию традиционных гендерных идентичностей, которые активно продвигаются западными либеральными кругами, меняют устоявшиеся представления о том, что значит быть мужчиной или женщиной.

В настоящее время гендерная идентичность является важной составляющей современных геополитических процессов. В странах Западной Европы, Северной Америки возобладали неолиберальный подход, в рамках которого право на самоопределение идентичности рассматривается как высшая гражданская свобода. В условиях современного геополитического противоборства, обострения конкуренции государств за влияние в мире, гендерная идентичность стала инструментом продвижения интересов различных геополитических акторов.

Надо отметить, что в современном мире геополитические факторы трансформации гендерной идентичности действуют разнонаправленно:

— В либеральных обществах политика дерегулирует гендерную идентичность, превращая ее в частный выбор, защищенный законом;

— В консервативных и авторитарных политических системах государство жёстко закрепляет бинарную модель как основу национальной безопасности и сохранения культурного кода.

Трансформация гендерной идентичности в современном мире, с одной стороны, является закономерным отражением культурных тенденций, доминирующих в обществе, но, с другой стороны, радикальные изменения в сфере гендерных отношений порождают серьезные риски, связанные с деконструкцией традиционной бинарной гендерной системой. Последнее оказывает деструктивное влияние на различные сферы жизни общества, поскольку идет процесс девальвации традиционных ценностей, разрушение института классической семьи, наблюдается кризис маскулинности и маскулинизация феминности, а также демографический спад.

Более того, сегодня активизируются эксперименты над собственной телесностью, в русле ее гендерной трансформации, что безусловно является разрушительным не только для здоровья, но и для природы человека в целом. Таким образом, легитимация и распространение новой гендерной культуры свидетельствует о глубоком духовном кризисе, который охватил западные страны.

Трансформация гендерной идентичности в обществе постмодерна является многомерным процессом, в котором позитивные достижения (равенство прав, свобода самореализации) переплетаются с деструктивными тенденциями (утрата бинарных оснований гендерной идентичности, девальвация духовно-нравственных ценностей, кризис традиционной семьи, демографический спад, манипуляции с телесностью). Легитимация и распространение новой гендерной культуры свидетельствует о глубоком духовном кризисе западной цивилизации, который несет угрозу самому существованию человечества как биосоциального вида. Противодействие этим рискам требует выработки государственной политики, опирающейся на традиционные ценности, научную объективность и уважение к природе человека. Данная работа предлагает теоретическую базу для дальнейших исследований проблемы трансформации гендерной идентичности в современном обществе.

Проведенное диссертационное исследование позволяет сформулировать ряд рекомендаций, адресованных органам государственной власти, системе образования, а также определить перспективные направления дальнейшей теоретической разработки проблемы.

Учитывая выявленный деструктивный характер радикальной гендерной идеологии (SOGI-стратегии), целесообразно продолжить формирование и правовое закрепление системы традиционных духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ № 809), включая четкое определение маскулинности и феминности, семьи, материнства и отцовства. Государственным структурам, ответственным за информационную безопасность, рекомендуется усилить мониторинг и противодействие распространению в медиа деструктивных установок.

Рекомендуется включение в программы высшего образования («Социальная философия», «Культурология», «Основы нравственности») модулей, критически анализирующих постмодернистские концепции гендера,

трансгуманизма и «морфологической свободы». Важно приобщать студентов к традиционным ценностям российской цивилизации.

Диссертационное исследование позволяет обозначить перспективы дальнейшего изучения проблемы. Важным представляется философский анализ сценариев «постгендерного» будущего, предлагаемых идеологами трансгуманизма и оценка их социальных рисков.

В работе показано геополитическое измерение гендерной идентичности (атлантическая vs евразийская модели). Перспективным представляется углублённое компаративистское исследование того, как государства с разными культурно-цивилизационными кодами реагируют на экспансию западных либеральных ценностей, какие механизмы защиты традиционных ценностей они вырабатывают и насколько они эффективны.

Обозначенные перспективы исследования позволят не только углубить теоретическое понимание специфики и рисков трансформации гендерной идентичности в современном обществе, но и выработать эффективные меры по сохранению духовно-нравственных и демографических основ общества в условиях постмодернистских вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова Е. А., Игошева М. А., Плотникова Т. В. Духовный кризис в условиях социальных трансформаций: динамика и основные тенденции // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 3. С. 50-59.
2. Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. №4(85). С. 3-13.
3. Акисов В.Р. Формирование гендерной идентичности и гендерный подход в современной педагогике: философско-культурологический аспект проблематики // Искусство и образование. 2023. № 6 (146). С. 144–149.
4. Акулич М. М., Левенских И. А. Гендерные роли в классических и постклассических социологических теориях // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4. С. 14-20.
5. Алексеенко О. В. Вестернизация как одна из тенденций развития современного мирового пространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2009. №4. С. 65-70.
6. Андреева Н. Н. Формирование гендерной культуры в современном обществе: философско-культурологический анализ: дисс. ... докт. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 285 с.
7. Армен А. С. Деконструкция гендерной идентичности и ее отражение в культурном пространстве постмодернистского общества // Культура и цивилизация. 2019. №1 (9). С. 55-60.
8. Армен А. С. Феминизм как отражение противоречий современной цивилизации // Культура и цивилизация. 2021. №1 (13). С. 65-75.
9. Ашилова М. С., Бегалинов А. С., Бегалинова К. К. Гендер в социально-философском аспекте: сущность и особенности // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. Т. 2. № S (80). С. 5–12.

10. Бакланова О. А., Демченко Н. А. Гендерные трансформации в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2015. №12. С. 323-325.
11. Барашян В. К. Гендерная система в социально-философской рефлексии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 5 (165). С. 5-9.
12. Батурина Н.В. Теории конструирования гендера как культурологического явления // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6А. С.216–221.
13. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2004.188 с.
14. Бацанова С. В. Гендерные отношения, гендерная культура, гендерная картина мира: проблема соотношения понятий // Экономика. Общество. Человек. Белгород, 2010. С. 17–24.
15. Безрукова А. А. Гендерные исследования в России: проблемы становления и развития // Новые технологии. 2011. № 1. С. 203-206.
16. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
17. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс–традиция, 2000. 383 с.
18. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 303 с.
19. Белинская Е. П. Интернет и идентификационные структуры личности. URL: <http://banderus2.narod.ru/70244.html>
20. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
21. Бердяев Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. 383 с.

22. Бешева М. С. Новые гендерные тренды в современном политическом процессе // Вестник государственного университета «Дубна». Сер. «Науки о человеке и обществе». 2021. № 4. С. 3-14.
23. Билич Г. Л. Кризис маскулинности // Вестник Международной академии наук (русская секция). 2016. № 1. С.30-34.
24. Бовуар С. Второй пол: Т. 1. Факты и мифы. Т. 2. Жизнь женщины. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 831 с.
25. Богатова Л. М. Гендерное «дефиле» постмодерна // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. С. 1136-1145.
26. Богатова Л. М. Ризома как гендерная диспозиция постмодерна // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. Т. 149. № 5. С. 103-111.
27. Богданова О. А. Кризис идентичности личности в культуре постмодерна // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 26-31.
28. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 268 с.
29. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 238 с.
30. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение. 2011. 976 с.
31. Большунова Т. В. Феномен чайлдфри: макросоциологический анализ // Вестник университета. 2018. № 4. С. 145-149.
32. Бондарева М. Н. Гендер и стереотипы: философский подход // Социально-гуманитарные знания. 2025. №7. С. 170-174.
33. Борисенко Ю. В. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 122-130.
34. Брандт Г. А. Философская антропология феминизма: природа женщины. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2004. 203 с.
35. Брушкова Л. А. Гендерная нейтральность как норма нового гендерного порядка: отношение россиян // Вестник РГГУ. Сер.: «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 383-392.

36. Булгакова С. А. Кризис семьи и традиционных устоев в современном обществе // Инновационная наука. 2016. № 5-1 (17). С. 215-217.
37. Бутовская М. Л. Антропология пола. Фрязино: Век, 2013. 254 с.
38. Вайсбург А. В. Тенденции упадка института семьи и семейных ценностей в современном российском обществе в представлениях молодёжи (на примере молодежи Конаковского района Тверской области) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 243–246.
39. Вальцев С. В. Духовный кризис в контексте глобализации // Проблемы современной науки и образования. 2012. № 5. С. 25-28.
40. Вейнингер О. Пол и характер. М.: «Терра», 1992. 480 с.
41. Верещагина А. В., Самыгин С. И. Кризис традиционной семьи и альтернативы развития института семьи в России: теоретический анализ с позиций синергетической парадигмы // Инженерный Вестник Дона. 2014. №3. С. 73-78.
42. Виноградова С. М., Панцеров К. А. Гендерный мировой порядок: проблемы и перспективы формирования // Гуманитарный вектор. 2015. № 3 (43). С. 90-97.
43. Власова Е. В., Браславец Е. В. Трансформация тела как ценность // Системная интеграция в здравоохранении. 2020. № 1 (47). С. 30-35.
44. Воронина О. А. Гендерная культура в России: Традиции и новации. М.: ИФ РАН, 2018. 111 с.
45. Воронина О. А. Феминность и маскулинность в культуре: архетипы, символы, метафоры, стереотипы // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 9. С. 92-99.
46. Вострова Н. А. Философско-культурологическое осмысление гендера и гендерных отношений в отечественном научном знании // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. №4. С. 5-9.

47. Гаврилина К. С. Проблема гендерной асимметрии во власти // Социально-гуманитарные знания. 2012. №1. С. 297-302.
48. Галактионов И. В., Соболевская Т. В. Эволюция взглядов на гендерную идентичность в обществе // Ученые заметки ТОГУ. 2022. Т. 13. № 2. С. 187–191.
49. Гареева Л. Ф. Либерализм как идеология свободы личности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 8 (93). С. 58-61.
50. Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи: сборник научных статей / под науч. ред. И. И. Ключко. Санкт-Петербург: НИЦ АРТ, 2020. 143 с.
51. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
52. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
53. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2003. 525 с.
54. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 3-547.
55. Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 270-506.
56. Голобородова Т. Н., Дубина И. Н. Дискурс творчества в постмодернизме // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 4 (18). С. 57-59.
57. Головинов А. В., Головинова Ю. В. Принцип гендерного равноправия в текстах конституций западноевропейских стран // Юрислингвистика. 2021. № 20. С. 5-8.
58. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 302 с.

59. Гречко М. В., Стасев М. А., Тюлина З. Н. К вопросу об эволюции потребностей в системе посткапитализма // Journal of Economic Regulation. 2024. № 15 (2). С. 56-65.
60. Гречко П. К. Идентичность – постмодернистская перспектива// Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С.171-190.
61. Гузенина С. В. О женской эмансипации в социокультурном контексте // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. № 3 (9). С. 43-52.
62. Гульбин Г. К. Философия гендерологии и гендерная культура // Современные проблемы науки и образования. 2013. №3. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2013/3/391.pdf>
63. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 480 с.
64. Давидович В. Е. Общество и личность. М.: Высшая школа, 1962. 52 с.
65. Давыдов Д. А. Посткапитализм как архаизация: институциональный дрейф к неофеодализму? // Антиномии. 2021. Т. 21. Вып. 4. С. 61–78.
66. Дамадаева А. С., Магомедова С. А., Бехоева А. С. Процессы гендерной идентификации профессиональных спортсменов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2019. Т. 13. № 4. С. 93-100.
67. Дебор Ги Э. Общество спектакля. М.: Лоуоq (Радек), 2000. 183 с
68. Де Лауретис Т. Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 23–47.
69. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
70. Демидова О. Р., Потехина Е. А. Гендерные модели в культуре, или О философии мужского и женского. СПб.: «Русская культура», 2022. 174 с.
71. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
72. Деррида Ж. Письмо и различие. Москва : Академический Проект, 2007. 496 с.

73. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 799 с.
74. Драч Г. В. Культурное многообразие и современный мир // Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации: Материалы VI Российского культурологического конгресса с международным участием (г. Москва, 30 октября-01 ноября 2024). М.: Изд-во «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева», 2024. 285 с.
75. Драч Г. В., Эфендиев Ф. С. Типология культуры как основа социокультурного познания: принципы и критерии // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Геленджик: Изд-во «Родные традиции», 2017. С. 81-91.
76. Егле Л. Ю. Традиционная культура: основные подходы к исследованию // Вестнике Кемеровского государственного университета культуры и искусства. 2014. №29/2. С. 43–50.
77. Екимова В.И., Филиппова С. А. Гендерные различия: социокультурный аспект // Сибирский психологический журнал : научно-практический журнал. 2008. № 27. С. 64-66.
78. Жданов Ю. А. Проблемы теории и истории культуры / Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. Ростов-на-Дону: Наука-пресс, 2005. 428 с.
79. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью. URL: [https:// cyberpsy.ru/articles/self_presentation_identity](https://cyberpsy.ru/articles/self_presentation_identity).
80. Жукова О. И. Проблема кризиса личности в условиях общества постмодерна // Философия образования. 2008. № 1 (22). С. 176–183.
81. Захарова Н. Е. Трансформация гендерных ролей в семье как фактор социогенеза // Актуальные вопросы антропологии. 2018. № 13. С. 47-62.
82. Здравомыслова Е. А. Позднесоветский дискурсивный кризис маскулинности — наше наследие? // Мужское измерение работы и семьи в

современном мире: государственная политика и практики повседневности. Уфа: Изд-во Инеш, 2020. С. 8-15.

83. Здравомыслова Е. А., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.

84. Здравомыслова Е. А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15-76.

85. Золотухина-Аболина Е. В. Современное общество: проблема утраты парадигмальных ориентиров // Социум и власть. 2016. № 2 (58). С. 7-11.

86. Иванова Ю. В. Историко-философский подход в изучении гендера как метафоры и социальной стратификации // Омский научный вестник. 2007. № 1 (51). С. 80-83.

87. Игнатова Н. Ю. Критический потенциал феминистской эпистемологии // Вестник Пермского государственного университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 1. С. 20–30.

88. Ильиных С. А. Преобразование гендерной системы и новое трактование концептов маскулинности-феминности // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 55-66.

89. Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации 2008. № 1. С. 31-44.

90. Кабайкина О. В. Трансформация маскулинности в XXI веке: необратимое явление или закономерный процесс // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». 18-19 апреля 2018 г. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. С. 308-311.

91. Каган В. Е. Половые аспекты индивидуальности // Психологические проблемы индивидуальности. 1984. Вып. 2. С. 109-112.

92. Карнаш Г. Ю. Феномен позднего капитализма // Знание. Понимание. Умение. 2020. №1. С. 38-53.

93. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
94. Кириллина Н. В. Фрагментация аудитории медиа: от глобальной деревни к глобальному театру // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 2. С. 170–179.
95. Китаева М. П. Аномия и отчуждение современного человека в изменяющемся мире // Горизонты цивилизации. 2024. № 1(15). С.42–56.
96. Клименко Л. В. Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация или архаизация // Женщина в российском обществе. 2013. №1. С. 20-31.
97. Климова В. В. В поисках гендерной идентичности: век модерна и постмодерна // Альманах современной науки и образования. 2007. №. 7-2. С. 75-76.
98. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 494 с.
99. Кон И. С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. №2. С. 47-58.
100. Кон И. С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности. СПб.: Дмитрий Буланин. 2002. С. 24-46.
101. Конева А. В., Лисенкова А. А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 14- 28.
102. Конева А. В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. №1. С. 50-61.
103. Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация. Цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: информатизация образования. 2019 Т. 16. № 3. С. 207-218.

104. Корытина М. А. Культурная глобализация: феномен, сущность, противоречия процесса // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 381–387.
105. Костина С. Н., Бритвина И. Б. Теоретические подходы и современные представления исследований феномена гендерной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 3. С. 193–215.
106. Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017. 144 с.
107. Крылов А.Н. К вопросу о кризисе идентичности // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 95-104.
108. Крыкова И. В. Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке // Аналитика культурологии. 2008. № 11. С. 65–70.
109. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.
110. Курцвейл Р. Люди смогут обмениваться телами и жить вечно. URL: <https://playboyrussia.com/chtivo/dzhozef-gordon-levitt-ya-dolgo-dumal-o-nedostatkakh-onanizma-7274>.
111. Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.
112. Лакан Ж. Изнанка психоанализа. Семинары: Книга XVII (1969–1970). М.: Гнозис, 2008. 272 с.
113. Лешкевич Т. Г. «Сознание, творящее реальность». Есть ли выход из словесного лабиринта // Эпистемология и философия науки 2018. Т. 55. № 2. С. 220–227.
114. Лешкевич Т. Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2022 № 3. С. 53-63.
115. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

116. Лисенкова А. А. Игры с идентичностью как новая форма инкультурации // Человек. Культура. Образование. 2017. № 1 (23). С.114-121.
117. Лисенкова А. А. Персональная проектная идентификация в цифровом пространстве // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 474–480.
118. Листикова С. А. Гендерный фактор в современной политике: дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2002. 137 с.
119. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3-х тт. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С.135-406.
120. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 298 с.
121. Лугуценко Т. В., Шевченко О. М. Динамика развития современного духовного кризиса в условиях трансформирующегося общества // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 2. С. 26–35.
122. Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. № 5. С. 135-160.
123. Лунин А. А. Кризисы маскулинности и причины трансформации образа мужчины // Молодой ученый. 2016. № 12 (116). С. 772-776.
124. Максимова О. Б. Гендерный вызов современности: в поисках адекватного ответа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2009. №2. С. 13-27.
125. Маркузе Г. Эрос и цивилизация; Одномерный человек: Исследования идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.
126. Мартин-Иогансон Э. Духовное вымирание в Европе. Идеология гендерного равенства // Свободная мысль. 2019. № 6 (1678). С. 35-48.
127. Маслова Е. С. Эрозия идентичности в постмодернизме // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 6. С. 105-111.
128. Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.:Ад Маргинем, 2016. 416 с.
129. Мид Дж. Г. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 224–227.

130. Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004. 412 с.
131. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 799 с.
132. Мухина В. С. Феноменология развития и бытия личности: Избранные психологические труд. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. 640 с.
133. Наумова Е. И. Постмодернизм как описательная матрица посткапитализма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 171-174.
134. Новикова Г. А. Маскулинность в современном обществе европейской культуры: кризис или трансформация? // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-3. С. 56-58.
135. Новикова О. Н. Игра как феномен гендерной идентификации // Философская мысль. 2019. № 3. С. 56-63.
136. Новоселова Е. Н. Судьба традиционной семьи в эпоху прогрессирующего эгоизма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 106-123.
137. Номеровская А. Д. Исследование гендерной идентичности в философско-антропологической перспективе: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2015. 168 с.
138. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 309–350.
139. Осмонова Д. А. Гендер как социокультурный конструкт // Вестник КНУ. 2015. № 1. С. 259-267.
140. Павлов А. Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // Философско-литературный журнал «Логос». 2019. Т. 29. № 2. С. 1-24.

141. Пеннер Р. В. К проблеме идентичности в эпоху постмодерна // Региональные культурные стратегии в современном мире. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2023. С. 62-68.
142. Пензина Е. В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестник КрасГАУ. 2012. №8. С. 228-233.
143. Поломошнов А. Ф. Гуманизм и идентичность: испытание постмодерна. Персиановский: Донской ГАУ, 2020. 162 с.
144. Поломошнов А. Ф., Рыковская Л. А. Гендерный кризис в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12. С. 63–68.
145. Порохнюк Е. В. Ведущие социальные факторы, оказывающие влияние на процесс трансформации традиционной модели семьи и брака: социологический аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 31–43.
146. Потехина Е. А. Эволюция гендерных образов в философско-антропологической мысли Нового времени // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. №3. С. 275-286.
147. Рендл М. В. Социокультурные основания общества модерна: концептуализация идеи «освобождения» индивида // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22. № 6. С. 142-148.
148. Репина Л. П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к тендерной истории // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 123-137.
149. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 592 с.
150. Розанов В. В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. 875 с.
151. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. 703 с.
152. Ручкин Б. А., Гришина Е. А., Серикова Н. А. Российская молодежь: десять главных проблем. М.: Изд-во Института молодежи «Социум», 1999. 89 с.

153. Рыковская Л. А. Гендер как социокультурный феномен // Общество: философия, история, культура. 2024. № 1. С. 47–51.
154. Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
155. Рядинская Е. Н., Волобуев В. В., Богрова К. Б. Связь нормативных установок полоролевого поведения и гендерной идентичности у молодежи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология. 2023. № 4 (55). С. 57–63.
156. Сергеева Н. Н. Кризис личностной идентичности в культуре постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №8 (82). С.174-176.
157. Сикилинда С. В. Гендерная идентичность как социокультурный конструкт: специфика междисциплинарного дискурса // Гуманитарий Юга России. 2025. Т.14. № 6.
158. Сикилинда С. В. Критика консюмеризма в постмодернистском дискурсе // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 6 (64). С. 62–72.
159. Сикилинда С. В. Культурно-философские представления об отцовстве: тенденции формирования и перспективы изучения // Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания: материалы IX всероссийской научно-практической конференции. 24 октября, 2024. г. Волгоград. Волгоград: Изд-во Волгоградская академия МВД РФ, 2025. С. 93-96.
160. Сикилинда С. В., Ласкова М. В. Трансформации культурно-философской категории маскулинности в современном обществе // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 111. № 4. С. 76-80
161. Сикилинда С. В. Маскулинность как культурно-философский конструкт общества постмодерна // Гуманитарий Юга России. 2025. Т.14. №4 (74). С. 145-157.

162. Сикилинда С. В. Неопределенность идентичности в обществе постмодерна // Лосевские чтения: Материалы XXI международной научной конференции. Новочеркасск: Издательство: НОК, 2024. С. 114-118.
163. Сикилинда С. В. О культурно-философской интерпретации мужской идентичности в современном социуме // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2025. № 2. С. 41-44.
164. Сикилинда С. В. Факторы трансформации гендерной идентичности в современном обществе // Философские проблемы: вчера, сегодня, завтра. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2025.
165. Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2012. 638 с.
166. Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 405–436.
167. Сметана В. В. Философские основания постчеловеческого существования // Международный научный журнал «Флагман науки». 2025. №7(30). С. 292-297.
168. Соболева Е. А. Гендерные взаимоотношения в современной культуре: дисс. ... канд. философ. наук. Астрахань, 2005. 151 с.
169. Соловьев В. С. Смысл любви: Избр. произведения. М.: Современник, 1991. 525 с.
170. Соколовская М. Г. Маскулинность как социальный феномен: содержание и основные тенденции // Вестник Брестского университета. Сер. 1: Философия. Политология. Социология. 2021. № 1. С. 128–137.
171. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
172. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
173. Тарновский К. Ю. Особенности самоидентификации личности в обществе постмодерна // Ценности и смыслы. 2016. № 3. С.101-111.

174. Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии, 2017. № 20 (5). С. 15–38.
175. Теркл Ш. Живым голосом. Зачем в цифровую эру говорить и слушать. М.: АСТ, Corpus, 2021. 560 с.
176. Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис Пресс: Рольф, 2001. 637 с.
177. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 795 с.
178. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–23.
179. Тульчинский Г. Л. Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 32–51.
180. Устинкин С. В., Рудакова Е. К. SOGI-трансформация гендерной стратегии ЕС // Власть. 2025. №1. С. 239-246.
181. Ушакова В. Г. Пол и гендер: социополитические аспекты терминологических дебатов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 352–362
182. Фетисова О.В. Роль семьи в процессах гендерной социализации молодежи // Гендерный калейдоскоп — 2019. Ростов н/Д: ООО «Фонд науки и образования», 2020. С. 73-77.
183. Флоренский П. А. Столп и Утверждение Истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Лепта, 2002. 812 с.
184. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение» 1990. 448 с.
185. Фридан Б. Загадка женственности. М.: Издательский Дом Литера, 1993. 496 с.
186. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
187. Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? / Пер. с нем. и англ. М.: АСТ: АСТ-МОСКВА, 2009. 442 с.

188. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. М.: Наука, 2010. 446 с.
189. Фуко М. Слова и вещи Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
190. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политических идей. СПб., 2008. 417 с.
191. Хейзинга Й. Человек играющий = Homo ludens. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 409 с.
192. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.
193. Хорни К. Психология женщины. М.: «Эксмо», 2003. 347 с.
194. Храмова Т. Право на уважение гендерной идентичности: новые стандарты автономии личности // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 3(130). С. 54–68.
195. Цивилизационные исследования на Юге России: монография / Г. В. Драч, Т. С. Паниотова, В. Н. Бадмаев и др. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. 304 с.
196. Чернавин Ю. А. Цифровая идентичность личности: сущность, особенности возникновения и проявления // Человеческий капитал. 2022. №12 (168). Т. 2. С. 74-78.
197. Черных О. Ю. Основные тенденции конструирования гендера в современном мире // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 546–549.
198. Чернышева А. В., Спирюгова А. Г. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации // Гуманитарный вестник. 2021. № 6 (92). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/socio/754.html>
199. Чуркина Н. А. Гендерная идентичность в аспекте трансформации гендерной ментальности // Социодинамика. 2018. № 9. С. 98-104.

200. Шабанов Я. В. Демографическая ситуация и демографическая политика в постсоветской России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 2. С. 161-164.
201. Шалаев В. П., Емельянов Ф. Г. Игра в пространстве самоидентификации и идентичности человека в обществе постмодерна // Труды БГТУ. 2015. № 5. С. 121-125.
202. Шатилов С. Ф., Морозов К. А. Идеология обмана: парадоксы гендерного мейнстриминга // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2023. №3 (45). С. 88-93
203. Швец Л. Г., Шепелева Ю. Л. Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития. М.: КРЕДО, 2015. 148 с.
204. Шевченко О. М., Тихоновская М. П. Угрозы и риски духовной безопасности современной России // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 1. С. 161-169.
205. Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Коммуникативные и идентификационные трансформации как сущностные проявления цифровой культуры // Гуманитарий Юга России. 2022. №2 (54). Т. 11. С. 180–190.
206. Шепелева Ю. Л. Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 3. С. 240-245.
207. Шишлова Е. Э. Трансформация гендерной идентичности: социально-психологический аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1 (22). С. 204-209.
208. Шлычкова О. Н. Социокультурный анализ гендерной картины мира: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2000. 170 с.
209. Щекотуров А. В. Конструирование виртуальной гендерной идентичности подростков на страницах социальной сети «ВКонтакте» // Женщина в российском обществе. 2012. №4. С. 31-43.

210. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.
211. Шуршин К. Е. Гендер как предмет социально-философского анализа // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: материалы третьего Российского философского конгресса (16-20 сентября 2002 г.): в 3 т. Т. 3. Ростов н/Д, 2000. 304 с.
212. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 356 с.
213. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1993. 329 с.
214. Юкина И. И. Двуликий Янус гендерной политики в России // Женщина в российском обществе. 2011. № 3 (60). С. 30-38.
215. Яковлева Е. Д. Осмысляя современные трансформации: гламурное тело //
216. Бюллетень науки и практики. 2017. № 1 (14). С. 222-228.
217. Bauman Z. Postmodernity and its Discontents. Cambridge: Polity Press, 1997. P. 63–69.
218. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. L.: Sage, 1992. 272 p.
219. Benjamin J. The Bonds of Love: Psychoanalysis, Feminism, and the Problem of Domination. New York: Pantheon Books, 1988. 243 p.
220. Butler J. Gender Trouble. New York: Routledge, 1990. URL: <https://nashvillefeministart.wordpress.com/wp-content/uploads.pdf>
221. Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology. 1998. N 28 (22). P. 227-248.
222. Clarke S. What in the F—’s Name is Fordism // Fordism and Flexibility. Division and Change / ed. by G. Nagel, R. Burrows, A. Pollert. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; London: The Macmillan Press LTD, 1992. P. 13–30.
223. Cooley C.H. Social Process. Charleston, SC: Bibliolife, 2009. 430 p.
224. Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things. Selected Papers / Ed. By S. Schlein. N.Y., 1995. P. 749-755.

225. Giddens A. Runway World. How globalization is reshaping our lives. London: Profile Books, 2002. 124 p.
226. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, California: Stanford University Press, 1990. P. 70–78.
227. Harvey D. The political-economic transformation of late twentieth-century capitalism. Part 2 // Harvey D. The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, 1990. P. 121–197.
228. Marcia J. E. Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology / ed. by J. Adelson. N. Y., 1980. P. 159–187.
229. Masuda Y. The information society as post-industrial society. Editorial Fundesco, 1984. 171 p.
230. Pieterse J. N. Globalization as Hybridisation // International Sociology. 1994. № 9 (2). P. 161–184.
231. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. 211 c.
232. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // The Psychology of Intergroup Relations. Chicago, 1986. P. 162-171.
233. Thompson C. ‘Penis Envy’ in Women // Psychiatry. 1943. № 6. P. 23–125.
234. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // Devel. Psychol. 1982. V.18. № 3. P. 341–358.
235. Whitehead S. Men and Masculinities: Key Themes and New Directions. Cambridge: Polity, 2002. 288 p.